

Голсуорси Джон

Сильнее смерти

Джон Голсуорси

Сильнее смерти

Перевод с английского Л. Чернявского.

"Che Faro senza..."

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *

ГЛАВА I

От здания бюро регистрации браков на Сент-Джордж-стрит Чарлз Клер Уинтон неторопливо зашагал следом за такси, увозившим его дочь вместе с "этим скрипачом", за которого она вышла замуж. Правила хорошего тона, разумеется, не позволяли ему идти рядом с Бетти, пожилой нянькой, единственной, кроме него, свидетельницей этого бракосочетания. Дородная женщина, да еще заплаканная, была бы совсем не подходящей спутницей для него, с его стройной, прямой фигурой, размеренной и ритмичной походкой, приличествующей улану старого закала, пусть даже он в отставке вот уже добрых шестнадцать лет.

Бедная Бетти! Он подумал о ней с каким-то досадливым сочувствием - ей не к чему было давать волю слезам тут же, на ступеньках лестницы. Разумеется, теперь, когда Джип уехала, нянька будет чувствовать себя одинокой, но ведь не настолько же одинокой, как он сам! Рукой, обтянутой светлой перчаткой, - единственной действующей рукой, ибо кисть правой была ампутирована, - он сердито покручивал небольшие седеющие усы, торчащие над уголками четко очерченных губ. Стоял пасмурный февральский день, но на нем не было пальто; он даже не облачился в черную пару и не надел цилиндра, а остался в синем костюме и твердой фетровой шляпе, заранее зная, что свадьба пройдет незаметно. Привычка солдата и охотника - ничем не выдавать душевного волнения - не изменила ему и в этот мрачный день его жизни; но его светло-карие глаза, то и дело суживаясь, гневно сверкали, а мгновениями, словно он не в силах был противиться какому-то глубокому чувству, они темнели и, казалось, совсем прятались в глазницах.

У него было продолговатое обветренное лицо со впалыми щеками, резко очерченный подбородок, маленькие уши, темные волосы, тронутые сединой на висках, - лицо волевого человека, уверенного в себе, энергичного. Вся его манера держать себя говорила о том, что, оставаясь всегда чуть-чуть денди и отдавая должное "форме", он в то же время понимал, что есть вещи и поважнее. Человек определенного типа, он был в чем-то нетипичным. Прошлое таких людей нередко бывает отмечено какой-нибудь трагедией.

Направляясь к парку, он свернул на Маунт-стрит, Здесь стоял тот дом, хотя вся улица в былые времена выглядела совсем иначе... Да, тот самый дом, возле которого он в незабываемый ноябрьский вечер - двадцать три года назад, когда родилась Джип, - шагал взад и вперед, в тумане, как призрак, как бездомный пес, с отчаянием в душе. Из-за двери, в которую он не имел права войти, ему, любившему так, как никогда ни один мужчина не любил женщину, было сказано, что она умерла; умерла, произведя на свет ребенка, который только они двое знали это - был его ребенком! Шагать взад и вперед в тумане, час за часом, зная, что время родов пришло, и в конце концов услышать... это! Должно быть, самый тяжелый жребий, который выпадает человеку, - это любить слишком сильно.

Как странно, что путь его лежал мимо этого дома именно сегодня, после новой тяжелой утраты! Проклятая случайность - надо же было, чтобы подагра погнала его прошлой осенью в Висбаден! Проклятая случайность - и то, что Джип попался на глаза этот субъект Фьорсен со своей злосчастной скрипкой! Таким же заброшенным, как сегодня, никому не нужным, Уинтон чувствовал себя пятнадцать лет назад, до того, как Джип переехала к нему. Завтра же он вернется в Милденхэм - быть может, на него благотворно подействует усиленная доза верховой езды. Без Джип... Жить без Джип! Скрипач! Субъект, который никогда в жизни садился на лошадь!.. Он злобно взмахнул тростью, словно рассекая надвое человека.

Никогда еще его клуб вблизи Хайд-парка не казался ему таким унылым. По укоренившейся привычке он прошел в комнату для карточной игры. Уже смеркалось, и горело электричество; несколько игроков-завсегдатаев сидело в свете затененных абажурами ламп - он причудливо падал на столы темного дерева, на спинки кресел, карты, бокалы, позолоченные чашечки с кофе, на руки с полированными

ногтями, державшие сигары. Приятель предложил ему сыграть в пикет. Он безучастно сел за стол. Бридж - этот обрубленный вист всегда оскорблял его утонченный вкус - какая-то изуродованная игра! В покере было что-то вызывающее. Пикет, хотя и вышедший из моды, оставался для него единственной стоящей игрой, еще сохранившей какой-то стиль. К нему шла хорошая карта, и он выиграл пять фунтов, но охотно поступился бы ими, лишь бы избавиться от скуки клубной болтовни... Где теперь молодые? Проехали Ньюберн? Джип сидит напротив этого шведа с зеленоватыми глазами дикой кошки. И весь он скрытный, чужой - иностранец! Ничтожество - или он, Уинтон, разучился разбираться в лошадях и людях! Слава богу, он сберег деньги Джип до последнего фартинга. Чувство, близкое к ревности, охватило его при мысли, что руки этого парня обнимают его пышноволосяную, кареглазую дочь - это прелестное, грациозное создание, всем своим обликом напоминающее ему ту, которую он любил так самозабвенно.

Когда он выходил из комнаты для карточной игры, его провожали глазами: он был из тех, кто вызывает у людей некое чувство восхищения, хотя никто не скажет точно, почему. Многие мужчины его круга обладали такими же достоинствами, как и он, но не привлекали к себе такого внимания. Может быть, здесь и сказывалась та самая черта нетипичности или печать, оставленная на нем прошлым?

Выйдя из клуба, он медленно направился вдоль Пикадилли в Сент-Джемс, к себе, на Бэри-стрит, где стоял его дом; дом этот - его лондонское убежище еще с юности - был одним из немногих на этой улице, которых не коснулась страсть лондонцев все разрушать и строить заново, что, как ему думалось, испортило добрую половину города.

Дверь открыл молчаливый человек, с мягкими, быстрыми, темными глазами вальдшнепа, в длинном зеленоватом вязаном жилете, черном переднике и узких брюках на штрипках.

- Сегодня я дома, Марки. Пусть миссис Марки приготовит мне обед. Любые блюда.

Марки кивком подтвердил, что услышал сказанное; его глаза под сросшимися в одну темную линию бровями оглядели хозяина с ног до головы. Когда вчера вечером жена сказала ему, что хозяину будет

теперь одиноко, он тоже ограничился кивком. Уходя в задние комнаты, Марки движением головы указал в сторону улицы, а потом наверх: из этого миссис Марки, женщина сообразительная, должна была заключить, что ей надо отправляться за провизией, ибо хозяин будет обедать дома. Когда она ушла, Марки присел возле Бетти, старой няни Джип. Толстуха все еще тихо плакала. Это совсем испортило ему настроение; он чувствовал, что и сам готов завывать, как пес. Несколько минут он молча глядел на ее широкое, румяное, мокрое от слез лицо, потом покачал головой, и Бетти, подавив рыдание и вздрогнув всем своим пышным телом, успокоилась. С Марки приходилось считаться.

Уинтон сначала направился в спальню дочери. Он стал пристально разглядывать опустевшую комнату с ее шелковым убранством, оставленное зеркало в серебряной оправе и сердито тербил подстриженные усы. Потом, уже в своем кабинете, не включая света, уселся перед камином. Кто-нибудь, заглянув в комнату, мог бы подумать, что он заснул; но он не спал навевающее дремоту удобное кресло и уютный огонь камина только уводили его в далекое прошлое. Что за нелепое совпадение: именно сегодня ему пришлось пройти мимо ее дома!

В теории отрицаются такие вещи, как сродство душ, или такие факты, когда жизнь человека, по крайней мере, мужчины, оказывается разбитой из-за единственной страстной любви. В действительности же такие мужчины есть; это люди волевые, сдержанные, необщительные, меньше всего ожидающие, что жизнь сыграет с ними такую шутку, и менее всего склонные поступиться своей свободой; такие вначале едва ли даже понимают, что свершилась их судьба.

Разве похоже было на него, Чарлза Клера Уинтона, вот так сразу влюбиться по уши, когда он едва переступил порог танцевального зала Белворского охотничьего общества в Грэнтхеме - в тот декабрьский вечер, двадцать четыре года назад? Ревностный служака, щеголь, первоклассный знаток охоты с гончими/еще в полку удивлявший всех холодным, вежливо-пренебрежительным отношением к женщинам как к чему-то второстепенному в жизни, он стоял в дверях, не торопясь танцевать, и оглядывал зал с рассеянным, но отнюдь не высокомерным видом. И тут - вдруг! - мимо прошла она, и жизнь его навсегда изменилась. Была ли это игра света, но ему показалось, что вся ее душа сияет в мельком брошенном на него, немного испуганном

взгляде. Или что-то завораживающее было в ее плавной походке, в обольстительной гармоничности всей ее фигуры? Или в пышной прическе, в тонком, почти не уловимом аромате, как от цветка? Что это было?

Жена местного землевладельца, имевшего дом в Лондоне... Тому, что произошло, не было оправдания: женщина, не униженная дурным обращением; заурядный бездетный брак, длящийся три года; муж - добродушный, славный малый, старше ее на пятнадцать лет, видимо, человек болезненный. Никакого оправдания! Но спустя месяц после этого вечера Уинтон и она уже любили друг друга и были близки не только духовно. Случай, настолько выходящий за пределы общепринятого "хорошего тона" и представлений самого Уинтона о чести и порядочности офицера и джентльмена, что уже и речи быть не могло о том, чтобы взвешивать "за" и "против", - все было сплошным "против". С того первого вечера он принадлежал ей, а она ему. Оба жили только одним желанием - быть вместе. Но если так, почему они не уехали вдвоем? Уж, конечно, не потому, что он не просил ее об этом. И нет сомнения, - если бы она осталась жить после рождения Джип, они бы уехали. Но прямо решиться на это и, как она тогда считала, испортить жизнь двоим мужчинам, было свыше ее сил при ее мягком сердце. Смерть положила конец этой борьбе с собой прежде, чем она нашла решение. Она была из тех женщин, у которых беззаветная привязанность сочетается с душевными сомнениями. В этом всегда есть какая-то особая пленительность, ибо способность женщины к твердым и быстрым решениям лишает ее неуловимых черт таинственности и капризного непостоянства. Хотя по крови она лишь на какую-то четверть была иностранкой, в ней почти не осталось ничего английского. А Уинтон был англичанином до мозга костей, истым джентльменом с той жилкой отчаянной решимости, когда человек в молодости готов разбить вдребезги общепринятые устои, а в зрелом возрасте оберегает их неприкосновенность. Никому не пришло бы в голову назвать Уинтона "оригиналом"; волосы у него всегда были безукоризненно причесаны; ботинки сверкали; он был строг и сдержан, признавал и соблюдал все каноны благовоспитанных людей. Но в пылу своей страсти он забыл о светском обществе со всеми его правилами. В течение года их близости он в любой момент рискнул бы жизнью и пожертвовал бы карьерой, лишь бы провести с

ней целый день; но ни разу ни словом, ни взглядом он не скомпрометировал ее. Ограждая самым тщательным образом ее "честь", он довел себя до такого состояния, которое горше смерти; он даже согласился с ее желанием скрывать, что ей предстоит произвести на свет их ребенка. Расплата по этому долгу азартного игрока была, пожалуй, самым мужественным, что он совершил в жизни, и даже сейчас все это напоминало о себе, как незаживающая рана.

В эту самую комнату, тогда заново обставленную по ее вкусу, он вернулся после того, как услышал, что она умерла; стулья атласного дерева, маленькая изящная шифоньерка в стиле XVII века, канделябры старой бронзы с экранами, диван - все это даже теперь придавало экзотический вид его холостяцкой квартире. Вот здесь, на столе, лежало тогда письмо, отзывающее его в полк, который должен был выступить в поход. Если бы он знал, что ему придется вынести, прежде чем представится случай сложить голову там, в далеких краях, он, наверно, покончил бы счеты с жизнью здесь же, в этом же кресле у огня. В той малой войне ему не выпало такой удачи, он только получал отличия. Когда война кончилась, все пошло по-прежнему: военная служба, охота на тигров, на кабанов, игра в поло, чаще, чем раньше, охота на лисиц; прибавилось только морщин на лице и шрамов на сердце; он по-прежнему не раскрывал своей тайны никому и понемногу стал предметом нелепого, стеснительного для него восхищения окружающих; обычно такое восхищение вызывается сочетанием в человеке безоглядной смелости и ледяного хладнокровия. Еще более молчаливый, чем другие люди его склада, и уж вовсе не охотник до разговоров о женщинах, он тем не менее не прослыл женоненавистником, хотя и подчеркнуто сторонился женщин. После шести лет службы в Индии и Египте он потерял правую руку в бою с дервишами и тридцати четырех лет, в чине майора должен был уйти в отставку. Долгое время ему ненавистна была даже мысль о ребенке - его ребенке, рождение которого стоило жизни женщине, которую он любил. Потом в его душе произошла странная перемена; в течение трех лет до возвращения в Англию у него сложилась привычка - посылать девочке всякие купленные на восточных базарах безделушки, которыми она могла бы играть. В знак благодарности он получал раз или два в год письма от человека, считавшего себя отцом Джип. Он отвечал на эти письма. Помещик

обожал девочку; и хотя Уинтон не представлял себе, что мог бы тогда поступить иначе, у него все время оставалось некое чувство вины перед этим человеком. Это были не угрызения совести - скорее ощущение неоплаченного долга; но и оно смягчалось мыслью о том, что ведь никто ни о чем не подозревал, а сам он немало перенес мук, чтобы не вызвать подозрений.

Когда, наконец, он вернулся в Англию, помещик явился к нему с визитом. Бедняга болел хроническим нефритом и быстро терял силы. Уинтон снова очутился в том доме на Маунт-стрит; чтобы подавить охватившее его волнение, потребовалось больше мужества, чем во время кавалерийской атаки. Но человек, у которого, как он сам выражался, "сердце на месте", не дает нервам распускаться; и он, не дрогнув, вступил в комнаты, где видел ее в последний раз, и, обедая один на один с ее мужем, ничем не выдавал своих чувств. Маленькую Гиту, или Джип, как она сама себя называла, ему не пришлось повидать: она уже спала. Прошел целый месяц, прежде чем он заставил себя отправиться туда в час, когда мог увидеть ребенка. Он был в страхе. Какие чувства разбудит в нем это маленькое создание? Когда нянька Бетти ввела девочку, чтобы познакомить ее с дядей военным, у которого "кожаная рука" и который посылал ей забавные игрушки, девочка стала перед ним, спокойно разглядывая его большими, темно-кариими глазами. Ей было семь лет; короткое, коричневого бархата платьице едва покрывало колени ее тонких ножек в коричневых чулках; она стояла, выставив одну ножку вперед, напоминая маленькую коричневую птичку. Ее серьезное, какое-то вопрошающее лицо было теплого матового тона, без румянца; румяными были только губы, не очень полные, но и не тонкие, с едва заметной ямочкой у уголка рта. Темно-каштановые волосы были, видимо, только что расчесаны и перехвачены узкой красной лентой над лбом, широким, и пожалуй, низким - это придавало ей еще больше детской серьезности. У нее были тонкие, темные, великолепно изогнутые брови, безупречно прямой нос, красивая линия подбородка - ни округлого, ни острого. Она стояла и смотрела, пока наконец Уинтон не улыбнулся. Тогда выражение ее лица смягчилось, губы раскрылись, глаза как будто слегка распахнулись. И сердце Уинтона словно перевернулось в груди это был ее ребенок; ребенок той,

которую он потерял! Он сказал, как ему самому показалось, с дрожью в голосе:

- Ну что, Джип?

- Спасибо за игрушки; они мне нравятся.

Он протянул руку, и она вложила в нее свои тонкие пальчики. Чувство умиротворенности, словно кто-то тихо погладил его по сердцу, охватило Уинтона. Осторожно, чтобы не испугать девочку, он приподнял ее руку, нагнулся и поцеловал. Потому ли, что он сразу распознал в ней натуру живую и впечатлительную и это, видимо, подействовало на нее, либо потому, что с этой минуты! зародилось какое-то инстинктивное, глубокое чувство родства между ними, только Джип мгновенно была пленена им и привязалась к нему, как иногда привязываются дети к самым случайным людям.

Он продолжал приходить туда в часы, когда помещик отдыхал, - между двумя и пятью. Эти часы он проводил с Джип: гулял с ней по парку, катал на лодке, а в дождливые дни просиживал в скучной детской и рассказывал ей сказки в присутствии дородной Бетти, которая сидела, уставившись на него, как загипнотизированная; а полное ее лицо выражало недоверие, почти подозрительность. После нескольких часов, проведенных в детской, ему трудно было идти в кабинет хозяина дома, курить, разговаривать. Эти беседы слишком живо напоминали об ушедших днях, когда ему стоило таких огромных усилий держать себя в руках. Помещик, ничего не подозревая, радостно встречал его и без конца благодарил за доброту к ребенку. Весной он умер, назначив Уинтона своим душеприказчиком и опекуном Джип. После смерти жены помещик сильно расстроил свои дела, его имение было заложено и перезаложено. Уинтон принял это с каким-то свирепым удовлетворением и с этого времени стал серьезно помышлять о том, чтобы взять Джип к себе. Дом на Маунт-стрит был продан; поместье в Линкольншире сдано в аренду. Джип и ее няньку Бетти он поселил в своем охотничьем доме в Милденхэме. Прилагая все усилия к тому, чтобы отдалить девочку от ее родственников, Уинтон решительно пустил в ход свое умение заставлять людей держаться от него на почтительном расстоянии. Всегда оставаясь вежливым, он попросту отваживал их своей ледяной неприступностью. Мотивы его действий не могли вызывать сомнений: он был человеком состоятельным. За год он отдалил Джип от всех,

кроме толстухи Бетти. Он не сомневался в своей правоте: Джип чувствовала бы себя несчастной без него, как и он без нее. В конце концов он решил, что она должна носить его имя по крайней мере в Милденхэме. Он отдал приказ Марки: впредь называть маленькую Джип мисс Уинтон! Когда в тот день он вернулся с охоты, его ждала Бетти. Она стояла в дальнем углу кабинета, этой довольно мрачной комнаты. На ее крупном, румянном лице было выражение страха и решимости, и она уже успела порядком измять свой белый передник. Ее голубые глаза с каким-то отчаянным вызовом встретили взгляд Уинтона.

- Я насчет того, что передал мне Марки, сэр. Мой старый хозяин был бы недоволен этим, сэр.

Задетый за живое, Уинтон сказал ледяным тоном: - - Вот как! Тем не менее вы будете столь добры считаться с моим желанием.

Лицо толстухи побагровело.

- Да, сэр. Но что я видела, то видела. Я никогда ничего не говорила, но у меня есть глаза. Если мисс Джип будут звать вашим именем, сэр, тогда развяжутся языки, и моя дорогая покойная хозяйка...

Его взгляд заставил ее замолчать на полуслове.

- Вы будете добры оставить ваши соображения при себе. Если хоть одно ваше слово или действие даст малейший повод для разговоров, вы уедете отсюда и никогда больше не увидите Джип! А пока вы будете делать то, чего требую я. Я удочерил Джип.

Бетти всегда немного побаивалась Уинтона, но никогда еще не видела такого выражения в его глазах и не слышала, чтобы он говорил таким голосом. Опустив свою крупную, как луна, голову, она вышла со слезами на глазах, продолжая мять передник. Уинтон стоял у окна и глядел, как сгущаются сумерки, как юго-западный ветер гонит облетевшие листья; он испил до дна чашу своего горького торжества. У него никогда не было никаких прав на усопшую, навеки любимую им мать его ребенка. Теперь он намерен по праву быть отцом Джип. Если развяжутся языки - что ж, пусть так! Это было крушением всей его прежней осторожности, решительной победой естественного инстинкта. Глаза его сузились, он продолжал пристально вглядываться в темноту.

ГЛАВА II

Несмотря на то, что Уинтон отвоевал сердце Джип у всех мыслимых соперников, у него оказался еще один; сила этого соперника впервые стала ему ясна, пожалуй, только теперь, когда Джип уехала, а сам он сидит у камина, размышляя об ее отъезде и о своем прошлом. Трудно было ожидать, чтобы он, человек решительного склада, в жизни которого главную роль играли сабля и конь, по-настоящему понял, какое значение может иметь для маленькой девочки музыка. Он знал, что она требовала, чтобы ее научили играть гаммы, и песенку "Хижина у леса", и другие мелодии. Он старался не очень вникать в это и не подозревал, с какой жадностью усваивала Джип все - и даже больше того, - что могла ей преподать по части музыки ее гувернантка. Не придавал он значения и тому, с каким восторгом она слушала любую случайную музыку - святочные песенки, пение хора в сельской церкви, особенно "Ныне отпускаеши"; как прислушивалась к далеким переливам рога охотника, выследившего зверя, и даже к необыкновенно мелодичному насвистыванию Марки.

Зато он полностью одобрял другое - ее пристрастие к собакам и лошадям; он с живым любопытством наблюдал, как она ловит ладошкой шмеля и подносит его к маленькому нежному уху, чтобы послушать его гудение; одобрял ее постоянные грабительские набеги на цветочные клумбы в старомодном саду, где весной цвели сирень и раkitник, летом - гвоздики, розы и васильки, а осенью - георгины и подсолнечники. Этот сад, теснимый со всех сторон выгонами для лошадей, всегда оставался неухоженным и заросшим. Он еще понимал ее, когда она тянула его послушать, как поют птицы; но эта ненасытная страсть к музыке была просто выше его разума. Джип была капризным маленьким созданием, с быстрой сменой настроений, чем-то похожая на ее коричневого спаньеля, то резвого, как бабочка, то мрачного, как ночь. Всякое проявление жестокости она принимала близко к сердцу. Гордость и неуверенность в себе, казалось, так переплелись в ней, что никто не понимал, почему именно сейчас у нее хорошее или дурное настроение. Необыкновенно впечатлительная, она часто воображала себя обиженной. Отношение к ней других людей, ничего плохого ей не желавших, вдруг казалось ей неопровержимым доказательством того, что ее никто не любит, хотя сама она хотела бы любить всех или почти всех. И она часто говорила

себе: "Если они не любят меня, пусть! Мне ни от кого ничего не надо!" Но очень скоро все рассеивалось, словно облако, и она опять любила все и всех и была весела; а потом опять ее жестоко ранило что-нибудь новое, в чем не было никакой намеренной обиды. В сущности, прислуга обожала ее и: любовалась ею. Но она была одним из тех нежных созданий, слишком "тонкокожих" от рождения, которые - особенно в детстве - сами себя мучают, живя в окружении людей более "толстокожих".

К полному восторгу Уинтона, она не знала страха перед оседланной лошастью. У нее была лучшая гувернантка, какую он только мог дать ей: дочь адмирала, впавшая в бедственное положение; а позднее - учитель музыки, приезжавший дважды в неделю из Лондона, язвительный господин, втайне восхищавшийся ею даже больше, чем она им.

Не в пример большинству девушек-подростков у нее не было периода некрасивой угловатости - она росла, как цветок, ровно, постепенно. Часто Уинтон, глядя на нее, чувствовал что-то вроде опьянения: поворот головы, "летающий" взгляд удивительно ясных, безупречного разреза карих глаз, стройная шея, форма рук и ног - все это представало перед ним как мучительное напоминание о той, которую он так любил. И все-таки при всем сходстве с матерью они во многом были непохожи и по внешности и по характеру. У Джип была более совершенная, точеная фигура, больше утонченности в характере, чуть больше естественности в осанке и природного изящества: в настроениях у нее было больше оттенков, но в мыслях больше ясности, и, наконец, при всей ее свежести и неиспорченности в ней чувствовался какой-то оттенок скептицизма, что уж вовсе несвойственно было ее матери.

Она была изящного сложения, но не хрупкой; выезжая на охоту, она могла провести в седле весь день и возвращалась такой усталой, что ложилась на тигровую шкуру у камина, лишь бы не подниматься к себе наверх. Жизнь в Милденхэме была уединенной, если не считать визитов охотников, приятелей Уинтона, но и тех у него было немного: его изысканность не очень-то мирилась с этими грубоватыми сельскими джентльменами, а ледяная учтивость отпугивала местных дам.

Как и предвидела Бетти, языки все-таки развязались, эти языки сельских обывателей, падких на все пикантное в скучном однообразии своего вялого существования. И хотя ни одна сплетня не доносилась до ушей Уинтона, среди гостей Милденхэма никогда не бывало ни одной женщины. Если не считать случайных знакомств возле церкви, на охоте, на местных скачках, Джип росла, почти не сталкиваясь ни с кем из представительниц своего пола, и это усугубляло ее замкнутость, ее девическое неведение, смутное и безотчетное презрение к мужчинам, - хотя они были у нее на побегушках; они радовались, когда она улыбалась, и огорчались, как только она хмурила брови. Она часто втайне тосковала по подругам, которые неизменно обожали ее, но дружба всегда оказывалась кратковременной и оставляла ее неудовлетворенной. Уинтон не способен был уделять много внимания ее нравственному и духовному развитию. Для него это был предмет, не заслуживающий долгих разговоров. Общепринятые правила, такие, как посещение церкви, должны были соблюдаться; умению держать себя она должна была учиться, насколько возможно, у него; а об остальном пусть позаботится сама природа! В этом его взгляде на воспитание было, пожалуй, немало практического здравого смысла. Джип жадно набрасывалась на книги, но плохо помнила прочитанное; и хотя она вскоре разделалась со всеми книгами тощей библиотеки Уинтона, в которую входили Байрон, Уайт-Мелвиль и гумбольдтовский "Космос", они не оставили серьезного следа в ее сознании. Попытки ее маленькой гувернантки пробудить в ней интерес к религии дали довольно скудные результаты; а в знаках внимания, которые ей оказывал местный викарий, Джип со свойственным ей скептицизмом увидела некий специфический интерес, который подозревала у всех мужчин: она чувствовала, что священнику доставляет удовольствие говорить ей "моя милая" и гладить по плечу и что в этом он видит некую награду за свою пастырскую старательность.

Укрытая от людей в этом небольшом, старом, мрачном отцовском поместье, где одни только конюшни были вполне современными, в трех часах езды от Лондона и тридцати милях от морского берега, она была отдалена от всего, что помогает воспитанию современной молодой девушки. Раза два в год Уинтон брал ее с собой в столицу - погостить у его незамужней сестры Розамунды, жившей на Керзон-

стрит. За эти недолгие недели у нее появлялся естественный вкус к красивым платьям и еще больше усиливалась страсть к музыке и театру. Но главного для современной девушки - дискуссий на высокие темы и развлечений она была лишена совершенно. В ту пору ее жизни, с пятнадцати до девятнадцати лет, еще не начинался общественный подъем 1906 года и общество все еще пребывало в состоянии спячки, как зимняя муха за оконным стеклом. Уинтон был тори, тетка Розамунда - тори, все окружающие Джип были тори. Единственное, что воздействовало на ее душу в девические годы, была безоглядная любовь к отцу. Правда, благовоспитанность в немалой степени мешала открытым проявлениям этой любви; но быть с ним, делать что-то для него, восхищаться, считать его совершенством - все это она ценила превыше всего, тем более, что ей самой не дано было носить ту же одежду, что он, говорить тем же резким, не терпящим возражений тоном или презирать одежду и манеры других людей. Вместе с щепетильностью в вопросах этикета она унаследовала и его способность отдаваться одному чувству. Только она делала его по-настоящему счастливым, и любовь к нему всегда переполняла ее сердце. Безграничная любовь к кому-либо и такая же безграничная любовь кого-либо к ней самой были так же необходимы ей, как стеблю цветка вода и солнечный свет цветочным лепесткам. Поэтому довольно частые отлучки Уинтона в Лондон, Ньюмаркет или еще куда-либо всегда вызывали у нее "падение барометра", который, однако, начинал подниматься, как только приближался день его возвращения.

Но одной стороной ее воспитания, во всяком случае, не пренебрегали: ей прививалось чувство сострадания к обездоленным людям. Уинтон ничуть не интересовался социальными проблемами, но, от природы щедрый и великодушный, он доброжелательно относился к сельским беднякам и терпеть не мог вмешиваться в их жизнь. Такой была и Джип; она ни за что не вошла бы к кому-нибудь в дом без приглашения, но всегда слышала: "Входите, мисс Джип", "Войдите и присядьте, милочка!" и всякие другие приветливые слова даже от самых грубых и непутевых людей, которым нравились ее милое личико и доброта.

Так прошли эти одиннадцать лет, и ей стало девятнадцать, а Уинтону сорок шесть. И вот однажды в сопровождении своей

маленькой гувернантки она отправилась на бал местного общества охотников. На ней было безукоризненно сшитое платье, но не белое, а бледно-палевого цвета, словно она уже не впервые выезжала на танцы. Она была вся в Уинтона, такая же изысканная, если не больше, что, впрочем, и подобало ее полу. Темные волосы, взбитые спереди, с завитками на лбу и уложенные венком на затылке, впервые обнаженные шея и плечи, взгляд и вправду "летающий", безупречная, полная достоинства осанка, словно она знала, что свет и движение, жадные взгляды, льстивые речи и восхищение предназначены ей по праву рождения, - она была прелестнее, чем мог даже ожидать Уинтон. На груди у нее был приколот букетик доставленных из Лондона цикламенов, аромат которых она обожала. Легкая и нежная, разгоревшаяся от волнения, она каждым движением, каждым мимолетным взглядом напоминала ему ту, с которой он встретился впервые вот на таком же балу. И, высоко неся голову, он как бы оповещал мир о гордости, которую испытывал.

Этот вечер был для Джип полон переживаний: многие были приятными, но кое-что смутило ее, а кое-что потрясло. Джип нравилось общее преклонение. Она страстно любила танцы, и ей было приятно чувствовать, что танцует она хорошо и доставляет этим удовольствие другим. Но она дважды отказывала приглашавшим ее кавалерам: ей было жалко своей маленькой гувернантки, которая сидела у стены и не привлекала ничьего внимания; она была в летах и к тому же толстовата! И вот, к ужасу этой преданной особы, Джип просидела рядом с ней целых два танца. Идти к ужину она пожелала только в паре с Уинтоном. Возвращаясь в танцевальный зал под руку с ним, она услышала, что одна пожилая дама сказала: "Да разве вы не знаете? Конечно, он на самом деле ее отец!" На это последовал ответ какого-то старика: "Ах, вот оно что! Тогда все ясно!" Поймав их испытующие, холодные, немного злые взгляды, она поняла, что речь идет о ней. И в эту минуту ее пригласили на танец.

"...На самом деле ее отец!.." Эти слова были слишком многозначительны, чтобы можно было сразу уловить их смысл в этот вечер, полный ярких ощущений. Они оставили где-то маленькую царапинку, но тут же это ощущение смягчилось, осталось только неясное чувство тревоги в глубине ее сознания. А потом пришло еще одно переживание, отвратительное, разрушающее все иллюзии. Это

произошло после того, как Джип танцевала с видным мужчиной, чуть ли не вдвое старше ее, Они уселись за пальмами; и вдруг он наклонил к ней разгоряченное лицо и поцеловал ее обнаженную руку выше локтя. Если бы он ее ударил, она не была бы так потрясена и оскорблена. В неведении юности она подумала, что он никогда не решился бы на это, если бы она сама не позволила себе чего-то ужасного, что поощрило его. Она встала, пристально посмотрела на него потемневшими от страдания глазами и, вся дрожа, выскользнула из комнаты. Она бросилась прямо к Уинтону" По ее словно окаменевшему лицу, по знакомому подергиванию уголков губ он понял, что случилось нечто для нее ужасное; ко она ничего не сказала, только пожаловалась, что устала, и объявила, что хочет домой. Вместе с верной гувернанткой, которая, поневоле промолчав почти весь вечер, теперь вдруг разговорилась, они уселись в машину, и скоро их окутала морозная ночь. Уинтон сидел рядом с шофером, подняв меховой воротник и низ? - ко надвинув круглую пушистую шапку; он сердито курил, вглядываясь в темноту. Кто посмел расстроить его любимицу? В глубине машины негромко болтала гувернантка, а Джип, забившись в темный угол, сидела молча, не думая ни о чем, кроме нанесенного ей оскорбления.

Дома она долго лежала без сна, и в уме ее постепенно складывалась связь между событиями. Слова: "Он на самом деле ее отец!.."; и этот мужчина, поцеловавший ее обнаженную руку... Все это как бы приподнимало завесу над тайней пола и укрепляло ее уверенность, что какая-то тайна окружает и ее собственную жизнь. Ребенком она была настолько восприимчива, что улавливала нечто скрытое в отношении к ней окружающих; но инстинктивно она уклонялась от того, чтобы понять это яснее. До того, как вернулся с Востока Уинтон, дни текли тускло. Бетти, игрушки, разные мимолетные впечатления, больной человек, которого она звала "папа". В этом слове не было и доли той глубины, как в слове "отец", подаренном Уинтону. Никто, кроме Бетти, никогда не говорил с ней о матери. В ее представлениях родители не были святыней, вера в которую могла быть разрушена, узнай она о них что-то доселе ей неизвестное; оторванная от других девушек, она имела весьма слабое понятие даже о бытовых условностях. Сейчас, лежа в темноте, она сильно страдала скорее от какого-то ощущения неловкости, чем от

острой боли в сердце, ей казалось, что вся она словно исколота шипами. Уяснить себе, что именно вызвало в ней чувство обиды и в то же время смутное возбуждение, было для нее мучительно тяжело. Эти несколько бессонных часов оставили глубокий след. Наконец, все еще растерянная, она уснула и проснулась со странным желанием знать. Это утро она провела за роялем, не вышла из комнаты и была так холодна с Бетти и гувернанткой, что первая ударилась в слезы, а вторая занялась чтением Вордсворта. После чая Джип пошла в кабинет Уинтона, небольшую, уставленную кожаными креслами мрачную комнату, где он никогда ничем не занимался, где были книги, которых он никогда не читал, если не считать "Мистера Джоррокса", Байрона, руководства по уходу за лошадьми и романов Уайт-Мелвиля. На стенах висели гравюры, изображавшие знаменитых чистокровных лошадей, его шпага, фотографии Джип и друзей-офицеров. Только два ярких пятна было в комнате: огонь камина и маленькая ваза, в которую Джип всегда ставила свежие цветы.

Когда она впорхнула в комнату, тоненькая и стройная, с нахмуренным бледным личиком и влажными темными глазами, она показалась Уинтону внезапно, повзрослевшей. Весь день он был в раздумье: в его горячую любовь к Джип вторглось что-то беспокойное, почти пугающее. Что же могло случиться вчера вечером - в первый ее выезд в общество, где все привыкли сплетничать и совать нос в чужие дела?

Она опустилась на пол и прижалась к его коленям. Он не видел ее лица и не мог дотронуться до нее здоровой рукой - она уселась справа от него. Стараясь подавить волнение, он сказал:

- Ну что, Джип, устала?

- Нет.

- Нисколько?

- Нет.

- Вчера вечером было хорошо, как ты и ожидала?

- Да.

Дрова шипели и трещали, длинные языки пламени рвали в каминную трубу, ветер гудел на дворе; немного спустя, так неожиданно, что у него перехватило дыхание, она спросила:

- Скажи, ты и вправду мой настоящий отец?

Уинтон был ошеломлен, ему оставалось всего несколько секунд, чтобы поразмыслить над ответом, которого уже нельзя было избежать. Человек с менее решительным характером, застигнутый врасплох, сразу бы выпалил "да" или "нет". Но Уинтон не мог не взвесить все последствия своего ответа. То, что он ее отец, согревало всю его жизнь; но если он откроется ей, не ранит ли это ее любовь к нему? Что может знать девушка? Как объяснить ей? Что подумает она о своей покойной матери? Как отнеслась бы к этому та, которую он любил? Как поступила бы она сама?

Это были жестокие мгновения. А девочка сидела, прижавшись к его колену, спрятав лицо, не помогая ему ничем. Невозможно дольше скрывать все это от нее теперь, когда в ней уже пробудилось подозрение. Сжав пальцами подлокотник кресла, он сказал:

- Да, Джип. Твоя мать и я любили друг друга.

Он почувствовал, как легкая дрожь пробежала по ее телу, и много отдал бы за то, чтобы увидеть ее лицо. Даже теперь - что поняла она? Нет, надо идти до конца. И он сказал:

- Почему ты спросила?

Она покачала головой и шепнула:

- Я рада.

Он ждал чего угодно: горя, возмущения, даже простого удивления; это всколыхнуло бы в нем всю его преданность мертвой, всю старую неизжитую горечь, и он замкнулся бы в холодной сдержанности. Но этот покорный шепот! Ему захотелось сплудить сказанное.

- Никто так ничего и не узнал. Она умерла от родов. Для меня это было ужасное горе. Если ты что-либо слышала, знай: это просто сплетни; ты носишь мое имя. Никто никогда не осудил твою мать. Но лучше, если ты будешь все знать, теперь ты уже взрослая. Люди редко любят так, как любили друг друга мы. Тебе нечего стыдиться.

Джип все еще сидела, отвернувшись от него. Она сказала спокойно:

- Я не стыжусь. Я очень похожа на нее?

- Да, больше, чем я мог даже надеяться.

- Значит, ты меня любишь не из-за меня?..

До сознания Уинтона лишь смутно дошло, насколько этот вопрос раскрывает ее душу, ее способность инстинктивно проникать в

глубину вещей, ее обостренную гордость и жажду любви - такой любви, которая принадлежала бы ей одной. Он только спросил:

- Что ты хочешь этим сказать?

Но тут, к своему ужасу, он заметил, что она плачет, хотя и борется со слезами, - ее плечи, прижатые к его коленям, вздрагивали. Он почти никогда не видел ее плачущей, даже при всех этих детских огорчениях, а она так часто падала и ушибалась. И он смог только погладить ее по плечу и выговорить:

- Не плачь, Джип. Не плачь.

Она перестала плакать так же внезапно, как и начала, поднялась с пола и, прежде чем он успел шевельнуться, исчезла.

Вечером, за обедом, она была такой, как обычно. Он не уловил ни малейшей перемены в ее голосе, поведении или поцелуе, когда они расставались на ночь. Минута, которой он со страхом ждал годами, прошла, оставив лишь ощущение смутного стыда, которое всегда бывает после того, как нарушишь обет молчания. До тех пор, пока старая тайна оставалась нераскрытой, она не тревожила его. Теперь она снова причиняла ему боль.

А для Джип в эти сутки навсегда кончилось детство. Ее отношение к мужчинам определилось. Если она не причинит им немножко боли, они могут причинить боль ей. В ее жизнь вошел инстинкт пола.

ГЛАВА III

В последующие два года было меньше одиночества, больше веселья в доме. Уинтон после своей исповеди решительно принялся за то, чтобы упрочить положение дочери. Он не мог допустить, чтобы на нее глядели искоса. Ни в Милденхэме, ни в Лондоне под крылышком его сестры трудностей не возникало. Джип была так мила, Уинтон так холоден, его сдержанность так отпугивала, что на стороне его дочери были все преимущества.

День совершеннолетия Джип они провели в столице; он пригласил ее в комнату, где сидел сейчас у камина, вспоминая все эти события, чтобы в качестве управляющего ее состоянием дать ей отчет. Он потратил немало трудов, пока ее обремененное долгами наследство не округлилось до двадцати тысяч фунтов. С ней он никогда не заговаривал об этом - слишком опасная тема! К тому же у него самого были средства, и она ни в чем не нуждалась. Пока он

подробно объяснял ей, чем она располагает, рассказывал, как помещены деньги, и советовал открыть собственный счет в банке, она все стояла, глядя на бумаги, значение которых обязана была теперь понимать, и с лица ее не сходило выражение беспокойства. Не поднимая глаз, она спросила:

- Все это... от него?

Он не ожидал такого вопроса.

- Нет. Восемь тысяч принадлежали твоей матери.

Джип взглянула на него и сказала:

- Тогда мне не надо остальных, пожалуйста, отец!

Уинтон почувствовал какое-то необъяснимое удовлетворение. Как поступить с этими деньгами, если она не возьмет их, он не знал. Но то, что она от них отказывалась, было так похоже на нее, так подчеркивало, что в ней его кровь; это была как бы окончательная его победа. Он подошел к окну, в которое так часто смотрел, поджидая ее мать. Вот он, угол дома, из-за которого она появлялась! На мгновение она останавливалась там, щеки ее пылали, мягкий взгляд угадывался под вуалью, часто вздымалась от быстрой ходьбы грудь - она спешила к нему. А вот там, поближе, она снова останавливалась, поднимая вуаль. Он обернулся. Трудно было поверить, что тут не она! И он сказал:

- Прекрасно, моя родная! Но взамен ты получишь столько же от меня. А те деньги могут быть отложены. Кто-нибудь когда-нибудь ими воспользуется.

Эти непривычные слова "моя родная", нечаянно сорвавшиеся у него, обычно такого сдержанного, вызвали румянец на ее щеках, глаза ее заблестели. Она бросилась ему на шею.

В те дни она вволю занималась музыкой, беря уроки рояля у мосье Армо, седовласого уроженца Льежа, с лицом цвета красного дерева и поистине ангельским туше; он заставлял ее упорно работать и называл своим "маленьким другом". Не было почти ни одного концерта, заслуживающего внимания, на котором она не побывала бы, или крупного музыканта, игры которого она бы не слышала. И хотя утонченный вкус спасал ее от восторженного преклонения перед великими виртуозами, она все-таки возводила, их на пьедестал, мужчин и женщин, с которыми время от времени встречалась на Керзон-стрит, в доме своей тетки Розамунды.

Тетушка Розамунда тоже любила музыку, конечно, не выходя из рамок, дозволенных хорошим тоном. Джип, размышляя о тетке, придумала некую романтическую историю любви, погубленной гордостью. Тетушка Розамунда была высокая, красивая женщина, на год старше Уинтона, с узким аристократическим лицом, темно-голубыми, блестящими глазами, безупречными манерами воспитанного человека, добрым сердцем и несколько тягучей, но не лишенной мелодичности речью. Она нежно любила Джип, но все то, что имело отношение к их фактическому родству, тщательно хранила в себе. Тетка Розамунда была в своем роде филантропкой, а девушка как раз и отличалась той душевной мягкостью, которая обычно покоряет сердца именно тех женщин, которые, наверно, предпочли бы родиться мужчинами. Жизнерадостная по натуре, тетушка Розамунда носила теперь старомодные платья и жакеты, заботилась о ценных бумагах и ходила с тростью; как и ее брат, она блюла "этикет", хотя у нее было больше чувства юмора, столь ценимого в музыкальных кругах. В ее доме Джип невольно приходилось наблюдать и достоинства и смешные стороны всех этих знаменитостей, у которых были пышные шевелюры и которые не желали знать ничего, кроме музыки и своих собственных персон.

Когда Джип исполнилось двадцать два года, у Уинтона случился первый серьезный приступ подагры; боясь, что к охотничьему сезону он, чего доброго, не сможет сесть на лошадь, он отправился вместе с Джип и Марки в Висбаден. Из окон их гостиницы на Вильгельмштрассе открывался широкий вид на парк с уже начинающими желтеть листьями. Лечился Уинтон долго и упорно. Джип в сопровождении молчаливого Марки ежедневно совершала прогулки верхом на Нероберг, где ее раздражали всякие правила, согласно которым ездить в этом величественном лесу можно было только по установленным дорогам; один или даже два раза в день она ходила на концерты в курзал либо с отцом, либо одна.

Она была одна, когда впервые услышала игру Фьорсена. Не в пример многим скрипачам он был высок и сухощав, с гибкой фигурой и свободными движениями. Лицо у него было бледное, странно гармонизировавшее с тускло-золотистой шевелюрой и усами; по впалым щекам с широкими скулами узкими полосками тянулись маленькие бакенбарды. Он показался Джип довольно неприятным, но

игра его каким-то таинственным образом потрясла и захватила ее. У него была замечательная техника; благодаря ей глубокая проникновенность его игры как бы оттачивалась и сдерживалась, - это было похоже на вырвавшееся пламя, вдруг замершее в воздухе. Зал потряс шквал аплодисментов, а Джип сидела неподвижно, пристально разглядывая скрипача. Он провел рукой по разгоряченному лбу, отбрасывая в сторону пряди своих необычного цвета волос, потом с какой-то неприятной улыбкой слегка поклонился. Странные у него глаза - словно у большой кошки! Да, конечно, они зеленые, злые, но какие-то прячущиеся, гипнотизирующие! Самый странный из всех мужчин, которых она видела, и самый пугающий. Ей показалось, что он смотрит прямо на нее; опустив глаза, она стала аплодировать. Когда она снова взглянула на него, лицо его показалось ей печальным. Он поклонился - на этот раз прямо в ее сторону - и вскинул скрипку к плечу. "Он будет играть для меня", неожиданно подумала она. Играл он без аккомпанемента - какую-то простенькую, очень трогательную мелодию. Теперь она, уже не глядя на него, чутьем угадала, что он снова небрежно поклонился и ушел.

Вечером за обедом она сказала Уинтону:

- Я слушала сегодня одного скрипача, отец, изумительного музыканта, его имя Густав Фьорсен. Он швед, или кто?

- Весьма возможно, - ответил Уинтон. - А каков он на вид? Я знавал одного шведа в армии - приятный был парень.

- Он высокий, худой и бледный, скуластый, с впалыми щеками и странными зелеными глазами. Да, еще маленькие золотистые бакенбарды.

- Боже правый! Это уж чересчур!

Она пробормотала с улыбкой:

- Да, пожалуй.

На следующий день Джип увидела скрипача в парке. Она сидела вместе с отцом у памятника Шиллеру; Уинтон читал газету "Таймс", которую всегда ждал с большим нетерпением, чем мог в этом признаться: ему не хотелось, чтобы Джип заметила томившую его скуку, - это помешало бы ей жить в свое удовольствие. Просматривая отчет о собрании в Ньюмаркете, он украдкой посматривал на дочь.

Никогда еще она не выглядела такой прелестной, такой элегантной, никогда в ней так не чувствовалась порода, как здесь,

среди космополитической толпы, в этом богом забытом месте! Девушка, не замечая, что он втайне любит ее, провожала взглядом своих ясных глаз каждого проходящего мимо них, наблюдала за порхающими птицами, за собаками, радовалась солнечным лучам, которые скользили по траве, вспыхивали бронзой на буках и липах, и вон на тех высоких тополях, внизу, у воды. Когда однажды у нее заболела голова, врач, приглашенный в Милденхэм, сказал, что ее глаза это "безупречные органы зрения"; и, действительно, какие еще глаза могли бы так охватывать и вбирать в себя окружающее! К ней льнули собаки - то и дело какой-нибудь пес останавливался в нерешительности: ткнуться или нет носом в руку этой молодой иностранки? В разгар флирта с огромным датским догом она вдруг увидела Фьорсена; он шел вместе с невысоким, широкоплечим человеком в элегантных модных брюках и с затянутой в корсет талией. Высокий, сухопарый, немного неуклюжий скрипач был в светло-кофейном костюме; на голове серая велюровая шляпа с широкими полями, в петлице белый цветок; закрытые ботинки лакированной кожи; небрежно повязанный галстук выделялся на мягкой белой льняной сорочке - в общем, настоящий щеголь! Его странные глаза внезапно встретились с ее взглядом, и он сделал движение, словно собираясь прикоснуться рукой к шляпе.

"Он помнит меня", - подумала она. Его тонкая фигура, слегка вытянутая вперед шея, приподнятые плечи, широкий шаг - все до странности напоминало леопарда или какого-нибудь другого гибкого хищника. Он тронул за рукав низкорослого спутника, что-то пробормотал и повернул обратно. Джип почувствовала, что он смотрит на нее, словно желая разглядеть получше. Она знала, что и отец ее видит все. И она заранее была уверена, что эти зеленоватые глаза дрогнут перед пронизательным взглядом англичанина известного круга, никогда не позволяющего себе снизойти до любопытства.

Оба снова прошли мимо. Джип видела, как Фьорсен повернулся к своему спутнику и движением головы указал в ее сторону, а потом услышала, как спутник засмеялся. Она почувствовала, что у нее зарделись щеки.

Уинтон сказал:

- Забавные франты встречаются здесь!

- Это скрипач, я говорила тебе: Фьорсен.

- А! Да, да!.. - Но он явно забыл об их разговоре.

То, что Фьорсен, видимо, запомнил ее из всей аудитории, смутно льстило ей. Ощущение обиды исчезло; Отец, должно быть, считает костюм Фьорсена жалким; на самом деле он, пожалуй, ему идет. В строгой английской одежде он выглядел бы хуже.

В последующие два дня она замечала в парке приземистого молодого человека, который шел тогда вместе с ним. И снова почувствовала, что этот человек провожает ее глазами.

Потом некая баронесса фон Майсен, космополитка, приятельница тетки Розамунды, немка по мужу, полуголландка-полуфранцуженка по рождению, спросила Джип, слушала ли она шведского скрипача Фьорсена. Он мог бы быть лучшим скрипачом, наших дней, если бы только... - Баронесса покачала головой. Полагая, что этот выразительный жест не требует разъяснений, она продолжала размышлять вслух:

- О, эти музыканты! Ему надо спасаться от самого себя. Если он не опомнится, он - пропащий человек. А жаль! Большой талант!

Джип спокойно посмотрела на нее и спросила:

- Что же, он пьет?

- Pas mal! {И очень даже! (франц.)}. Но тут есть и кое-что, кроме вина, ma chere!

Инстинкт и долгая жизнь под кровом Уинтона подсказали Джип, что возмутиться было бы ниже ее достоинства. Она не стремилась познать некоторые подробности его жизни, но не желала и уклоняться от этого; и баронесса, которой ее невинность представлялась пикантной, начала снова:

- Женщины и снова женщины! Какая жалость! Это может его погубить! Единственное, что ему нужно, - это найти для себя одну женщину, но я заранее ее жалею; sarpisti {Черт возьми! (франц.)}, какая жизнь для нее!

Джип спокойно спросила:

- А способны ли такие мужчины вообще любить? Баронесса посмотрела на нее широко раскрытыми глазами.

- Я знавала одного такого мужчину - он превратился в раба. Я видела: он бегал за женщиной, как ягненок, а она все время обманывала его. On ne peut jamais dire. Ma belle, il y a des choses, que

vous ne savez pas encore {Ничего не скажешь заранее. Милая, есть вещи, которых вы еще не знаете (франц.)}. - Она взяла Джип за руку. - Но одно несомненно. С такими глазами - у вас все впереди!

Джип высвободила руку и покачала головой; нет, она не верит в любовь.

- О, вы еще вскружите многим головы! В этом можете не сомневаться. Я вижу что-то роковое в этих прелестных карих глазах!

Молодой девушке извинительно, если ей кажутся лестными такие слова: еще бы - в ее глазах виден рок! Compliment взволновал Джип, и у нее в эти дни было безотчетно веселое настроение; волновали и взгляды мужчин, когда они оборачивались, чтобы поглядеть на нее. Мягкий воздух, приятный веселый город, много музыки, ощущение, что ты выделяешься среди этих заурядных, бесцветных людей, - все это как бы приподнимало ее, как бы опьяняло, делало, по выражению баронессы, "un peu folle" {Немного обезумевшей (франц.)}. Она то и дело начинала смеяться. Все для нее было "забавным" или "восхитительным". И баронесса, понимая, какой "шик" кроется в этой девушке, с самого начала по-настоящему оценившая ее очарование, делала все, чтобы знакомить Джип со всякими желательными и даже нежелательными людьми.

Любопытство - благотворное чувство. Чем больше побед одерживает мужчина, тем заманчивее для женщины победить его. Пленить того, кто сам пленял многих, - разве это не доказательство, что очарование одной превосходит очарование всех других? Слова баронессы укрепили мнение Джип, что Фьорсен - "невозможный человек", но в то же время незаметно усилили в ней смутное волнение, которое она уже однажды испытала, когда он запомнил ее одну из всей толпы на концерте. Позднее слова баронессы принесли и более ощутимые плоды. Но до этого произошел странный эпизод с цветами.

Вернувшись с прогулки верхом - это было через неделю после того, как она сидела с отцом у памятника Шиллеру, - Джип нашла на своем туалетном столе букет роз "Глюар де Дижон" и "Ля Франс". Карточки не было. Немка горничная смогла сказать только, что цветы принес для "фрейлейн Уинтон" посыльный из цветочного магазина. Джип решила, что они от баронессы. За обедом и позже, на концерте, у нее на корсаже красовались две розы: одна "Ля Франс" и другая

"Глюар де Дижон", смелое сочетание розового и оранжевого на фоне платья жемчужно-серого цвета. Программы концерта они не покупали: для Уинтона вся музыка была одинакова, а Джип в программе не нуждалась.

Когда Фьорсен вышел на эстраду, щеки Джип слегка порозовели, точно от ожидания чего-то важного. Он сыграл сначала менуэт Моцарта, затем сонату Цезаря Франка, а когда он выходил раскланиваться, в руке его были две розы: "Ля Франс" и "Глюар де Дижон". Джип машинально дотронулась до своих роз. Их глаза встретились; он поклонился чуть ниже. Уходя со сцены, он приложил розы к губам, и Джип отдернула руку, словно уколовшись о шипы. Сорвать их, бросить на пол? Отец увидит, он мог заметить розы Фьорсена - сравнить те и другие! Он решит, что ее оскорбили! Но оскорблена ли она? Она не могла заставить себя думать так. Это была простая любезность, он как бы хотел сказать ей, что играет для нее одной. Слова баронессы мелькнули в ее голове: "Ему надо спасаться от самого себя. Жаль! Большой талант!" Да, у него большой талант! Если человек так играет, - значит, есть что спасать в нем!.. Они ушли, прослушав последнее соло. Дома она бережно присоединила эти две розы к остальным.

Спустя три дня Джип пошла вечером на "неофициальный прием" к баронессе фон Майсен. Она сразу увидела его. Он стоял возле рояля вместе со своим низкорослым, широкоплечим другом и слушал какую-то болтливую даму; вид у него был скучающий и немного встревоженный. Весь этот день, хмурый, тихий, со странными зарницами в небе, словно перед дождем, Джип было не по себе; она вдруг почувствовала легкую тоску по Лондону. Теперь она ожила. Она увидела, как низенький приятель скрипача подошел к баронессе; через минуту баронесса подвела его к ней и представила: граф Росек. Он не понравился Джип: темные круги под глазами, чересчур безукоризненные манеры, какая-то холодная слащавость; но он был любезен и вежлив и хорошо говорил по-английски. Видимо, он был поляк, но жил в Лондоне и знал о музыке все, что можно о ней знать. Он надеется, что мисс Уинтон слышала игру его друга Фьорсена? Но не в Лондоне? Нет? Это странно. Прошлый сезон он играл в Лондоне несколько месяцев. Слегка раздосадованная тем, что не знала этого, Джип ответила:

- Да, но в прошлом году я почти все лето прожила в деревне.

- Он имел большой успех. Я снова увезу его в Лондон. Это самое лучшее для него. Как вам нравится его игра?

Ей не хотелось раскрывать свои чувства перед этим человечком, разыгрывающим сфинкса, и Джип пробормотала:

- О, конечно, это просто удивительно!

Он кивнул головой и потом, как бы вспомнив что-то, сказал с легкой улыбкой:

- Могу ли я представить его вам? Густав, это мисс Уинтон!

Джип обернулась. Он уже стоял позади нее и кланялся; глаза его выражали смиренное обожание, и он не пытался скрыть это. Джип заметила, как поляк снова чуть заметно улыбнулся; и вот она уже стоит с Фьорсеном в нише окна. Вблизи он меньше походил на зверя в клетке и, безусловно, был элегантен в своем роде, тщательно подстрижен, от него - то ли от платка, то ли от волос - шел запах каких-то приятных духов, которые она, правда, не одобрила бы, если бы он был англичанином. Он носил на мизинце бриллиантовое кольцо, но и это не был слишком дурной тон. Высокий рост, широкие скулы, густые, недлинные волосы, энергичное лицо, гибкая фигура, свободные движения - все это сглаживало первое впечатление о некоторой изнеженности. Он выглядел вполне мужественным. Он сказал со странным, жестковатым акцентом:

- Мисс Уинтон, вы и здесь моя аудитория. Я играю для вас, только для вас.

Джип рассмеялась.

- Вы шутите надо мной, - продолжал он. - Но, прошу вас, не надо. Я играю для вас потому, что восхищен вами. Я страшно вами восхищен. Посылая вам эти цветы, я вовсе не хотел оскорбить вас. Это был знак благодарности за счастье видеть ваше лицо.

Голос его дрогнул. Опустив глаза, Джип сказала:

- Это было очень любезно с вашей стороны. Я хочу также поблагодарить вас за вашу игру. Она чудесна, право, чудесна!

Он снова слегка поклонился.

- Когда я вернусь в Лондон, вы придете послушать меня?

- Я думаю, всякий пойдет слушать вас, если только удастся.

Он усмехнулся.

- Здесь я играю только ради денег; я ненавижу это место. Оно наводит на меня тоску. Это ваш отец сидел с вами у памятника?

Джип кивнула. Она еще не забыла пренебрежительного кивка Фьорсена в их сторону.

Фьорсен провел рукой по лицу, словно стараясь стереть застывшее на нем выражение.

- Он истый англичанин. Но вы - нет, вы... из любой страны!

Джип иронически поклонилась.

- Да, да, - настаивал он. - Я не угадал бы, откуда вы - с севера или с юга. Я пришел сюда в надежде встретить вас, и я чрезвычайно счастлив. Мисс Уинтон, я ваш слуга, и очень преданный.

Он говорил быстро, очень тихо, с какой-то взволнованной серьезностью, явно не искусственной. Потом, вдруг пробормотав: "О, эти люди!", - он снова слегка поклонился ей и исчез. Баронесса уже вела к ней еще кого-то. После этой встречи Джип подумала: "Неужели он так начинает со всеми?" Ей просто не верилось: этот прерывающийся от искреннего волнения голос, этот смиренный, обожающий взгляд!

Слишком чувствительная, чтобы довериться кому-либо, она не могла разобраться в этом странном сочетании влечения и отвращения, которое испытывала; это не поддавалось анализу: оба чувства сливались и в то же время боролись друг с другом где-то в глубине ее сердца. Это, конечно, не любовь, даже не начало любви; но это было нечто вроде того опасного любопытства, которое испытывают дети ко всему таинственному, недостижаемому, но все же достижимому - если только осмелиться! А тут еще притягательная сила музыки; и эти слова баронессы о спасении его... Но все эти чувства и мысли были пока только в зародыше. Она, может быть, никогда не увидит его снова. Она даже не знает, хочется ли ей этого.

ГЛАВА IV

Джип каждое утро ходила с отцом к источнику Кохбруннен; там ему, как и прочим больным, полагалось медленно, в течение двадцати минут, пить лечебную воду. Пока он ее медленно пил, она сидела где-нибудь в уединенном уголке парка, читая - для практики в немецком языке - какой-нибудь роман из журнала "Реклама".

Здесь же она сидела и после "неофициального приема" у баронессы фон Майсен. На этот раз она читала "Вешние воды"

Тургенева. Вскоре она увидела графа Росека, он прохаживался по дорожке со стаканом воды в руке. Вспомнив улыбку, с которой он представлял ей Фьорсена, она торопливо заслонила зонтиком. Она видела его ноги в лакированных ботинках, облегающие, узкие книзу брюки, его деревянную походку человека, затянутого в корсет. Мысль, что он прибегает к этим женским уловкам в своем туалете, еще усилила ее неприязнь. Как смеет мужчина быть таким женоподобным? Правда, кто-то говорил ей, что он хорошо ездит верхом, что он опытный фехтовальщик и очень силен. Когда он прошел мимо, она, боясь, что он вернется, захлопнула томик Тургенева и убежала. Но ее фигуру и легкую походку трудно было не заметить.

На следующее утро, сидя на той же скамейке, она читала, затаив дыхание, сцену объяснения между Джеммой и Саниным у окна. Вдруг она услышала позади себя голос Фьорсена:

- Мисс Уинтон!

В одной руке у него был стакан с водой, в другой он держал шляпу.

- Я только что познакомился с вашим отцом. Могу я присесть на минуту возле вас?

Джип отодвинулась на край скамейки, и он сел.

- Что вы читаете?

- Рассказ "Вешние воды".

- А, это - лучшее, что когда-либо написано! А какое место?

- Джемма и Санин во время грозы.

- Погодите! Сейчас придет мадам Полозова! Какая вещь! Сколько вам лет, мисс Уинтон?

- Двадцать два.

- Вы слишком молоды, чтобы по-настоящему оценить этот рассказ; но вы это вы. Вы многое постигаете чувством. Как ваше имя, простите?

- Гита.

- Гита? Звучит не очень нежно.

- Меня всегда зовут Джип.

- Джип? Ах, Джип! Да! Джип!

Он повторял ее имя так, словно оно не имело к ней никакого отношения, и поэтому Джип не рассердилась.

- Я сказал вашему отцу, что имел удовольствие встретиться с вами. Он был очень вежлив со мной.

- Отец всегда вежлив, - холодно заметила Джип.

- Он как лед, в котором замораживают шампанское. Я полагаю, вам уже говорили обо мне, как о mauvais sujet {Человек дурного поведения (франц.)}.

Джип наклонила голову. Он пристально посмотрел на нее и сказал:

- Это правда. Но я мог бы быть лучше, гораздо лучше.

Ей хотелось взглянуть на него, но она не могла, охваченная каким-то странным восторгом. У этого человека все-таки есть сила воли; и он готов подчинить себя ее воле! Если она захочет, - она сделает его своим рабом, собакой, будет держать его на поводке. Стоит ей протянуть руку - и он опустится на колени, чтобы поцеловать ее. Она скажет одно слово: "Сюда!" - и он прибежит, где бы он ни был. Она скажет: "Будь хорошим!" - и он станет хорошим. Впервые она почувствовала свою силу, и это опьяняло. Но Джип не была слишком уверенной в себе; эта минута, когда она считала себя победительницей, тут же омрачилась сомнением. И, словно читая ее мысли, Фьорсен сказал:

- Велите мне сделать что-нибудь, все равно - что. Я сделаю, мисс Уинтон.

- Тогда немедленно возвращайтесь в Лондон. Здесь вы просто растрачиваете себя.

- Вы просите меня сделать то, что для меня невозможно, мисс... мисс Джип!

- Пожалуйста, не называйте меня так... Меня так называют наши слуги.

- Но я и есть ваш слуга.

- И поэтому не хотите сделать то, о чем я прошу вас?

- Вы жестоки!

Джип рассмеялась.

Он сказал с неожиданной горячностью:

- Я не уеду от вас. И не думайте об этом! - Вдруг он быстро наклонился, взял ее руку, прижал к губам и, резко повернувшись, ушел.

Встревоженная и изумленная, Джип глядела на свою руку, на которой еще чувствовалось прикосновение его жестких усов. Потом она снова рассмеялась. Очень уж это было "по-иностранному" - целовать руку; и она снова занялась книжкой, но уже не улавливала смысла того, что читала.

Видел ли кто-нибудь такое более чем странное, ухаживание? Джип по-прежнему казалось, что она крепко держит вожжи в руках и лишь подает милостыню, совершает благодеяние; и в то же время ее преследовало чувство, что она уже не свободна. Даже сила ее обаяния, которая, как ей думалось, была неотразима для Фьорсена, теперь обращалась против нее самой. Полная сомнений вначале, она уже не могла больше сомневаться. Если она не улыбалась ему, он становился угрюмым и несчастным; но стоило ей улыбнуться - и он оживал, настроение у него поднималось. Менялось и выражение его глаз, обычно злых и беспокойных; когда он смотрел на нее, в них светилось тоскливое, смиренное обожание. Так притворяться невозможно; а такие перемены в нем она наблюдала постоянно. Где бы она ни появлялась, там оказывался и он. Она шла в концерт - он уже ждал в нескольких шагах от входа в зал. В кондитерскую выпить чаю - он тут как тут. Каждый вечер он гулял там, где она могла проехать верхом, направляясь на Нероберг.

Если не считать встреч у Кохбруннена, где он почтительно просил разрешения посидеть возле нее несколько минут, он не навязывал ей своего общества и не пытался хоть чем-нибудь ее скомпрометировать. Должно быть, он инстинктивно понимал, что с такой впечатлительной девушкой это было бы опасно. Были и другие мотыльки, которые вились вокруг этого огонька, и это вынуждало его держаться так, чтобы его ухаживание не бросалось в глаза. А Джип - видела ли она, что происходит, понимала ли, какой подкоп ведется под ее оборонительные позиции, чувствовала ли опасность того, что, позволяя ему увиваться вокруг нее, она отрезает себе путь к отступлению? По сути дела, нет. Все это скорее усиливало торжествующее опьянение тех дней - она все больше влюблялась в жизнь, все тверже верила, что ею дорожат и восхищаются, что в ее власти делать то, чего не могут другие.

Фьорсен волновал ее. Да и кто бы мог скучать в обществе такого беспокойного, капризного, живого человека? Однажды он рассказал

ей кое-что о своей жизни. Отец его, швед, мелкий землевладелец, был очень силен физически, но много пил; мать была дочерью художника. Это она выучила его играть на скрипке, но она умерла, когда он был еще ребенком. В семнадцать лет он повздорил с отцом, пришлось самому добывать хлеб игрой на скрипке на улицах Стокгольма. Как-то его услышал один известный скрипач и стал давать ему уроки. Отец, окончательно спившийся, умер. Фьорсен унаследовал маленькое поместье. Он тут же продал его, а деньги истратил "на всякие глупости", как он грубовато выразился.

- Ах, мисс Уинтон, я совершил много глупостей в жизни, но они - ничто перед тем, что я совершу в тот день, когда больше не смогу видеть вас!

Он произнес все это с волнением и тут же откланялся. Она улыбнулась отчасти скептически, отчасти соболезнующе, но в ней уже зарождалось какое-то новое чувство, которого она сама не понимала. Она вообще плохо понимала себя в те дни.

А Уинтон - видел ли он, что с ней творится? По правде говоря, он был встревожен. Но больше всего он боялся обнаружить свое беспокойство каким-либо опрометчивым действием - например, увезти Джип за две недели до окончания курса лечения. Он-то хорошо знал приметы любви! Этот долговязый, нескладный малый с повадкой хищника, пиликающий на скрипке; эти широкие скулы и узенькие бакенбарды (боже праведный!), эти зеленоватые глаза, которых он не сводит с Джип, - все это Уинтон отмечал про себя, и опасения его все возрастали. И, может быть, только врожденное презрение англичанина к иностранцам, особенно к артистам, удерживало его от решительных шагов. Он не мог принять это всерьез. Джип, его утонченная Джип, разве она может увлечься субъектом такого сорта! Никогда! Кроме того, она непременно спросит его совета при любой трудности или сомнении. Уинтон забывал при этом о стыдливой скрытности девушек, не вспомнил и о том, что сам он, любя Джип, избегал всяких нежных излишней, а она, любя его, не открывала ему своего сердца. Да и вообще он, как бы ни был проницателен, замечал не все, что следовало замечать, а только то, что Фьорсен делал открыто, придавая этому безобидный характер. А это было не столь уж серьезно, если не считать одного эпизода накануне их отъезда, о котором Уинтон ничего не знал.

Последний день был тихим, немножко печальным. Ночью шел дождь, и от пропитанных влагой стволов деревьев и мокрых опавших листьев исходил слабый запах лакрицы. У Джип было ощущение, что душа ее, до этого полная восторга, вдруг оказалась опустошенной. После завтрака, когда Уинтон занялся оплатой по счетам, она пошла бродить по парку, спускавшемуся к долине. Небо было затянуто облаками, деревья стояли унылые, поникшие. Все вокруг было унылым; она вышла из парка, перебралась через ручей, обогнула по грязному переулку окраину деревни и поднялась на возвышенность, откуда могла вернуться по шоссе. Почему всему бывает конец? Впервые в жизни она без восторга подумала о Милденхэме, об охоте. Ей теперь хотелось пожить в Лондоне. Там она не будет лишена музыки, танцев, общества, приятного, радующего ощущения, что ею любят.

Откуда-то доносилось глухое, басовитое гуденье молотилки, и звук этот, казалось, в точности выражал ее настроение. Над ней пролетел голубь, сверкающе-белый на фоне свинцовых облаков; березки, уже золотые, вздрагивая, роняли дождевые капли. Как сиротливо все это выглядело! Вдруг двое маленьких мальчишек выскочили из-за живой изгороди и, чуть не сбив ее с ног, бросились бежать по дороге. Джип почувствовала на лице первые мелкие капельки дождя. Будет испорчено платье - единственное, которое она любит, сизого цвета, бархатное, его нельзя носить в такую погоду! Она побежала к березкам, чтобы укрыться под ними. Дождь, наверно, скоро пройдет. Смягченное расстоянием, все еще было слышно жалобное гуденье молотилки, и от этого ей становилось еще неуютнее.

За живой изгородью, откуда выбежали мальчишки, показался какой-то человек, он шел по дороге, широко шагая, и направлялся в ее сторону. Вот он перескочил канаву у березок. Фьорсен! Запыхавшийся, растрепанный, бледный от волнения... Он, должно быть, старался ее догнать и поднялся сюда, не переходя через ручей, прямо с тропинки, по которой она огибала подножие холма. Его щегольской костюм сильно пострадал от крутого подъема в гору. Едва переводя дыхание, Фьорсен проговорил:

- Значит, вы завтра уезжаете и не сказали, мне об этом! Вы хотели ускользнуть потихоньку, а мне ни слова! Вы всегда так жестоки?

Хорошо, тогда и я не буду вас щадить!

Вдруг опустившись на колени, он ухватился за ленту ее пояса и припал к ней лицом. Джип вздрогнула и замерла. Он обхватил руками ее колени.

- О Джип, я люблю вас... Я люблю вас - не гоните меня... Позвольте мне быть с вами! Я ваш пес, ваш раб. О Джип, я люблю вас!..

Его голос растрогал ее и испугал. За последние два года мужчины не раз говорили ей "люблю вас"; но никогда в их словах не звучала такая безудержная страсть, никогда она не видела такого взгляда, жадного и умоляющего, не знала таких беспокойных, нетерпеливых и в то же время робких прикосновений.

Она едва смогла выговорить:

- Встаньте! Пожалуйста! Но он все повторял:

- Любите меня хоть немного, совсем немного - любите меня! О Джип!

Ее, как молния, пронзила мысль: "Перед сколькими он становился на колени?" Лицо его было красиво в этом самозабвении - той красотой, которая порождается порывом; и страх ее вдруг рассеялся. Фьорсен продолжал бормотать, запинаясь:

- Я бездомный бродяга, я знаю это; но если вы полюбите меня, я стану другим. Для вас я совершу большие дела. О Джип, если бы вы когда-нибудь согласились стать моей женой! Не теперь. Когда я докажу. Джип... такая любимая, такая чудесная!

Его руки поднимались все выше, он спрятал лицо на ее груди. Не понимая сама, что делает, Джип коснулась рукой его волос и повторила:

- Встаньте же, пожалуйста.

Он поднялся и прошептал:

- Пощадите меня. Скажите хоть слово!

Но она только глядела в его лицо беспокойными, потемневшими глазами. И внезапно он схватил ее и прижал к себе. Она отпрянула, отталкивая его изо всех сил. Он опустил голову, пристыженный, и закрыл глаза; губы его дрожали. И снова ее сердце затрепетало от сострадания. Она пробормотала:

- Не знаю. Я скажу вам позже - в Англии.

Он поклонился и скрестил руки, словно давая понять, что ей нечего опасаться. И когда, несмотря на дождь, она пошла вперед, он зашагал с ней рядом, покорный, словно никогда не оскорбил ее губ насильственным поцелуем.

Вернувшись к себе в комнату и снимая промокшее платье, Джип старалась вспомнить, что говорил он и что отвечала она. Она ничего не обещала. Но она дала ему свой адрес - и лондонский и в деревне. Она старалась заставить себя думать о другом, но все еще чувствовала беспокойное прикосновение его пальцев, крепкую хватку рук, видела его глаза, какими они были, когда он поцеловал ее; и снова ее охватывали страх и волнение.

В этот вечер он давал концерт - ее последний концерт. И правда, он никогда так не играл - с какой-то силой отчаяния, с каким-то безумным упоением. Она слушала его, и ею овладевало новое чувство: это судьба! Хочет она или нет, но ей уже не освободиться от него.

ГЛАВА V

Вернувшись в Англию, Джип утратила или почти утратила это ощущение. Фьорсен встретит другую и найдет в ней все то, что приписывал ей, Джип! Смешно думать, что он перестанет вести беспутную жизнь ради нее и что она действительно имеет над ним какую-то власть! Но где-то в глубине души она надеялась на другое.

Уинтон снова вздохнул свободно и торопил ее с отъездом в Милденхэм. Он купил ей новую лошадь. Было как раз время охоты на молодых лис. По меньшей мере на неделю увлекательная скачка по полям и вид несущихся гончих заслонили собой все. Но потом, когда начался настоящий охотничий сезон, она снова почувствовала скуку и беспокойство. В Милденхэме было мрачно, тоскливо завывали осенние ветры. Ее маленький коричневый спаньель Ласе подход от старости. Она не могла простить себе, что оставила его надолго одного, теряющего силы. Она все время помнила о нем и знала, что Ласе ждет ее возвращения, так же, как и Бетти с ее пристрастием к жалобным причитаниям, что столь свойственно простым сердцам; и теперь Джип обвиняла себя в жестокости, В таких случаях она бывала снисходительна к другим, но сурова к себе. Несколько дней она была почти больна, а когда оправилась встревоженный Уинтон отослал ее в Лондон к тетушке Розамунде. Правда, ему будет одиноко без нее; но если в столице она почувствует себя лучше и немного развлечется, то

он будет доволен. Три дня спустя, в субботу, он явился в Лондон и очень обрадовался, найдя ее заметно повеселевшей; с облегченным сердцем он отправился в Милденхэм. А на другой день после отъезда отца Джип получила письмо от Фьорсена - его переслали с Бэри-стрит. Он писал, что возвращается в Лондон; он не забыл ни одного взгляда, которым она его подарила, ни одного сказанного ею слова. Он не будет знать покоя, пока не сможет опять увидеться с ней. "Долгое время, - так кончалось письмо, - до того, как я впервые встретил вас, я был как мертвый, я погибал. Целую ваши руки и остаюсь вашим верным рабом - Густав Фьорсен". Будь это сказано другим мужчиной - она бы только презрительно усмехнулась. Но теперь это письмо возродило в Джип прежнее волнующее чувство, приятное и тревожное ощущение того, что ей от него не уйти.

В ответ она написала, что ее тетушка будет рада видеть его, если он посетит их в любой день между пятью и шестью; и подписалась: "Гита Уинтон". Она долго просидела над этой запиской, которая понравилась ей своей официальной краткостью. Стала ли она вправду его повелительницей? И могла ли она управлять собой так, как хотела? Записка не оставляла сомнений в этом. Вообще говоря, на лице Джип нелегко было прочесть, что она чувствует; даже Уинтон часто становился в тупик. Подготавливая тетушку Розамунду к приходу Фьорсена, она делала это очень хитро - как бы мимоходом. Когда он пришел, ему, видимо, стало ясно, что надо быть настороже; он только смотрел на Джип, стараясь делать это незаметно. Но, уходя, прошептал ей:

- Нет, не так! Не так! Я хочу видеть вас одну - я хочу!

Она улыбнулась и покачала головой. Но снова заиграло и заискрилось вино ее радости.

Вечером она безразличным тоном сказала тетушке Розамунде:

- Мистер Фьорсен не нравится отцу, и, наверно, поэтому он не может оценить его игру.

Это осторожное замечание побудило тетушку Розамунду - весьма жадную до музыки, но, разумеется, в пределах хорошего тона - умолчать в письме к брату об имевшем место вторжении. В следующие две недели Фьорсен появлялся почти ежедневно и приносил с собой скрипку. Джип аккомпанировала ему, и хотя от его

алчущего взгляда ей было не по себе, она уже тосковала по этому взгляду.

Но когда Уинтон приехал на Бэри-стрит, она оказалась в затруднении. Признаться, что Фьорсен бывал у тетушки Розамунды? Но она не упоминала о нем в своих письмах. Не признаваться, предоставить ему узнать это от самой тетушки? В смятении она не сделала ни того, ни другого, а сказала отцу, что ей до смерти хочется на охоту. Видя в этом добрый знак, он тут же увез ее в Милденхэм. У нее было странное чувство - не то облегчения, не то сожаления, словно она убежала от чего-то, зная, что вскоре ее потянет снова вернуться. Сбор охотников был назначен далеко от их дома, но Джип настояла на том, чтобы ехать на место охоты верхом; она приказала престарелому жокею Петтенсу, который все еще служил подсобным конюхом в Милденхэме, привести туда ее вторую лошадь. Дул хороший, свежий ветер, собирался дождь. Уинтон облюбовал для себя и Джип укромный уголок. Они проехали прямо туда, к счастью, никем не замеченные - опытный охотник всегда будет держаться за этим одноруким всадником в выцветшей куртке, который на своей сухощавой кобыле умеет так здорово вырваться вперед! Из чащи появился верхом на коне один из выжлятников, маленький чернявый парень с острым взглядом и обветренными впалыми щеками; он проскакал мимо, помахал рукой и снова пропал в лесу. С пронзительным криком из кустарника вылетела сойка, покружилась в воздухе и юркнула обратно. Через вспаханное поле пробежал заяц, рыжеватый, неуклюжий, едва различимый на бурой земле. Высоко в небе между перелесками носились голуби. Резкие голоса выжлятников доносились из глубины леса, изредка подавали голоса гончие; видимо, чую след, они кружили среди папоротников и шиповника.

Джип, сжимая поводья, дышала полной грудью. Вокруг все благоухало пряно и свежо, по голубому небу быстро неслись светло-серые облака, но ветер здесь был вполовину тише, чем там, наверху, - он только относил листья березы и дуба, опавшие от мороза, который ударил два дня назад. Если бы только лисица прорвалась в их сторону и они могли бы первыми ее заповевать, одни с гончими! Вот уж какая-то из гончих выбегает из чащи - милейшее создание, деловитое и спокойное. На возглас Уинтона "Искать, Трикс!" гончая поднимает

рыжеватую, с белыми пятнами голову и с упреком глядит на хозяина темно-коричневыми глазами. Раскат охотничьего рога в лесу - и гончая ныряет обратно в кусты шиповника.

Новый гнедой конь Джип насторожил уши. Вдоль опушки, приближаясь к ним, ехал на низкой караковой кобылке молодой человек в серой короткой куртке, кожаных бриджах и ботфортах. Значит ли это, что все охотники пожалуют сюда? Джип нетерпеливо оглядела незваного гостя, а он, слегка приподняв шляпу, улыбнулся. Улыбка, чуточку дерзкая, была, однако, заразительна, и Джип, невольно смягчившись, едва заметно улыбнулась в ответ, Кто он такой? Вид у него был веселый и безмятежный. Она совершенно не помнила его, но что-то в нем казалось ей знакомым - лицо, хорошо очерченное, гладко выбритые щеки, темные вьющиеся волосы, очень светлые глаза, смелый, спокойный взгляд. Где она видела кого-то, похожего на него?

Приглушенный возглас Уинтона заставил ее повернуть голову. За ближними кустами прокрадывалась лисица! Глаза Джип встретились с глазами отца. Его лицо стало твердым, как сталь. Ни звука, ни шороха - словно лошадь и человек превратились в металл. Что же он, так и не крикнет "ату"? Но вот губы его приоткрылись, и слово вылетело. Джип благодарно улыбнулась молодому человеку: он проявил такт, предоставив крикнуть ее отцу; и снова он в ответ улыбнулся ей. Но вот уже с лаем вынеслись по следу первые гончие - одна, другая, третья, - только пыль столбом! Но почему же не трогается с места отец?

Мимо нее промелькнула вороная кобыла, вслед рванулся гнедой Джип. Молодой человек на караковой обходил ее слева. Только доезжачий, один выжлятник и их трое! Ее гнедой слишком стремительно взял первую изгородь, и Уинтон, обернувшись, крикнул: "Спокойней, Джип! Сдерживай!" Но она не могла, да и к чему! Луг, три луга, лисица - чудо, идет как по нитке! Каждый раз, когда гнедой подымался в прыжке, она успевала подумать: "Чудесно! О, как мне хорошо!" Нет на рвете другого такого ощущения! А тут еще вожаком отец, гончие идут ровно, добрым ходом, лугам нет конца. Что там танцы! Это даже лучше - да, лучше! - чем слушать музыку! Всю бы жизнь нестись так, перелетая через изгороди! Новый гнедой - прелесть, хотя и тянет поводья...

Она перескочила через следующую изгородь одновременно с молодым человеком, у которого караковая шла великолепно. Шляпу он теперь нахлобучил на уши, лицо его стало сосредоточенным, но на губах все еще оставалось что-то от той улыбки. Джип подумала: "У него хорошая посадка, очень уверенная, только, похоже, он чересчур "зарывается". Никто так не ездит, как отец, - красиво и спокойно!" И в самом деле, манера Уинтона держаться в седле была безупречна. Гончие заворачивали на ходу, всей стаей. Теперь она словно слилась с ними! Вот это скачка! Никакой лисе долго не выдержать!

И вдруг она увидела лису на дальнем конце луга, отчаянно несущуюся с поджатым хвостом, и молнией ее обожгла мысль: "О! Не давайся им в руки! Беги, лиса, беги! Уходи!" Неужто все мы - на одного загнанного рыжего зверя? Сто великанов, лошадей, мужчин и женщин, собак - все на одну маленькую лисицу? Перед ней выросла еще одна изгородь, тут же другая, и в экстазе полета через них она забыла о стыде и жалости, только что охвативших ее. Минутой позже лиса растянулась на земле в сотне ярдов от передовой собаки и Джип радовалась этому! Она не раз видела затравленных лисиц - ужасное зрелище! Но зато была чудесная скачка. Задыхающаяся, с восторженной улыбкой, она уже думала о том, успеет ли незаметно для молодого человека вытереть лицо, прежде чем доскачет до края луга.

Она видела, как он разговаривает с ее отцом, а когда они тронулись в обратный путь, он приподнял шляпу и, глядя ей прямо в лицо, сказал:

- Как вы скакали!

Голос у него был приятный, певучий. Джип поблагодарила его кивком.

- Вы хотите сказать - моя новая лошадь?

Она все еще ломала голову: "Где я все-таки видела человека, похожего на него?"

Они сделали еще два гона, но это уже было не то, что первая скачка. Не видела она больше и молодого человека, которого звали, кажется, Саммерхэй, он оказался сыном некоей леди Саммерхэй из Уидрингтона, в десяти милях от Милденхэма.

Обратно Джип с Уинтоном ехали, не торопясь, при свете угасающего дня. Оба молчали. В отличном настроении, вся напоенная

свежим ветром, она чувствовала себя счастливой. Все уже тонуло в сумерках - деревья, поля, стога сена, изгороди, пруды у дорог; в окнах деревенских домов уже светились огни; в воздухе пахло смолистым дымом. Впервые за весь день она вспомнила о Фьорсене, вспомнила почти с тоской. Если бы он очутился здесь, в старой уютной гостиной, играл бы для нее, а она сидела бы в полудремоте у огня, вдыхая запах горящих кедровых поленьев, играл бы менуэт Моцарта или ту трогательную песенку Пуаза {Пуаз Жан, французский композитор, автор ораторий и комических опер (1828-1892).}, которую он исполнял, когда она в первый раз услышала его игру, или десяток других вещей, которые он играет без аккомпанемента! Это было бы самым чудесным завершением чудесного дня. Только еще этого тепла не хватает, чтобы все было прекрасно, - тепла музыки и обожания!

Тронув лошадь каблуком, она вздохнула. Эти фантазии о музыке и Фьорсене можно было позволить себе вдали от него; она даже подумала, что ничего не имела бы против, если бы он снова повел себя так, как тогда под березами, под дождем, в Висбадене. Так приятно, когда тебя обожают!.. Она ехала теперь на своей старой кобыле, шесть лет ходившей под седлом, и та уже начала часто пофыркивать, чуя стойло. Вот и последний поворот, знакомые очертания буковой аллеи, ведущей к дому, - старому помещицкому дому, вместительному, довольно мрачному, с широкими удобными лестницами. Она устала; моросил дождь. Завтра будет ныть все тело. Она увидела Марки, стоящего в освещенной двери. Доставая из кармана кусочка сахара для кобылы, она услышала его слова:

- Мистер Фьорсен, сэр, джентльмен из Висбадена, с визитом.

Сердце ее заколотилось. Что это значит? Зачем он приехал? Как он посмел? Как он мог поступить так предательски? Ах, но он, конечно, не знает, что она ничего не сказала отцу. Это в наказание ей! Она вбежала в дом и прямо поднялась наверх. До нее донесся голос Бетти: "Ванна готова, мисс Джип!"

- О Бетти, дорогая, принеси мне чай наверх! - крикнула она и исчезла в ванной комнате. Здесь она была в безопасности; и потом: в восхитительном тепле ванны легче обдумать положение.

Могло быть только одно: он приехал просить ее руки. И вдруг ей стало спокойнее. Лучше уж так; больше не будет секретов от отца! Отец встанет между ней и Фьорсеном, если... если она сама не решит

выйти за него замуж. Эта мысль потрясла ее. Неужели она, сама того не сознавая, зашла так далеко? Что же будет? Фьорсен не откажется от нее, если даже она ответит ему "нет". Но захочет ли она сама отказать ему?

Она любила горячие ванны, но никогда еще не сидела в воде так долго. Здесь ей было легко - и так тяжело будет там! В дверь постучали, и это заставило ее наконец выйти из ванны и впустить Бетти, явившуюся с чаем и со следующим приглашением:

- Мисс Джип просят спуститься вниз, когда она будет готова.

ГЛАВА VI

Проводив взглядом дочь, Уинтон отрывисто спросил у Марки:

- Куда вы девали этого джентльмена?

Только слово "этого" и выдавало его волнение. Но пока он пересекал прихожую, в голове у него пронеслось много необычных, мыслей. В кабинете он довольно учтиво наклонил голову, ожидая, что скажет Фьорсен. "Скрипач" был в меховом пальто, в руках он теребил фетровую шляпу. Почему он не смотрит прямо в глаза? А если и смотрит, то словно хочет тебя съесть.

- Вы ведь знаете, что я вернулся в Лондон, майор Уинтон?

"Значит, Джип виделась с ним и ничего не сказала!" - с горечью подумал он. - Но не надо выдавать ее". И он снова только наклонил голову. Он видел, что гостя пугает его ледяная учтивость; но он не собирался помогать Фьорсену избавиться от этого страха.

Фьорсен принялся расхаживать по комнате. Потом остановился и сказал возбужденно:

- Майор Уинтон, ваша дочь - самое прекрасное создание на свете. Я люблю ее безумно. Я человек с будущим. И я добьюсь многого в моем искусстве, если только женюсь на ней. У меня есть к тому же и небольшие средства; но в моей скрипке - все богатство, какого только она пожелает.

На лице Уинтона можно было прочесть только холодное презрение. Значит, этот тип воображает, что он, Уинтон, может думать о деньгах, когда речь идет о его дочери! Это просто оскорбляло его. Фьорсен продолжал:

- Я вам не нравлюсь. Я понял это с первой минуты. Вы английский джентльмен, - эти слова он произнес с иронией, - и я для

вас ничто. Но в своем мире я чего-то стою. Я не авантюрист. Вы позволите мне просить вашу дочь быть моей женой?

Он поднял руки и замер, как на молитве. На секунду Уинтон почувствовал, что этот человек страдает. Но ответил тем же ледяным тоном:

- Я очень обязан вам, сэръ, за то, что вы обратились ко мне первому. Я не хочу быть невежливым в своем доме; но я был бы рад, если бы вы оказались столь любезны и удалились, имея в виду, что я безусловно буду противиться вашему желанию до последней возможности.

Почти детское разочарование и смятение, написанные на лице Фьорсена, сразу сменились выражением гнева, недоверия, насмешки и, наконец, отчаяния. Он воскликнул:

- Майор Уинтон, вы же любили! Вы, наверно, любили ее мать. Я страдаю!

Уинтон, отошедший было к камину, резко повернулся.

- Я не распоряжаюсь чувствами своей дочери, сэръ; она может поступить так, как ей угодно. Я только говорю, что если она выйдет за вас замуж, это будет против моих надежд и взглядов. Я представляю себе, что вы в общем не так уж. дожидались моего разрешения. Я не слепой и видел, как вы увивались вокруг нее в Висбадене, мистер Фьорсен.

Фьорсен ответил с жалкой улыбкой:

- Несчастные делают то, что могут. Вы позволите мне увидеть ее? Только увидеть.

Она уже встречалась с этим парнем без его ведома, скрыла все от него от него. Все свои переживания, каковы бы они ни были! И Уинтон сказал:

- Я пошлю за ней. А пока не желаете ли чаю или виски?

Фьорсен покачал головой. Добрых полчаса прошли в неприятном, натянутом молчании. Уинтон, стоявший перед камином в испачканной, забрызганной грязью одежде, выдерживал это молчание лучше, чем его гость. Это дитя природы потратило много усилий, пытаясь соревноваться с хозяином. Теперь Фьорсен, видимо, махнул рукой на все приличия: он нервно шагал по комнате, подходил к окну, отодвигал занавеси и глядел в темноту; потом, как бы опять на что-то решившись, останавливался против Уинтона и снова, словно

отброшенный этой неподвижной фигурой у огня, опускался в кресло и отворачивался к стене. Уинтон не был по натуре жестоким человеком, но он забавлялся, глядя, как корчится этот тип, вздумавший угрожать счастью Джип. Угрожать? Ну, разумеется, она не примет его предложения! И все-таки почему она умолчала о своих встречах с ним? Уинтон тоже страдал.

Потом вошла Джип. Она улыбалась, но в лице ее была какая-то предостерегающая замкнутость. Она подошла к Фьорсену и, протягивая руку, сказала спокойно:

- Как мило, что вы приехали!

Уинтон с горечью почувствовал, что он - он! - здесь лишний. Хорошо, он будет говорить прямо; видимо, многое произошло за его спиной.

- Мистер Фьорсен сделал нам честь просить твоей руки. Я сказал ему, что ты решаешь такие вопросы сама. Если ты примешь его предложение, то естественно, что это будет против моего желания.

Пока он говорил, румянец на ее щеках становился все гуще; она не глядела ни на него, ни на Фьорсена. Уинтон заметил, как часто подымается и опускается кружево на ее груди. Она едва заметно пожала плечами. И вдруг Уинтон, потрясенный до глубины души, повернулся и пошел к двери. Ему стало ясно, что она не нуждается в его наставлениях. Неужели ее любовь к отцу значит для нее меньше, чем этот скрипач? Но он тут же подавил в себе обиду и возмущение; без нее он не может жить! Пусть она выйдет замуж за самого отъявленного негодяя - он все равно останется с ней, он хочет ее дружбы и любви. Она слишком много значит для него в настоящем и значила в прошлом. С тяжелым сердцем он ушел к себе.

Когда он спустился к обеду, Фьорсена уже не было. Что говорил этот человек, что отвечала она ему, - он не стал бы спрашивать ни за что на свете. Нелегко перекинуть мост через пропасть, созданную гордостью. И когда Джип встала, чтобы пожелать ему доброй ночи, лица у обоих были словно у восковых манекенов.

В последующие дни она ничем не выдавала себя, не произнесла ни слова, которое могло бы означать, что она собирается идти против его воли. Фьорсена как бы не существовало, о нем просто не упоминали. Но Уинтон хорошо знал, что она подавлена и что-то

затаила в душе против него. Однажды после обеда он спокойно спросил:

- Скажи мне откровенно, Джип: тебе нравится этот человек?

Она ответила так же спокойно:

- В какой-то мере - да.

- А этого довольно?

- Я не знаю, отец.

Ее губы дрожали, и сердце Уинтона смягчилось, как и всегда, когда он видел ее взволнованной. Он протянул руку, положил на ее пальцы и сказал:

- Я никогда не буду помехой твоему счастью, Джип. Но это должно быть счастье. Будет ли оно? Я не думаю. Ты ведь знаешь, что говорили о нем там?

- Да.

Он не ожидал, что это ей известно. Сердце его упало.

- Это очень скверно, понимаешь ли? И он совсем не нашего круга.

Джип подняла на него глаза,

- А ты думаешь, отец, что я "нашего круга"? Уинтон отвернулся. Она пошевелила пальцами, на которых лежала его рука, и продолжала:

- Я не хотела тебя обидеть. Но ведь так оно и есть, правда? Я не принадлежу к твоему кругу. Всегда, когда ты говорил мне об этом, я чувствовала, насколько далека от этих людей. Я ближе к нему. Музыка для меня дороже всего на свете!

Уинтон судорожно сжал ее пальцы.

- Если твое счастье окажется непрочным, Джип, это будет самым страшным крушением для меня.

- Но почему мне не быть счастливой, отец?

- Ради твоего счастья я могу примириться с кем угодно. Но я не могу поверить в это. Я прошу тебя, дорогая, ради бога, подумай еще. Я пустил бы пулю в человека, который обошелся бы с тобой дурно.

Перед сном он сказал:

- Завтра мы едем в Лондон.

То ли почувствовав неизбежность того, что должно совершиться, то ли питая слабую надежду, что более частые встречи с этим скрипачом излечат ее, он решил больше не чинить препятствий.

И необычное ухаживание началось снова. К рождеству она дала согласие, все еще убежденная, что она повелительница, а не рабыня; кошка, а не птичка. Один или два раза, когда Фьорсен дал волю своим чувствам и его откровенно дерзкие поцелуи оскорбили ее, она почти с ужасом подумала о том, на что идет. Но в общем она была в каком-то ликующем настроении, опьяненная музыкой и его поклонением, хотя и испытывала иногда угрызения совести, - она знала, что огорчает отца. Она редко бывала в Милденхэме, а он, оставив Джип на попечение сестры, придавленный бедой, проводил там все время и почти не слезал с седла. Тетушка Розамунда, хотя и находилась под обаянием игры Фьорсена, соглашалась с братом, что он "невозможен". Но что бы она ни говорила, ее слава никак не действовали на Джип. Это было новое и потрясающее открытие - жилка упрямства в мягкой, чувствительной девушке. Возражения, казалось, только укрепляли ее решимость. В конце концов природный оптимизм доброй женщины начал подсказывать тетушке Розамунде, что Джип сумеет сделать человеком и такого субъекта. Что ни говори, а он в своем роде знаменитость!

Свадьба была назначена на февраль. Был куплен дом с садом в Сент-Джонс Вуд. Последний месяц перед свадьбой проходил, как это обычно бывает, в какой-то упоенной сутолоке, в покупке мебели, платьев. Если бы этого не было, кто знает, сколько узлов, скрепленных помолвкой, оказались бы развязанными.

И вот сегодня они поженились. До последнего дня Уинтон не верил, что все кончится этим. Он пожал руку ее мужу, стараясь ничем не выдавать своей горечи и разочарования; впрочем, он хорошо знал, что никого этим не обманет. Слава всевышнему, обошлось без церкви, без свадебного пирога, приглашений, поздравлений и подобной чепухи - он не выносил этого. Не было даже Розамунды - у нее инфлюэнца, - чтобы помочь уложиться!

Откинувшись на спинку старого кресла, он глядел на огонь.

Теперь они вот-вот должны подъехать к Торки, да, именно теперь. Музыка! Кто бы мог подумать, что звуки, извлекаемые из струн и дерева, украдут ее у него! Да, пожалуй, они уже в Торки, в отеле. Из уст Уинтона вырвалась первая за долгие годы молитва:

- Пусть она будет счастлива! Пусть она будет счастлива!

Услышав, что Марки открывает дверь, он закрыл глаза и притворился спящим.

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ *

ГЛАВА I

Джип задумчиво смотрела на свое платье, бархатное, кремового цвета. Мало кто из девушек ее круга выходил замуж без свадебной "чепухи", как называл это Уинтон. Немногим из них пришлось сидеть в уголке купе первого класса, не испытав даже удовольствия от того, что в течение нескольких приятных часов ты была центром общего восхищения и поклонения, чему и теперь радуешься, пока продолжается твое путешествие в вагоне; сидеть в уголке и даже не иметь возможности вспомнить, как держали себя друзья, кто что говорил, кто как выглядел, поболтать обо всем этом с молодым мужем, чтобы отогнать грустные мысли. А что было у нее? Новое, впервые сегодня надетое платье; слезы Бетти; плоские, как доньшко цилиндра, лица регистратора и его помощника - вот все, о чем она может вспомнить. Она украдкой взглянула на сидящего напротив Фьорсена, одетого в синий костюм из тонкой шерсти. Ее муж! Миссис Густав Фьорсен! Так ее будут называть теперь; но для себя она по-прежнему останется Гитой Уинтон. Другое имя к ней никогда не подойдет. Не признаваясь самой себе, она боялась, - боялась встретиться с ним глазами и старалась глядеть в окно. Хмурый, унылый день; ни тепла, ни солнца, ни музыки - свинцово-серая Темза, печальные ивы по берегам...

Вдруг она почувствовала прикосновение его руки. Такого лица она раньше никогда у него не видела - разве что когда он играл, - сейчас оно было необычайно одухотворенным. Она вдруг почувствовала себя уверенней. Если все останется таким - тогда!.. Его рука лежала на ее колене; лицо уже чуть-чуть изменилось; одухотворенность увядала, гасла; губы набухали. Он поднялся и сел возле нее. Она с безотчетной радостью подумала о том, что рядом коридор, и сразу заговорила об их новом доме. До сегодняшнего дня, все то время, что они бывали вместе, он напоминал голодного человека, с жадностью набрасывающегося на случайную еду; теперь, когда она принадлежала ему навсегда, он был совсем другим - словно мальчик, которого отпустили из школы.

Он достал свою тренировочную скрипку и, вставив сурдинку, начал играть. Когда он отворачивал голову, она смотрела на него. Он выглядел теперь много лучше, чем в ту пору, когда носил свои узенькие бакенбарды. Как-то она дотронулась до них и сказала: "Если бы эти крылышки могли улететь!" К следующему утру они улетели. Но она так и не привыкла к нему, а тем более к его прикосновениям.

В Торки небо было чистым и звездным; вместе с ветром через окна такси долетали запахи моря; на далеком мысу мигали огоньки; в крошечной гавани на воде, отливавшей темной синевой, качались, словно утки, лодчонки. Когда машина остановилась и они вошли в холл гостиницы, Джип прошептала:

- Не надо, чтобы они догадались! Он спокойно пропустил ее вперед.

- Никто ничего не поймет, моя Джип! О, совсем ничего! Мы старая супружеская пара и очень надоели друг другу, очень!

За обедом его забавляла - да и ее, пожалуй, тоже - эта игра в равнодушие. Но время от времени он оглядывался и с таким нескрываемо злобным презрением впивался глазами в какого-нибудь безобидного посетителя, проявившего к ним интерес, что Джип встревожилась. Когда же она выпила немного вина, а он выпил изрядно, игре в равнодушие пришел конец. Он стал не в меру болтлив, давал прозвища официантам, передразнивал посетителей ресторана; Джип улыбалась, но внутренне дрожала, боясь, что эти выходки могут заметить. Их головы почти соприкасались над маленьким столиком. Потом они вышли в холл - он непременно хотел, чтобы она выкурила с ним сигарету. Она никогда не курила на людях, но отказаться не могла - это выглядело бы жеманно, "по-девичьи". Надо вести себя так, как принято в его кругу. Она отодвинула портьеру, и они стали рядом у окна. В свете ярких звезд море казалось совсем синим, из-за раскидистой сосны, возвышающейся на мысу, выглядывала луна. Хотя ростом Джип была пяти с половиной футов, она едва доставала ему до подбородка. Он вздохнул и сказал:

- Чудесная ночь, моя Джип!

Вдруг ее обожгла мысль, что она совсем его не знает, а ведь он ее муж! "Муж"... Странное слово, некрасивое! Она почувствовала себя ребенком, открывающим дверь в темную комнату, и, схватив его за руку, прошептала:

- Смотри! Вон парусная лодка! Зачем она в море ночью?

Наверху, в их гостиной, стоял рояль, но он оказался негодным. Завтра они попросят поставить другой. Завтра! В камине пылал жаркий огонь. Фьорсен взял скрипку и сбросил пиджак. Рукав рубашки был порван. "Я почию!" подумала она с каким-то торжеством. Вот уже есть для нее дело. В комнате стояли лилии, от них исходил сильный пряный аромат. Он играл почти целый час, и Джип в своем кремовом платье слушала, откинувшись в кресле. Она устала, но спать не хотелось. Хорошо бы уснуть! В уголках ее рта обозначились маленькие печальные складки; глаза углубились и потемнели, она теперь напоминала обиженного ребенка. Фьорсен не отрывал глаз от ее лица. Наконец он положил скрипку.

- Тебе пора лечь, Джип. Ты устала.

Она послушно поднялась и пошла в спальню. Отчаянно спеша, все время ощущая какие-то болезненные уколы в сердце, она разделась возле самого камина и легла в постель. В своей тонкой батистовой рубашке, на холодных простынях, она не могла согреться и лежала, уставившись на полыхающий огонь камина. Она ни о чем не думала, просто тихо лежала. Скрипнула дверь. Она закрыла глаза. Да есть ли у нее сердце? Казалось, оно перестало биться. Она не открывала глаз до тех пор, пока могла. В отсветах камина она увидела, что он стоит на коленях возле кровати... Джип ясно разглядела его лицо. Оно похоже было... похоже... где она видела это лицо? Ах, да! На картине - лицо дикаря, припавшего к ногам Ифигении, смиренное, голодное, отрешенное, застывшее в одном немом созерцании. Она коротко, глухо вздохнула и протянула ему руку.

ГЛАВА II

Джип была слишком горда, чтобы дарить себя наполовину. И в эти первые дни она отдавала Фьорсену все - все, кроме сердца. Ей искренне хотелось отдать и сердце, но сердцу не прикажешь. Если бы Фьорсен мог преодолевать в себе дикаря, доведенного до неистовства силой ее красоты, ее сердце, быть может, и потянулось бы к нему вместе с губами. Он понимал, что оно не принадлежит ему, и, в необузданности своей натуры и мужского сластолюбия, избрал ложный путь - пытался пробудить в ней чувственность, а не чувство.

И все же она не была несчастлива, если не считать тех минут, когда все ее существо охватывала какая-то растерянность, словно она

старалась поймать что-то, постоянно ускользающее. Когда он играл и лицо его озарялось светом одухотворенности, она говорила себе: "Вот оно, вот оно, теперь-то, уж он станет мне ближе!" Но одухотворенность мало-помалу исчезала; и она не знала, как удержать ее; когда же она пропадала со временем, пропадало и ее чувство.

Несколько небольших комнат, которые они занимали, были расположены в самом конце гостиницы, и он мог играть сколько его душе угодно. Пока он упражнялся по утрам, она уходила в парк, который скалистыми террасами спускался к морю. Закутавшись в меха, она сидела здесь с книжкой. Вскоре она уже знала каждое вечнозеленое растение, каждый цветок. Вот это обречия, а это лауристин; название этого маленького белого цветка ей неизвестно; а это звездный барвинок. Дни по большей части стояли хорошие; уже пели и готовились вить гнезда птицы, и дважды или трижды в ее сердце постучалась весна - она явственно слышала первые вздохи новой жизни, только-только зарождающейся в земле. Такое ощущение появляется тогда, когда весны еще нет. Часто над ее головой пролетали чайки, они жадно вытягивали клювы, крики их были похожи на кошачье мяуканье.

Она даже сама не сознавала, как повзрослела за эти немногие дни, как прочно басовый аккомпанемент вошел в легкую музыку ее жизни. Помимо познания "мужской природы", жизнь с Фьорсеном открыла ей глаза на многое; наделенная крайней, быть может, фатальной для нее восприимчивостью, она уже впитывала и его жизненную философию. Он отказывался принимать вещи как они есть, но только потому, что этого от него хотели другие; как многие артисты, он не имел твердых убеждений, а просто иногда брыкался, когда его что-нибудь задевало. Он способен был весь погрузиться в созерцание солнечного заката, радоваться аромату, мелодии, неизведанной доселе ласке, отдаться неожиданно нахлынувшей жалости к нищему или слепцу и, наоборот, проникнуться отвращением к человеку с чересчур большими ногами или длинным носом, или к женщине с плоской грудью и лицом святоши. Он мог энергично шагать, а мог и едва волочить ноги; часто он пел и заразительно смеялся, заставляя и ее смеяться до упаду, а уже через полчаса вдруг застывал в неподвижности, словно уставившись в какую-то бездонную черную пропасть, придавленный тягостным

раздумьем. Незаметно для себя она начинала вместе с ним погружаться в этот мир чувств, но при этом оставалась неизменно изящной, утонченной, отзывчивой, никогда не забывающей о переживаниях других людей.

В своей любовной одержимости он старался, однако, не слишком досаждать ей, хотя никогда не упускал случая дать ей почувствовать, что восхищается ее красотой; его домогательства не шокировали ее только потому, что она постоянно чувствовала себя вне респектабельного круга - она уже пыталась однажды объяснить это отцу. Но во многом другом он все-таки шокировал ее. Она не могла свыкнуться с тем, что он пренебрегал чувствами других людей, с его грубым презрением к людям, которые действовали ему на нервы, к его намекам вполголоса в их адрес, - вот так же он вел себя по отношению к ее отцу, когда проходил тогда с графом Росеком мимо памятника Шиллеру. Подчас она поеживалась от некоторых его замечаний, хотя они бывали так забавны, что она не могла не смеяться. Она видела, что это злит его и что он с еще большим исступлением набрасывается на людей. Однажды она встала из-за стола и ушла. Он побежал за ней, сел на полу у ее ног и, словно огромный кот, стал тереться лбом о ее руки.

- Прости меня, моя Джип, но они же просто скоты. Кто бы мог удержаться? Ну, скажи мне, кто бы мог удержаться, кроме моей Джип?

Ей пришлось простить его. Но однажды, когда он вел себя за обедом особенно вызывающе, она сказала:

- Нет. Я не могу. Это ты - скот.

Он вскочил и мрачный, разъяренный вышел из комнаты. Это был первый случай, когда он дал волю гневу против нее. Джип сидела у камина встревоженная, но прежде всего тем, что ее, в сущности, совсем не мучило то, что она обидела его. Разве этого недостаточно, чтобы почувствовать себя несчастной!

Но когда он не вернулся и к десяти часам, она растерялась. Должно быть, то, что она сказала - ужасно! Правда, в душе она не отказывалась от своего приговора. Впервые она открыто осудила то, что Уинтон считал в Фьорсене "вульгарностью". Будь он англичанином, она никогда не почувствовала бы влечения к человеку, способному так топтать чувства других. Что же тогда привлекло ее в

нем? Оригинальность, необузданность, гипнотическая сила страсти, мастерство музыканта? Всего этого у него не отнимешь. Размах, взлет, тоска - все в его игре напоминало ей вот это море за окном - темное, окаймленное полосой прибоя, бьющееся о скалы; или другое море - синее-синее, в ярком свете дня, с кружащими над ним белыми чайками; или море, изборожденное тропками течений, нежное, улыбающееся, тихое, но таящее в своих глубинах непреоборимое беспокойство, готовность воспрянуть из бездны и вырваться снова на простор. Этого она и ждала от него - не его объятий, даже не его поклонения, не остроумия и эксцентричности, не вкрадчивости, напоминающей о коварстве кошки; нет, она жаждала только тех даров его души, что рвались через пальцы ввысь, увлекая за собой ее душу!

Пусть только он войдет - она бросится к нему, обовьет руками его шею, прижмет к нему, растворится в нем! Почему бы и нет? Это ее долг; и разве не радость тоже? Но вдруг ее охватила дрожь. Какой-то инстинкт, слишком глубокий, чтобы разобраться в нем, скрывающийся в тайниках ее души, заставил ее отшатнуться - словно ей стало страшно, панически страшно отдаться течению, отдаться любви; неуловимый инстинкт самосохранения восставал против чего-то рокового, что может увлечь ее куда-то в неведомое; это было неосознанное ощущение человека, стоящего над пропастью: боязнь шагнуть поближе и в то же время - непреодолимое влечение сделать этот шаг.

Она прошла в спальню. Лечь спать, не зная, где он, что делает, что думает, уже казалось невозможным; она принялась медленно расчесывать волосы оправленной в серебро щеткой. Из зеркала на нее глядело бледное лицо, с огромными, потемневшими глазами. В конце концов пришла мысль: "Я ничего не могу поделать! Мне все равно!" Она легла в кровать и выключила свет. Стало неудобно и сиротливо - огонь в камине не горел. Не думая больше ни о чем, она уснула.

Ей приснилось, что она едет в железнодорожном вагоне по морю и сидит между Фьорсеном и отцом; волны поднимаются все выше и выше, плещут о стенки вагона и вздыхают. Она проснулась, как обычно, сразу, словно сторожевая собака, и поняла, что это он играет в гостиную. Который же теперь час? Она лежала, прислушиваясь к трепетной, невнятной мелодии. Дважды она вскакивала с постели, но словно сама судьба давала ей знак не двигаться - каждый раз именно в

это мгновение усиливался звук скрипки. И каждый раз она думала: "Нет, я не могу! Опять то же самое. Ему безразлично, скольких людей он разбудит своей игрой. Он делает то, что нравится ему, и не думает ни о ком другом". И, заткнув уши, она продолжала лежать.

Когда она наконец отняла руки от ушей, он уже перестал играть. Потом она услышала, как он входит в комнату, и притворилась спящей. Утром он вел себя так, словно забыл о случившемся. Но Джип не забыла. Ей очень хотелось узнать, что он почувствовал, куда ходил, но гордость не позволила ей спросить об этом.

В первую неделю она писала отцу дважды, а потом только изредка посылала открытку. К чему рассказывать ему о том, как проходит ее жизнь в обществе человека, которого тот не переносит? Неужели отец был прав? Признать это значило бы слишком уязвить свою гордость. Но она начала тосковать по Лондону. Ее новый дом еще не был отделан. Быть может, когда они поселятся там и смогут жить так, как захотят, не боясь помешать другим, жизнь пойдет по-иному? Он снова примется за работу, она будет помогать ему, и все будет хорошо. Новый дом, новый сад, деревья, которые скоро должны зацвести! Она заведет собак и кошек, станет ездить верхом, когда отец будет наезжать в Лондон. Будут приходиться тетюшка Розамунда, друзья, можно устраивать музыкальные вечера, даже танцы - ведь она танцует превосходно. А его концерты, приносящие радость и торжество: ведь его успех - это и ее успех! А главное, как приятно будет заняться самим домом - все должно там быть элегантным, оригинальным по форме и цвету! И все-таки в глубине души она думала, что загадывать сейчас на будущее - недобрый знак.

Как бы там ни было, но одно ее радовало - ходить на лодке под парусами. Дни были ясными, пригревало мартовское солнце, дул легкий ветерок. Фьорсен великолепно ладил с "морским волком", лодку которого они нанимали, - он вообще лучше всего раскрывался в общении с простыми людьми.

В эти часы Джип вся отдавалась поэзии и романтике. Море было синее, скалы и лесистые отроги южного побережья словно дремали в легкой дымке. Забыв о "морском волке", он обнимал ее, и она была благодарна за эти короткие мгновения духовной близости. Она честно старалась понять его все эти три недели, принесшие ей горечь первых разочарований. Ее пугали не обычные трудности, естественные для

первой поры замужества; не испытывая страсти сама, она не могла упрекать ни в чем и его. Причина тревоги лежала глубже - она все время чувствовала, что перед ней какой-то непреодолимый барьер, что ей надо постоянно держать себя в узде. Она не раскрывала ему себя и не могла узнать его. Почему он иногда смотрит ей в глаза и будто не видит ее? Что заставляет его в середине какого-нибудь серьезного пассажа вдруг переходить на бравурную или унылую мелодию или вовсе откладывать в сторону скрипку? Чем объяснить эти долгие часы подавленности после безудержного веселья? И плавное, о чем мечтает он в те редкие минуты, когда музыка преображает его странное бледное лицо? Или это всего лишь обман зрения? Да и мечтает ли он о чем-нибудь? "Чужое сердце - темный лес..." Для всех, но ведь не для того, кто любит!..

Однажды утром он получил письмо.

- Ага! Поль Росек заходил взглянуть на наш дом. "Очаровательное гнездышко для голубков" - так он назвал его.

Джип всегда было неприятно вспоминать слащавую, льстивую физиономию Росека и его глаза, которые, казалось, хранят столько тайн. Она спокойно спросила:

- Чем он тебе нравится, Густав?

- О, он человек полезный! Хорошо разбирается в музыке и... еще во многих вещах.

- По-моему, он отвратителен.

Фьорсен рассмеялся.

- Почему же отвратителен, моя Джип? Он хороший друг. И он восхищен тобой, очень восхищен! Il dit qu'il a une technique merveilleuse {Он говорит, что у него великолепная техника (франц.).} в обращении с женщинами.

Джип засмеялась.

- Мне кажется, он похож на жабу.

- А, я это расскажу ему! Он будет польщен.

- Если ты это сделаешь, я...

Он вскочил и схватил ее в свои объятия; лицо его так комично выражало раскаяние, что она сразу успокоилась. Впоследствии ей пришлось пожалеть о том, что она так отозвалась о Росеке. Но все равно, Росек - соглядатай, холодный сластолюбец, уж в этом-то она

уверена! При одной мысли, что Росек шпионит за их маленьким домом, последний словно терял что-то в ее глазах.

Через три дня они приехали в Лондон. Пока такси огибало Лордс Крикет-граунд, Джип держала Фьорсена за руку. Она была страшно возбуждена. В парках на деревьях уже набухали почки, вот-вот готов зацвести миндаль. А вот и их улица. Дом пять, семь, девять... тринадцать, еще два! Вот он - с белой цифрой "19" на зеленой ограде, обсаженной кустами сирени; а миндаль в их саду уже расцвел! За оградой виднелся невысокий белый дом с зелеными ставнями. Она выпрыгнула из машины и попала в объятия Бетти, которая стояла, улыбаясь во все свое широкое, румяное лицо; из-под каждой руки у нее высовывалась маленькая черная мордочка с настороженными ушами и сверкающими, как алмаз, глазками.

- Бетти! Что за прелесть!

- Подарок майора Уинтона, дорогая мэм!

Крепко обняв ее пышные плечи, Джип схватила обоих скоттерьеров и бросилась бежать по обсаженной шпалерами дорожке, прижав к груди щенков, которые смущенно потягивали и лизали ей нос и уши. Миновав квадратную прихожую, она очутилась в гостиной, окна которой выходили на лужайку; встав у балконной двери, она принялась разглядывать эту новую нарядную комнату, где все оказалось расставленным совсем не так, как она хотела. Стены белые, отделанные черным и атласным деревом, выглядели даже приятнее, чем она надеялась. А в саду - в ее саду - на грушевых деревьях появились почки, но деревья еще не цвели; возле дома распустилось несколько нарциссов, а на одной из магнолий уже появился бутон. Она все прижимала к себе щенков, наслаждаясь приятной теплотой их пушистых телец. Потом выбежала из гостиной и бросилась по ступенькам вверх. О, как чудесно быть у себя дома, быть... Вдруг она почувствовала, что кто-то, схватив ее сзади, поднимает на воздух; в этой несколько легкомысленной позе она обернулась, сияя глазами, и наклонилась так, что он мог дотянуться губами до ее губ.

ГЛАВА III

В то первое утро Джип проснулась в своем новом доме вместе с воробьями или с какими-то другими птицами, которые, начав с робкого чириканья и щебетания, потом начали распевать на все лады.

Казалось, все пернатое царство Лондона собралось в ее саду. И строки старого стихотворения пришли ей на память:

Все дети нежные Природы
У ног супругов молодых,
Их все благословляют...
И мелодичный птичий хор,
Союзник их с недавних пор,
Им утро возвещает!

Она повернулась и посмотрела на Фьорсена. Он лежал, уткнув голову в подушку, видны были только густые всклокоченные волосы. И снова ее пронизала дрожь - будто рядом лежал чужой мужчина. Принадлежит ли он ей по-настоящему, навсегда, а она - ему? А этот дом, чей он? Их общий? Все казалось иным, более серьезным и тревожным в этой чужой, но уже их постоянной кровати, в этой чужой, но уже их постоянной комнате. Стараясь не разбудить его, она выскользнула из-под одеяла и стала у окна, отодвинув портьеру. Свет был еще призрачным, только где-то далеко за деревьями пробивалась розовая полоска зари. Все напоминало бы утро в деревне, если бы не слабые шумы просыпающейся столицы и дымка низового тумана, обволакивающая утренний Лондон. Она хозяйка этого дома, ей надо здесь всем распоряжаться, за всем присматривать! А щенки! Чем их кормят?

Это был час добросовестных размышлений, первый из многих. Ее утонченный вкус требовал совершенства во всем, а деликатность не позволяла требовать этого от других, особенно от слуг. Не станет же она понукать их!

У Фьорсена не было ни малейшего представления об упорядоченной жизни. Он даже не мог оценить ее стремление наладить хозяйство в доме. Она была слишком горда, быть может, слишком умна, чтобы просить у него помощи; он явно неспособен был ее оказать. "Жить как птицы небесные" - вот был его девиз. Джип самой не хотелось бы ничего другого; но возможно ли это в доме с тремя слугами, где стол накрывается по нескольку раз в день? Да еще с двумя щенками? Как со всем этим управляться, если никто не поможет тебе даже советом?

Она ни с кем не делилась своими заботами. Надо было держать себя очень осторожно: Бетти, консервативная до мозга костей, с

трудом мирилась с Фьорсеном, как некогда и с Уинтоном. Но сложнее всего было с отцом. Она тосковала по нем, но буквально со страхом думала о встрече с ним. В первый раз он пришел - как, бывало, приходил, когда она была девочкой, - в час, когда, по его расчетам, "этого типа", которому она сейчас принадлежит, скорее всего не будет дома. Она сама отворила дверь и бросилась ему на шею, чтобы его пронизательные глаза не сразу увидели ее лицо. И тут же она заговорила о щенках, которых назвала Дон и Дафф. Они просто прелесть! От них ничего не убережешь: истрепали ее домашние туфли и повадились лазать в горку с фарфором и спать там! Но он должен сам все осмотреть!

Не переставая болтать, она водила его вверх и вниз по лестницам, потащила в сад, потом в музыкальную комнату - или студию - домик с отдельным входом из переулка. Студия была ее гордостью. Фьорсен мог здесь спокойно упражняться. Уинтон молча расхаживал с нею по дому, время от времени делая меткие замечания. В дальнем углу сада, глядя через стену, отделяющую ее владение от соседнего, Уинтон вдруг сжал ее руку.

- Ну, Джип, как же ты живешь?

- О, я бы сказала: просто чудесно. - Но она не смотрела на него, а он на нее. - Взгляни-ка, отец! Кошки проложили здесь себе дорожку!

Уинтон поджал губы и отвернулся. Мысль о скрипаче снова вызвала в нем горечь. Она, видимо, решила не говорить ему ни о чем, прикинулась веселой и беззаботной; но ведь его-то не проведешь!

- Погляди на мои крокусы! Сегодня настоящая весна!

Пролетели две-три пчелы. Молоденькие листочки были тонки и так прозрачны, что лучи солнца свободно проходили через них. Пурпурные крокусы с нежными прожилками и оранжевыми огоньками в середине венчика казались маленькими чашами, в которые налит солнечный свет. Ласковый ветерок раскачивал ветки; то там, то тут под ногами шуршал сухой лист. На всем: на траве, на голубом небе, на цветах миндального дерева - уже чувствовалось дыхание весны.

Джип сжала руки.

- Как чудесно чувствовать весну!

А Уинтон подумал: "Она изменилась!" Она стала мягче, живее, больше глубины, серьезности, уверенности в движениях,

приветливости в улыбке. Но счастлива ли она?

Рядом кто-то воскликнул:

- А! Очень приятно!

Этот парень подкрался незаметно, как хищник, - да он и есть хищник! Уинтону показалось, что Джип вздрогнула.

- Отец считает, что в студии следовало бы повесить темные портьеры, Густав.

Фьорсен поклонился.

- Да, да, как в лондонском клубе, - сказал он.

Уинтон следил за лицом Джип; он увидел, что на нем появилось выражение робкой мольбы. Он заставил себя улыбнуться и проговорил:

- Вы тут, кажется, уютно устроились. Рад вас повидать снова. Джип выглядит прекрасно.

Еще один поклон скрипача, точно такой, каких Уинтон не выносит! Фигляр! Нет, никогда, никогда он не сможет примириться с этим субъектом! Но нельзя и виду показывать. Как только позволили правила приличия, Уинтон распростился. Возвращаясь домой через эту часть города, где он знал только Лорде Крикет-граунд, он продолжал терзаться сомнениями и горечью. Наконец он решил, что всегда будет под рукой, на случай, если Джип потребует его помощь.

Минут через десять после его ухода явилась тетушка Розамунда; опираясь на трость, она прихрамывала с истинно аристократическим достоинством - у тетушки Розамунды тоже была подагра. Только теперь, когда Джип вышла замуж, добрая женщина поняла, как она привязана к племяннице. Ей хотелось бы вернуть Джип к себе, выезжать с ней, баловать, как прежде. Тетушка Розамунда, как всегда, говорила медленно, растягивая слова, но это не могло скрыть обуревающих ее чувств.

Джип заметила, что Фьорсен украдкой передразнивает тетушку Розамунду, и у нее заалели уши. Разговор о щенках, их привычках, чутье, дерзком нраве, кормлении на несколько минут отсрочил нависшую угрозу. Но потом Фьорсен снова стал гримасничать. Когда тетушка Розамунда торопливо распрощалась, Джип осталась стоять у окна гостиной, на лице ее больше не было маски. Фьорсен подошел, обнял ее и со вздохом сказал:

- Они часто будут приходить, эти милые люди?

Джип отшатнулась.

- Если ты любишь меня, почему ты обижаешь людей, которые тоже меня любят?

- Потому что я ревную. Я ревную тебя даже к твоим щенкам.

- Ты и их собираешься обижать?

- Если увижу, что они тебе очень дороги.

- Неужели ты думаешь, что я могу быть счастливой, когда ты обижаешь людей только потому, что они меня любят?

Впервые ее самые близкие друзья пришли к ней в новый дом!

Нет, это слишком!

Фьорсен проговорил хриплым голосом:

- Ты не любишь меня. Если бы ты меня любила, я бы почувствовал это по твоим губам. Я бы видел это в твоих глазах. О, люби меня, Джип! Ты должна любить меня!

Требовать любви, приставая с ножом к горлу, - это ли не верх вульгарности и тупости? Душа Джип все больше застывала. Если женщина ни в чем не отказывает тому, кого по-настоящему не любит, - это значит, что над домашним очагом новобрачных уже сгущаются тени. И Фьорсен понимал это; но умения владеть собой у него было меньше, чем даже у этих щенков.

В общем же, первые недели в новом доме были заполнены заботами и хлопотами, не оставлявшими времени для сомнений или печали. На май было назначено несколько серьезных концертов. Джип ждала их с огромным нетерпением и старательно устраняла все, что могло бы помешать Фьорсену готовиться к ним. И, словно стараясь возместить то, что не смогла отдать ему сердце - а это она всегда подсознательно ощущала, - Джип щедро отдавала ему в эти дни свою энергию и заботу. Она готова была аккомпанировать ему каждый день, с утра до вечера. Правда, утренние часы принадлежали ей - Фьорсен лежал в постели до одиннадцати и раньше полудня к занятиям не приступал. В эти ранние часы она делала заказы и выезжала за покупками - для многих женщин это единственный "спорт": тут все - и погоня за идеалом, и состязание во вкусе со всем остальным миром, и, разумеется, тайное желание сделать так, чтобы быть красивее других. Джип всегда отправлялась за покупками с каким-то нервным подъемом. Она терпеть не могла прикосновения чужих рук, но даже

это не портило ей удовольствия, которое она испытывала, стоя перед огромными зеркалами, без конца поворачиваясь то в одну, то в другую сторону и все время чувствуя, как продавщица дотрагивается до нее кончиками пальцев, накалывает булавки и без конца повторяет слово "мадам"...

Случалось, что по утрам она ездила верхом с отцом. Однажды после прогулки в Ричмонд-парке они позавтракали на веранде одной гостиницы. Прямо под ними несколько фруктовых деревьев еще стояли в цвету; солнце сверкало серебром на извилинах реки и золотило молодые, только что распутившиеся листья дубов. Уинтон курил сигару и смотрел через верхушки деревьев на реку; украдкой подняв на него глаза, Джип тихо сказала:

- Ты когда-нибудь ездил верхом с моей матерью, отец?

- Только однажды - как раз по той дороге, по которой мы ехали с тобой сегодня. Под ней была воронья кобыла. Я ехал на гнедом...

Значит, вон в той рожице на холме, через которую они проезжали утром, он спешил и стоял возле нее! Джип протянула к нему через стол руку.

- Расскажи мне о ней. Она была красива?

- Да,

- Брюнетка? Высокая?

- Очень похожа на тебя, Джип. Немного... немного... - Он не знал, как объяснить это различие... - Немножко больше, пожалуй, было в ней иностранного. Одна из ее бабушек была, ты знаешь, итальянка.

- Как ты полюбил ее? Внезапно?

- Так же внезапно... - он положил руку на перила террасы, - ...вот как этот солнечный луч лег сейчас на мои пальцы.

Джип сказала, словно про себя:

- Не знаю, понимаю ли я это... пока. А она тоже полюбила тебя с первого взгляда?

- Каждый верит в то, во что ему хочется верить... Но она говорила, что именно так и было.

- И долго это продолжалось?

- Всего один год.

- О, отец! Я не могу забыть, что это я убила ее... Я не могу примириться с этим,

Уинтон резко поднялся; испуганный дрозд замолчал в кустах. Джип продолжала сурово:

- Я не хочу иметь детей. И я не хочу... я не хочу так любить. Я боюсь этого.

Уинтон глядел на нее, сдвинув брови, думая о прошлом.

- Дорогая! - сказал он. - Это застает тебя врасплох - и ты уже любишь и ни о чем другом не можешь думать. Когда приходит любовь, ты радуешься, и неважно, убьет это тебя или нет.

Она вернулась домой еще до полудня. Торопливо приняла ванну, переоделась и побежала в студию. Стены ее были затянуты уиллсденовскими тканями; портьеры были серебристо-серого цвета; здесь же стоял диван, обитый серебристо-золотой тканью; камин был отделан ковальной медью. Вся комната сверкала золотом и серебром - исключение составляли только зеленый экран у рояля, великолепно расписанный павлиньими хвостами, и синяя персидская ваза с красными цветами разных оттенков.

Фьорсен стоял у окна и курил. Он не обернулся. Джип взяла его под руку.

- Прости меня. Но сейчас только половина первого. У него было такое лицо, словно весь мир нанес ему оскорбление.

- Как жаль, что тебе пришлось вернуться! Должно быть, приятно ездить верхом?

Разве ей не дозволено ездить на прогулку с отцом? Какая нелепая ревность, какой эгоизм! Не сказав ни слова, она села за рояль. Она не выносила несправедливости, к тому же от Фьорсена пахло вином. Пить по утрам - это отвратительно... ужасно! Она сидела за роялем и ждала. Вот таким он и будет, пока не прогонит своей игрой дурное настроение; а потом подойдет к ней и станет гладить ее плечи и касаться губами ее шеи. Нет, если он будет так себя вести, он не заставит ее полюбить себя. И у нее неожиданно вырвалось:

- Густав! Что такого я сделала? Что тебе не нравится?

- То, что у тебя есть отец.

Джип рассмеялась. Он был похож на обиженного ребенка. Быстро обернувшись, он прикрыл ей ладонью рот. Она взглянула на него. Ее сердце совершало сейчас "grand ecart" {Здесь - глубокий поворот (франц.)}, колеблясь между укорами совести и возмущением. Он опустил глаза под ее взглядом и убрал руку.

- Что ж, начнем? - сказала она.

- Нет! - ответил он глухо и вышел в сад.

Как случилось, что она приняла участие в этой ужасной, жалкой сцене! Она осталась сидеть у рояля, повторяя без конца один и тот же пассаж, не понимая даже, что играет.

ГЛАВА IV

До сих пор они еще не виделись с Росеком. Интересно, передал ли ему Фьорсен ее слова? Но Джип не спрашивала. Она уже убедилась, что муж говорит правду только тогда, когда ему это удобно и не может причинить неприятностей. Только на его суждения о музыке, об искусстве можно было вполне положиться; но и здесь, когда он бывал раздражен, бесцеремонность его суждений отталкивала и возмущала.

На первом же концерте она заметила Росека - он стоял по другую сторону прохода, на два ряда дальше их кресел. Он разговаривал с молодой девушкой; ее лицо казалось вылепленным из тонкого матового алебастра; круглые голубые глаза, устремленные на Росека, и слегка полуоткрытый рот придавали ей немного глуповатый вид. Глуповатым был и ее смех. И все-таки лицо ее было так красиво, волосы так пушисты и светлы, кожа так чиста и нежна, шея так бела и округла, а осанка так безупречна, что Джип с трудом оторвала от нее взгляд. Она сидела одна, страстно желая снова вызвать в себе те чувства, которые нахлынули на нее тогда, в Висбадене. Она испытывала какое-то торжество при мысли, что и она тоже помогала ему создавать эти звуки, заставляющие трепетать сердца столь многих слушателей. Забыв обо всем на свете, она сидела тихая и кроткая.

Фьорсен выглядел ужасно - как, впрочем, всегда, когда впервые появлялся на эстраде, - холодный, настороженный, уклончивый, вызывающий; отвернувшись в сторону, он длинными пальцами подкручивал колки, пробовал струны. Висбаден? Нет. Это совсем не похоже на Висбаден! Когда он заиграл, душевный подъем, которого она ожидала, не повторился. Теперь она слишком часто слушала его игру, хорошо знала, как он создает эти звуки; знала, что их огонь, сладость, благородство порождены его пальцами, слухом и мозгом - но не душой. Волны этих звуков уже не уносили ее в новые миры, она не слышала в них звона колокола на рассвете, не видела павшую на землю предвечернюю росу, не ощущала свежести ветра и жара

солнечных лучей. Романтика и экстаз не возвращались. Она тревожно ждала неудавшихся ему мест, пассажей, над которыми бился он и вместе с ним трудилась она: мешали воспоминания о его капризной раздражительности, о приступах мрачного настроения, о неожиданных ласках. Вдруг она поймала его взгляд. Он был такой же, как в Висбадене, и... уже не такой. В нем не было обожания. И она подумала: "Моя ли здесь вина? Или причина в том, что теперь он может делать со мной все, что захочет?" Еще одно разочарование, пожалуй, самое сильное! Но вот раздались аплодисменты, и она вспыхнула от удовольствия и снова растворилась в его торжестве. В антракте она пошла в артистическую. Он спускался по лестнице после последнего вызова; выражение презрительной скуки исчезло с его лица, он взял ее руку и поднес к губам. Она прошептала:

- Прекрасно!

Он спросил тоже шепотом:

- Ты любишь меня, Джип?

Она кивнула. В это мгновение она верила тому, что сказала. К ним стали подходить знакомые; среди них был ее старый учитель музыки мосье Армо. Бросив Фьорсену "Merveilleux, tres fort" {Прекрасно, очень искусно! (франц.)}, он повернулся к нему спиной и заговорил с Джип.

Итак, она вышла замуж за Фьорсена! Невероятно, просто невероятно! И, как бы это сказать... немного забавно, не правда ли? Это повредит ее занятиям музыкой - очень, очень жаль! Нет? Тогда ей надо прийти к нему, да, прийти снова! Разговаривая, старик все похлопывал ее по руке, словно играл на рояле, как бы проверяя крепость ее пальцев и раздумывая о том, допустит ли она, чтобы они окончательно испортились. Похоже было на то, что ему и впрямь недоставало старой ученицы и он рад снова с ней встретиться; а Джип никогда не могла устоять перед участием и вниманием к ней. Подходили все новые люди. Она увидела Росека, разговаривающего о чем-то с ее мужем, и алебастровую девушку с полуоткрытым ртом, которая молча стояла рядом, уставившись на Фьорсена. Безупречная фигура, разве что чуть коротковатая; похожа на голубку; прекрасно очерченные полуоткрытые губы, которые словно просят, чтоб в них положили леденец. Ей не больше девятнадцати. Но кто она такая?

Вдруг она услышала:

- Как поживаете, миссис Фьорсен? Я счастлив, что наконец вижу вас снова.

Даже если Густав передал ему ее слова, все равно этот Росек, с его вечной маской на лице, ничем себя не выдаст; вкрадчивость, настороженное спокойствие, льстивая речь. Что ей в нем так не нравится? Джип обладала острым чутьем и врожденной проницательностью, "щупальца" ее чувств были слишком тонки, их нельзя было обмануть.

Следуя за взглядом Росека, она увидела мужа, разговаривающего с девушкой; губы ее сейчас совсем раскрылись в ожидании леденца.

- Любуетесь этой маленькой танцовщицей, мадам? Ее зовут Дафна Уинг. О, она создаст себе имя! Летающая голубка!

- Да, она очень мила, представляю себе, как она чудесна в танце.

- Приходите как-нибудь посмотреть ее. Она еще только готовится к своему debut {Первому выступлению на сцене (франц.)}.

Джип ответила:

- Благодарю вас.

Но про себя подумала: "Не хочу иметь с тобой ничего общего! И почему я не сказала, что ненавижу балет?"

Раздался звонок, и посетители стали поспешно расходиться. К ним подошла девушка.

- Мисс Дафна Уинг - миссис Фьорсен.

Джип с улыбкой протянула руку. Мисс Дафна Уинг тоже улыбнулась и сказала с интонацией ученицы, над произношением которой тщательно работали:

- О, миссис Фьорсен, как прекрасно играет ваш муж, правда?

Услышав этот тщательный выговор, который сочетался к тому же с каким-то недостатком речи, Джип почувствовала к ней жалость, - словно к прелестному цветку, пораженному болезнью. Кивнув ей, она повернулась к Фьорсену, который дожидался выхода на сцену. На кого он смотрит: на нее или на эту девушку? В фойе Росек сказал:

- Приходите сегодня ко мне с Густавом. Она будет танцевать для вас. Она восхищена вами, мадам.

Джип очень хотелось ответить просто и грубо: "Я не хочу идти к вам". Но она только проговорила:

- Спасибо. Я спрошу Густава.

Вернувшись на место, она отерла щеку, которой коснулось дыхание Росека. Выступала теперь молодая певица; такие девушки всегда очень нравились Джип: голубые глаза, рыжевато-золотистые волосы - полная противоположность ей самой; исполнялась песня "Хижина на Юре" - своеобразное излияние сердца, разбитого любовью:

И солнце погасло в сердце моем...

Джип затрепетала: что-то откликнулось в ее душе на эти слова. Отец говорил: "Это захватывает тебя внезапно, и ты уже любишь". Нет! Она сама плод такой любви, но она не хочет так любить!

Певица кончила петь. Раздались жидкие аплодисменты. А ведь девушка прекрасно исполнила одну из самых чудесных песен на свете! Или она слишком трагична, печальна, трудна для понимания, недостаточно изысканна? Джип стало жаль певицу. Ей захотелось незаметно уйти.

Но у нее не хватило смелости - придется вытерпеть этот вечер у Росека. Что ж, она по своей доброй воле выбрала эту жизнь, в которой она никогда не обретет ни надежной гавани, ни родного дома. Она сама согласилась, что " бы ее посадили в клетку.

Когда они ехали к Росеку, она скрыла от Фьорсена головную боль и подавленное настроение. А он снова был похож на выпущенного на волю школьника - возбужденный аплодисментами, он передразнивал ее старого учителя, своих обезумевших от восторга обожательниц, Росека, молоденькую танцовщицу с полуоткрытым ртом. Он обнял Джип, привлек ее к себе и стал вдыхать запах ее кожи, словно нюхая цветок.

Росек занимал второй этаж старинного особняка на Рассел-сквер. В доме стоял запах не то ладана, не то каких-то других курений. На стенах темного холла горели электрические лампы в алебастровых сосудах, вывезенных, должно быть, с Востока. То было святилище коллекционера. У хозяина было явное пристрастие к черному - стены, диваны, рамы картин, даже изразцы были черного цвета, всюду тусклое мерцание золота, слоновой кости, мозаики. На круглом черном столе стояла золотая ваза с бархатистыми веточками вербы и лунника, на черной стене выделялась вырезанная из слоновой кости маска фавна; в темной нише стояла серебряная статуэтка танцующей девушки. Все это было красиво, но все - какое-то мертвенное. И

Джип, чуткая к красоте, любившая все новое, затосковала по воздуху и солнечному свету. Она подошла к одному из окон с черными портьерами и с облегчением увидела заходящее солнце, освещающее последними лучами деревья Сквер-гарден. Ее представили мистеру и миссис Гэллант; он был смуглый мужчина, с лицом циника и умными, недобрыми глазами; она - цветущая, пышная, с алчными голубыми глазами. Маленькая танцовщица, как сообщил им Росек, отправилась переодеваться "ни во что".

Он повел Джип осматривать его сокровища: скарабеи, гравюры Ропса {Ропс, Фелисьен (1833-1898), бельгийский художник-декадент.}, посмертные маски, китайские картины, забавные старинные флейты; он показывал все это с таким видом, словно только она и может оценить по достоинству эти сокровища. Инстинктивно она страшилась утонченной порочности этого дома, где все приносилось в жертву изощренному вкусу. Она впервые заглянула в жизнь раззолоченной богемы, из которой, однако, были изгнаны душевная щедрость, elans {Порывы (франц.)}, споры, свойственные подлинной богеме, - здесь была сфера, в которой вращались только высшие ее жрецы. Но, глядя на Джип, никто бы не сказал, что нервы ее взвинчены до предела, словно она прикоснулась к трупу. Показывая ей алебастровые сосуды, Росек осторожно положил свою руку на ее запястье и пальцами, мягкими, как лапа кота, погладил ее руку, потом поцеловал ее. Technique! {Техника! (франц.)} Джип с трудом удержала смех. Он заметил это. Бросив на нее взгляд, он провел рукой по лицу - и вдруг! оно сразу стало прежним, невозмутимым и ничего не выражающим. Жалкий человек!

Когда они вернулись в "салон", как называли ту комнату, мисс Дафна Уинг в черном кимоно, в котором ее лицо и руки еще больше напоминали алебастр, сидела на диване рядом с Фьорсеном. Она сразу же вскочила и подбежала к Джип.

- О, миссис Фьорсен! - Почему-то все, что она говорила, начиналось с этого "о!" - Не правда ли, это прелестная комната? Она создана для танца. Я захватила только кремовый и красный костюмы - они так подойдут к черному.

Она распахнула кимоно, чтобы Джип могла рассмотреть ее одеяние кремовую, охваченную поясом тунику, и рот ее приоткрылся, словно она ожидала в награду леденец.

- Я немного боюсь графа Росека, - сказала она.

- Почему же?

- О, он очень строгий критик. И такой ловкий - подходит к тебе, не услышишь. Я убеждена, что ваш муж играет чудесно. О, миссис Фьорсен, вы красивы, правда? Что вы хотели бы увидеть из моих танцев в первую очередь? Может быть, вальс Шопена?

- Я люблю Шопена.

- Тогда я буду танцевать вальс. Только то, что вам нравится, потому что я восхищена вами и чувствую, что вы ужасно милая. О да, я это вижу! И ваш муж ужасно в вас влюблен. Знаете, я училась пять лет, но еще никогда не выступала. А теперь граф Росек обещает поддержать меня, и я надеюсь, что скоро у меня будет дебют. Вы придете на мой первый концерт? Мама говорит, что мне надо быть ужасно осторожной. Она позволила мне прийти сюда сегодня только потому, что здесь будете вы. Хотите, я начну?

Она подбежала к Росеку.

- О, миссис Фьорсен хочет, чтобы я начала; вальс Шопена, пожалуйста. Тот, который играет так...

Джип села рядом с Фьорсеном, а Росек начал играть, не сводя глаз с девушки. На губах его, обычно сжатых, появилась слащавая улыбка. Мисс Дафна Уинг застыла, прижав к груди кончики пальцев, - статуэтка из черного дерева и воска. Она сбросила черное кимоно, и Джип вздрогнула от волнения. Она умеет танцевать, эта маленькая вульгарная девочка! В каждом плавном движении ее гибких рук и ног чувствовалось упоение и восторг прирожденного таланта, отшлифованного хорошей школой. "Летящая голубка!" С лица ее уже исчезло глуповатое выражение; вернее, глуповатость вдруг стала одухотворенной; ее взгляд уже не был растерянным, а словно устремлялся ввысь, как того требует танец. У Джип выступили на глазах слезы. Это было чудесно - словно и вправду голубка, грудью встретив ветер, взмахнула откинутыми назад крыльями и застыла в воздухе.

Когда, окончив танец, девушка подошла и села рядом с Джип, та сжала ее горячую руку; но ласка эта относилась к ее искусству, а не к этому маленькому разгоряченному созданию с полуоткрытым ртом, готовым проглотить леденец.

- О, вам понравилось? Я так рада. Теперь я пойду и надену красный костюм, хорошо?

Как только она ушла, все начали обсуждать ее танец. Мрачному и циничному Гэлланту он напомнил некую Наперковскую, которую он видел когда-то в Москве; но у той было больше огня! Обязательно Дафне Уинг надо добавить немного страсти. Ей нужна любовь! Любовь!

Джип вдруг показалось, что она снова сидит в концертном зале и слушает другую девушку, поющую о разбитом сердце.

Твой поцелуй, как речная трава,
Хранящая свежесть прохладной струи...

Любовь? В этом вертепе - с головами фавнов, мягкими диванными подушками, серебряными статуэтками? Любовь? Она вдруг почувствовала себя глубоко униженной. Кто такая она сама, как не игрушка для мужской страсти? А ее дом - разве он не такой же, как этот?

Вернулась Дафна Уинг. Когда девушка снова начала танцевать, Джип взглянула на мужа. Его лицо!.. Но возможно ли? Вот она видит, как он взволнован и возбужден, а ей... ей это безразлично! Если бы она его любила по-настоящему, ее оскорбило бы это, но она еще могла бы его понять, может быть, простить. Теперь же у нее не было желания ни понимать, ни прощать.

Ночью она прошептала:

- Тебе не хотелось бы, чтобы я была той девушкой?

- Той девушкой! Я мог бы проглотить ее залпом. А тебя, Джип, я хочу пить вечно!

Правда ли это? Если бы она его любила, как сладко было бы это слышать!

ГЛАВА V

С тех пор Джип с каждым днем все ближе соприкасалась с миром "высшей" богемы - этим занятым и пестрым слоем общества, окружающим людей театра, музыки, поэзии. Она понимала, что совершенно чужда этому миру, и, правду сказать, так же относился к этим людям и Фьорсен: сам он был представителем настоящей богемы и поэтому высмеивал образ жизни Гэллантов и Росеков, как высмеивал Уинтона и тетушку Розамунду вместе с их окружением. Замужество все больше отгораживало Джип от старой,

ортодоксальной аристократической среды, которую она только и знала до этого, но к которой себя не причисляла, особенно после того, как узнала тайну своего рождения. Она была слишком впечатлительна и слишком разборчива, чтобы мириться с рутинной раз навсегда заведенного распорядка жизни и внешней благопристойности: правда, по собственному почину она едва ли вышла бы из этого круга. Она оторвалась от этих корней, но не смогла пустить другие на новой почве; к тому же у них с мужем так и не возникло духовной близости; и она все чаще чувствовала себя одинокой. Единственными счастливыми часами были для нее те, которые она проводила с Уинтоном или за роялем. Джип непрерывно спрашивала себя: что она сделала со своей жизнью? И мучительно старалась найти какую-то глубокую и разумную причину, которая толкнула ее на этот шаг. Но чем больше она томилась и тосковала, тем все больше росли ее растерянность и болезненное сознание, что она в клетке. Позднее пришло к ней другое, более определенное недомогание.

Много времени она проводила в саду. Цвет на деревьях уже облетел, сирень тоже отцвела, распускаясь акация, замолкли дрозды.

Уинтон после тщательного наблюдения установил, что между половиной четвертого и шестью он едва ли мог наткнуться на зятя, и он приходил почти ежедневно выпить чашку чая и выкурить на лужайке сигару. Здесь он сидел вместе с Джип и теперь, когда Бетти подала карточку. На ней было напечатано: "Мисс Дафна Уинг".

- Проводи ее сюда, пожалуйста, Бетти, и подай свежего чаю и побольше поджаренного хлеба с маслом. И шоколада и других сладостей, Бетти, милочка!

Бетти удалилась с тем восторженным выражением, которое появлялось у нее на лице, когда ее называли "милочкой". Джип сказала отцу:

- Это та маленькая танцовщица, я о ней говорила тебе. Ты сейчас увидишь ее, она совершенство. На ней будет обычное платье. Как жаль!

На Дафне Уинг было платье цвета слоновой кости, отделанное ярко-зеленым шифоном, с кушаком из крошечных листочков; на голове - веночек, тоже из зеленых листьев. Она походила на нимфу, выглядывающую из увитой плющом беседки. Все это выглядело

немного кричащим, но сама она была очаровательна и никакое платье не могло скрыть красоты ее фигуры. Она казалась явно смущенной.

- О миссис Фьорсен, я думаю, вы не против моего прихода. Мне так хотелось снова повидать вас. Граф Росек сказал, что можно. С моим дебютом все уже устроено. О, как вы поживаете?

Глаза ее округлились, рот приоткрылся, и она опустилась на стул, пододвинутый ей Уинтоном. Джип заметила выражение его лица и рассмеялась. Отец - и... Дафна Уинг!

- Вы танцевали - с тех пор у графа Росека?

- О, да, да! Разве вы... Разве вы не... О, да, разумеется!

У Джип промелькнула мысль: "Значит, Густав бывал на ее танцах и ничего мне не говорил!"

- Ну, конечно! - тут же сказала она. - Я и забыла. Где же ваш дебют?

- В пятницу в "Октагоне". Это блестяще, правда? Они подписали со мной хороший контракт! Я так хочу, чтобы вы и мистер Фьорсен пришли!

- Конечно, мы придем. Мой отец тоже любит танцевальное искусство. Правда, отец?

- Когда оно хорошее, - учтиво ответил Уинтон.

- О, мои танцы хороши! Правда, миссис Фьорсен? Я хочу сказать... я упражняюсь с тринадцати лет, вы ведь знаете! Я просто обожаю танцы. Я думаю, вы танцевали бы великолепно, миссис Фьорсен. У вас такая, безукоризненная фигура. Я просто люблю вашу походку.

Джип покраснела.

- Возьмите эту конфету, мисс Уинг, там внутри - малина.

Маленькая танцовщица положила конфету в рот.

- О, пожалуйста, не называйте меня мисс Уинг! Зовите меня Дафна. Мистер Фьор... все зовут меня так!

Чувствуя на себе взгляд отца, Джип пробормотала:

- Дафна - прелестное имя. Хотите еще конфету? Это абрикосовая.

-- Они великолепны! Знаете, я буду танцевать первый танец в платье померанцевого цвета. Мистер Фьорсен предложил это. Но я думаю, он говорил вам? Может быть, это вы и придумали, да?

Джип покачала головой.

- Граф Росек говорит, что все ждут моего дебюта...

Она замолчала. Рот ее был полуоткрыт, словно в ожидании новой конфеты.

- Как вы думаете, моих танцев действительно так все ждут?

- Надеюсь, что да, - сказала Джип.

- Граф Росек говорит, что во мне есть что-то оригинальное. Как приятно, если это так! Ведь у него прекрасный вкус. И у мистера Фьорсена тоже, не правда ли?

Видя, с каким ожесточением попыхивает своей сигарой отец, Джип только кивнула.

Маленькая танцовщица отправила в рот конфету.

- Еще бы, он ведь женился на вас!

Заметив, наконец, что Уинтон не сводит с нее глаз, Дафна Уинг сконфузилась и пролепетала:

- О, здесь чудесно, - прямо как в деревне! Боюсь, что мне пора. Как раз время репетиции. Ведь мне так важно не пропускать теперь ни одной репетиции, не правда ли?

Она поднялась, Уинтон тоже встал. Глаза Дафны Уинг совсем округлились, когда она увидела его неподвижную руку, голос, и без того тихий, словно угас.

- О, я так надеюсь... - Остальное не было слышно.

Джип сидела неподвижно. Среди цветов гудели пчелы, над деревьями летали голуби. Солнце грело ее колени и ноги сквозь ажурные чулки. Смех горничной, ворчание играющих на кухне щенков - все это доносилось в сад, сливаясь с далекими возгласами проходящего по дороге молочника. Все вокруг было очень мирно. Но в сердце ее зрело какое-то ранее неизведанное ощущение. Сейчас она уже знала, что муж не откровенен с ней; но это пришло вслед за другим открытием, сделанным еще раньше. Она когда-то говорила Уинтону, что не хочет иметь ребенка. Ее появление на свет было причиной смерти матери, и мысль о ребенке вызывала в ней инстинктивное отвращение. Теперь она уже знает твердо, что у нее будет? ребенок. И так же твердо знает, что никогда не будет у нее духовной близости с мужем, а ведь только это могло сделать для нее мысль о материнстве радостной. Она просто попала в ту сеть, которую сама себе расставила, когда совершила эту нелепую ошибку. Несколько месяцев замужества - и ей уже ясно, что ошибку не исправить и на будущее надежды нет. Но потребовался еще и этот

жестокий удар, чтобы ее растерянная, мятущаяся душа окончательно познала всю правду. Тяжко переживать разочарование, особенно если это - разочарование и в себе и в другом человеке. Она так стремилась... к чему? Спасти Фьорсена от него самого... Смешно! Она только потеряла себя. Она и сейчас живет, как в тюрьме, а с ребенком и вовсе будет скована по рукам и ногам. Некоторых женщин мысль о неизбежном материнстве успокаивает, но Джип была прямой противоположностью таким женщинам. Малейшее ощущение, что ей что-то навязывается насильно, всегда только пробуждало в ней дух противоречия.

Голуби ворковали, солнце грело ее ноги, а она переживала самые горькие минуты своей жизни - самые горькие... пока! Но ей поможет ее гордость! Никто ничего не узнает - не узнает и отец, который с таким отчаянием предостерегал ее! Что посеешь, то и пожнешь!

Вернулся Уинтон.

- Я не нашел в ней особого обаяния. Джип, - сказал он.

- А разве ее лицо не прелестно?

- Оно вульгарно.

- Да, но этого не замечаешь, когда она танцует.

Уинтон взглянул на нее из-под полуопущенных век.

- Что думает о ней Фьорсен?

- А разве он думает о ней? Я не знаю...

По его настороженному лицу она почувствовала, как он обеспокоен.

- Дафна Уинг! Боже милостивый!

В этих словах выразилось все его раздражение и тревога. Его дочери приходится опасаться подобной особы!..

Он ушел, а Джип просидела в саду до самого заката солнца. Уже чувствовалась сырость, а на ней было легкое платье. Когда-то говорили, что счастье можно обрести единственным способом: делать счастливыми других. Что ж, она попробует. Вот Бетти, грузная, с распухшими от ревматизма ногами, разве она когда-либо думает о себе? Или тетушка Розамунда, которая вечно подбирает на улице бродячих собак, помогает бедным музыкантам?

А отец, он светский человек, но разве он не был добр к солдатам своего полка? Да и о ней самой он постоянно заботится, всячески стараясь доставить ей удовольствие. Любить людей, приносить им

счастье! Возможно ли это? Людей любить трудно - не то что птиц, животных или цветы, с теми как-то проще и легче.

Она поднялась наверх и стада переодеваться к обеду. Какое платье ему больше понравится? Палевое с низким вырезом или это белое, мягкое, отделанное кофейного цвета кружевами? Она выбрала второе. Внимательно вглядываясь в свое отражение в зеркале, она содрогнулась. Скоро она станет другой - похожей на всех этих женщин, которые удивляли ее тем, что смело появлялись на людях в таком положении. Почему надо становиться некрасивой, чтобы произвести на свет новое живое существо? Некоторые женщины даже как бы гордятся этим. Нет, она ни за что не решится показаться кому-либо на глаза!

Кончив переодеваться, она спустилась вниз. Фьорсен еще не возвращался. Она с облегчением отошла от окна и отправилась в столовую. Пообедав вместе с обоими щенками, она отослала их и села за рояль. Бетти, питавшая слабость к Шопену, уселась у двери, которая вела в задние комнаты; она любовалась "своей красавицей"; Джип была очаровательна в этом платье, озаренная огоньками свеч, рядом с красивыми, дивно пахнущими лилиями. Одной из горничных, которая подошла слишком близко, Бетти сделала знак отойти.

Было уже поздно. Девушки ушли спать. Джип давно перестала играть и, стоя у окна, глядела в темноту. На дворе было тепло, от садовой ограды доносился запах жасмина, на небе - ни звездочки. Ей всегда казалось, что над Лондоном мало звезд. Какой-то шум заставил ее обернуться. Высокая фигура обрисовалась в темноте на фоне открытой двери. Она испуганно окликнула:

- Это ты, Густав?

Он пробормотал что-то, она не смогла разобрать. Поспешно закрыв дверь на балкон, она подошла к нему. Свет из передней упал сбоку на его лицо. Оно было бледно, глаза странно блестели, рукав выпачкан. Он невнятно проговорил:

- Маленькое привидение!

Впервые в жизни Джип столкнулась лицом к лицу с пьяным человеком. Как это ужасно: вдруг кто-нибудь увидит! Она хотела броситься в переднюю и запереть дверь во внутренние комнаты, но он схватил ее за плечо. Она замерла на месте, боясь, что он упадет и в доме услышат. Вот он уцепился за другое ее плечо и стоит, опираясь

на нее всем телом. Она не возмущалась, она думала только об одном: "Что делать? Как отвести его наверх, чтобы никто не знал?" Она взглянула прямо ему в лицо - оно вдруг растрогало ее: блестящие глаза, пугающая бледность. И она сказала ласково:

- Ничего. Ничего. Обопрись на меня - мы поднимемся наверх.

Она не чувствовала отвращения, все вытеснила мучительная жалость. Обхватив его за талию, она двинулась вместе с ним к лестнице. Только бы никто не услышал! Только бы незаметно втощить его наверх!

- Не разговаривай, опирайся на меня! - прошептала она.

Он и сам, видимо, всячески старался и двигался вперед, выпятив губы; выражение его лица было бы смешным, если бы все не было таким трагичным.

Поддерживая его из всех сил, она начала подниматься по ступенькам. Это оказалось легче, чем она думала. Через площадку... к спальне - и опасность миновала! Все! Он лежит поперек кровати, дверь заперта. Только сейчас она почувствовала, что все ее тело дрожит, и слышала, как стучат ее зубы. Она мельком взглянула на себя в большое зеркало. Красивые кружева на платье были оборваны, на плечах, за которые он хватался, стараясь сохранить равновесие, остались красные пятна от его пальцев. Она накинула халат и подошла к нему. Он лежал в каком-то оцепенении, и ей стоило немалого труда заставить его сесть и опереться на спинку кровати. Она ломала себе голову; что бы ему дать? Нюхательной соли? Наверно, это годится... Уложив его наконец в постель, она долго вглядывалась в его лицо. Глаза у него были закрыты - он не увидит, если ее вдруг охватит приступ слабости. Но она не станет плакать! Ей ничего не остается, как лечь самой. Она разделась и погасила свет. Он спал, тяжело и шумно дыша. Глядя в темноту, Джип усмехалась. Она вспоминала всех этих молодых жен, которые на страницах романов, краснея от смущения и трепеща, шепчут на ухо молодым мужьям, что они "хотят сообщить им что-то... такое!"

ГЛАВА VI

Когда на рассвете она посмотрела на Фьорсена, погруженного в тяжелый сон, первой ее мыслью было: "У него тот же вид, что вчера". И вдруг ей подумалось: странно, что она не испытала да и сейчас не испытывает отвращения. Новое открытие - беспутное поведение мужа

- она приняла без озлобления. Кроме того, она давно уже знала об этом его свойстве: он не умеет пить коньяк так, чтобы не было заметно.

Она осторожно встала, собрала его одежду, брошенную на стул, взяла ботинки и унесла в туалетную комнату. Там, в едва пробивающемся свете дня, она принялась все это чистить. Потом бесшумно прокралась к кровати, взяла иголку с ниткой и стала пришивать оторванные кружева к своему платью. Никто не должен ничего знать, даже он сам. Она на время даже забыла о том, другом, ужасно важном. Но вот оно снова - неожиданное, вызывающее тошноту. Пока она сможет держать это в тайне, никто не узнает - и самым последним узнает он!

Утро прошло как обычно; но когда в полдень она явилась в студию, его там не было. Она уже садилась за завтрак, когда горничная вошла и доложила:

- Граф Росек.

Джип поднялась в замешательстве.

- Скажите, что мистера Фьорсена нет дома. Но... но спросите у гостя: не желает ли он позавтракать? И принесите бутылку белого вина.

В короткие секунды до появления Росека у нее было ощущение человека, вступающего в загон, где пасется бык.

Даже самый суровый критик не мог бы обвинить Росека в недостатке такта. Он надеялся увидеться с Густавом; и это было очаровательно с ее стороны пригласить его позавтракать.

Он, кажется, отказался от корсета, да и вид у него был не такой наглый. Лицо у него слегка загорело, словно он много дней провел на воздухе и солнце. Разговаривал он без циничных полунамеков, отозвался с похвалой о ее "чудесном доме" и проявил горячность в суждениях об искусстве и музыке. Сейчас он был ей меньше противен. После завтрака они прошли через сад в студию, и он сел за рояль. У него было плубокое, ласкающее туше, которое обычно свидетельствует о стальных пальцах и истинной страсти к чистому тону. Джип села на диван. Здесь он не видел ее лица, а сама она могла внимательно его разглядывать. Он играл "Детские сцены" Шумана.

Может ли человек, создающий такие идиллические звуки, иметь дурные намерения? И неожиданно она сказала:

- Граф Росек!

- Мадам?

- Скажите, зачем вы вчера послали сюда Дафну Уинг?

- Я?!

- Да.

Он повернулся на табурете и уставился на нее широко открытыми глазами.

- Раз уж вы меня спрашиваете... Я полагаю, вам известно, что Густав довольно часто встречается с ней?

Он дал тот самый ответ, который она предугадывала.

- А почему я должна возражать против этого? Он встал и сказал тихо:

- Очень рад, что вы не возражаете.

- Почему рады?

Она тоже поднялась. Хотя он был почти одного с ней роста, она чувствовала, какие крепкие мышцы скрываются под его щегольским костюмом и какая змеиная сила таится в нем. У нее забилося сердце.

Он сделал шаг к ней.

- Я счастлив, что вы понимаете... что с Густавом все... покончено...

Он осекся, почувствовав, что допустил оплошность, хотя не понимал, какую.. Джип только улыбалась. Его щеки окрасились слабым румянцем.

- Густав - вулкан, который скоро потухнет. Уверяю вас, я его хорошо знаю. Вам бы тоже следовало знать его лучше.

- Почему?

Он ответил сквозь зубы:

- Чтобы не тратить попусту время. Вас ждет другая любовь.

Джип снова улыбнулась.

- Так это из любви ко мне вы напоили его вчера!

- Джип! - Она сделала шаг вперед, но он стоял между ней и дверью. - Вы никогда не любили его. И это оправдывает меня. Вы уже так отдали ему слишком много - больше, чем он заслуживает. Боже мой! Вы измучили меня... Я просто одержим...

Он вдруг сильно побледнел, на лице его, казалось, остались одни горящие глаза. Ей стало жутко, но именно поэтому она вполне овладела собой. Выбежать через боковую дверь, ведущую в переулок?

Похоже было на то, что он собирается сломить ее сопротивление силой своего взгляда, словно гипнотизер, угадавший, что его боятся.

Шагнул он или ей только показалось, но он приближался к ней. Ее охватило омерзение, словно его руки уже коснулись ее.

Она отвела взгляд, и вдруг ей в глаза бросились его вьющиеся волосы. Конечно, ну, конечно же, они были завиты щипцами! И почти неслышно с ее губ сорвались слова:

- *Technique merveilleuse!* {Великолепная техника! (франц.)}

У него забегали глаза и отвисла губа. Джип пересекла комнату и положила руку на звонок. Страх как не бывало. Росек без единого слова повернулся и вышел в сад. Она молча смотрела, как он шел по дорожке. Она уничтожила его тем оружием, против которого не устоит даже самая неистовая страсть, оружием смеха. Но как могло случиться, что она по-настоящему испугалась, чуть не отступила в этой схватке, чуть не подпала под власть этого человека - в своем собственном доме, где рядом прислуга!

В саду на нее пахнуло первым теплым дыханием лета. Середина июня! Дремотный воздух полон жужжания насекомых и аромата.

Джип села в тени. Щенки принялись кататься по траве и визжать, а она все пыталась найти какой-либо смысл в своем маленьком мире, хоть какую-нибудь защиту для себя. Ей казалось, что вокруг все окутано горячей, тяжелой мглой, в которой притаилось что-то страшное; гордость и воля - вот что поможет ей не выдавать никому своего страха.

Выйдя в то утро из дому, Фьорсен долго шел пешком, пока ему не встретилось такси. Откинувшись на спинку сиденья, он снял шляпу и велел ехать побыстрее - куда глаза глядят! Он привык так делать, когда у него бывало плохое настроение. Быстрая езда успокаивала. А сегодня ему особенно необходимо было успокоиться. Проснуться в своей собственной кровати и даже не помнить, как ты туда попал! Это было для него не ново, как и для многих двадцативосьмилетних мужчин; но после женитьбы это случилось впервые. Если бы он совсем ничего не помнил, было бы легче. Но он смутно припоминал темную гостиную и рядом с собой Джип, похожую на привидение. Почему-то все это его очень пугало. А уж если он трусит, как многие другие, значит, дело его плохо.

Будь она похожа на других женщин, с которыми он испытал утехи любви, он не чувствовал бы такого гнетущего унижения. Будь она похожа на них, он уже давно бы "покончил" с ней, как выражается Росек. Но он хорошо знал, что не "покончит". Он может напиваться, может вести распутный образ жизни, но Джип приросла к его сердцу. В ее покорности - ее сила, тайна ее притягательной власти. Он уже знал в ней эту непонятную для него врожденную чувствительность; и если Джип даже и уступает его пылкой страсти, она все равно как бы остается в стороне, со своей слабой, неуловимой улыбкой. Такой непостижимой улыбкой днем и ночью улыбаются леса и поля; она проглядывает в кротком, трепетном равнодушии цветов, деревьев, потоков, скал, птичьего пения, всего этого вечного движения природы под солнцем или при свете луны.

Ее темные, мягко улыбающиеся глаза притягивали его, вызывали неутолимую жажду. Он был из тех людей, которые, встретившись со сложными душевными переживаниями, сразу отшатываются от них, ищут успокоения, стараются всякими безрассудными поступками залечить рану, нанесенную их эгоизму; словом, это был испорченный ребенок, капризный и в то же время не лишенный возвышенных порывов, порой отталкивающий, порой чем-то привлекательный, как и все подобные люди. Он пожелал достать луну, и вот он получил ее, а теперь не знает, что с ней делать; он все еще хватается за нее, но чувствует, что она отдаляется все больше и больше. Неудача, которую он потерпел в своих попытках слиться с ней духовно, доводила его до безумия. Только работа еще как-то помогала ему управлять собой. Работал он много и упорно; но и здесь уже чего-то не хватало.

У него было все для того, чтобы достигнуть совершенства, - все, кроме моральной устойчивости, которая только одна могла принести ему заслуженное, как он полагал, превосходство над другими. Часто он удивлялся и раздражался, когда узнавал, что кто-нибудь из его сверстников добивался больших успехов, чем он.

Сидя в такси, он размышлял: "Может быть, я позволил себе ночью что-нибудь такое, что по-настоящему возмутило ее? Почему я не дождался ее и не узнал обо всем - пусть даже самом худшем?" Он криво усмехнулся: узнавать о худшем он не очень-то любил. Мысли его в поисках козла отпущения обратились к Росеку. Как у всякого увлекающегося женщинами себялюбца, у Фьорсена было мало друзей.

Росек был самым постоянным. Но и Роеека Фьорсен презирал и одновременно боялся: люди слабовольные, но большого таланта, всегда так относятся к людям менее талантливым, но обладающим большой силой воли. Фьорсен обращался с Росеком, как капризный ребенок с нянькой; но он не мог обойтись без него, мецената с туго набитым кошельком.

"Проклятый Поль! - думал он. - Он должен был знать да и знает, что его коньяк пьешь легко, как воду. Он видел, что я пьянею. Не иначе как у него было что-то на уме. Куда я пошел потом? Как добрался до дома? Неужели я обидел Джип?.. Если слуги были при этом - это могло ужасно огорчить ее!" Он почувствовал новый приступ страха. Он не знает ее, никогда не знал, что она думает и чувствует, он вообще ничего не знает о ней. Это несправедливо! Сам он не утаивал ничего. Он открыт для нее как божий свет - пожалуйста, смотри! Что же все-таки он натворил вчера? Горничная глядела на него утром как-то странно... И вдруг он приказал шоферу:

- Бэри-стрит, Сент-Джеймс!

На всякий случай надо узнать, не уехала ли Джип к отцу. Пока машина добиралась до этой маленькой улицы, он несколько раз менял свое намерение. Легкий пот выступил у него на лбу, когда он позвонил и ждал, пока отворят дверь.

- Миссис Фьорсен здесь?

- Нет, сэр.

- И не приезжала сегодня утром?

- Нет, сэр.

Он не подумал о том, что надо было как-то объяснить свой приезд, снова сел в машину и велел шоферу ехать на Керзон-стрит. Если ее нет и у "этой тетки Розамунды", тогда все в порядке: больше ей быть не у кого. У тетки ее не оказалось. Он облегченно вздохнул и стал думать о том, как бы позавтракать. Пожалуй, надо заехать к Росеку, занять у него денег для уплаты шоферу и заодно подкрепиться. Но Росека тоже не было. Пришлось ехать домой, чтобы там уплатить за такси. Шофер посматривал как-то искоса, словно догадываясь о его затруднениях.

У ограды своего дома он встретил человека с большим конвертом в руке.

Джип сидела в своем кабинете и перелистывала корешки чековой книжки. Она не обернулась.

- Я могу позавтракать? - спросил он.

Она протянула руку к звонку и позвонила. Ему стало жаль ее. Он уже готов был обнять ее и крикнуть: "Прости меня, Джип, я страшно виноват!" Но в эту минуту на звонок явилась Бетти.

- Пожалуйста, подайте завтрак мистеру Фьорсену.

Он услышал, как, выходя, толстуха что-то проворчала себе под нос. Она тоже участвовала в его отлучении. И он раздраженно сказал:

- Ты хочешь, чтобы твой муж умер от голода, если он опоздал к завтраку?

Джип протянула ему чековую книжку. Он прочел на корешке:

"М-ры Траверс и Сэнборн, портные. Счет оплачен: 54 фунта 3 шиллинга, 7 пенсов". "

Фьорсен покраснел, но тут же принял вид оскорбленного достоинства.

- Ты уплатила? Мои счета тебя не касаются.

- Посыльный сказал, что, если счет не будет немедленно оплачен, они подадут в суд. Я считаю, что не платить долги неприлично. Много их у тебя?

- Я не скажу тебе.

- Мне надо вести хозяйство и платить прислуге, и я должна знать, на что могу рассчитывать. Я не собираюсь делать долги.

В лице ее появилась жесткость, какой он не видел прежде. Это была совсем не та Джип, с которой он разговаривал во всеоружии своей власти, в этот же час вчера утром. Этот бунт уязвил его тщеславие, вызвал непонятную тревогу и в то же время как-то встряхнул его. Он сказал тихо:

- Деньги! Проклятые деньги! Поцелуй меня.

- Это ребячество - проклинать деньги. Я готова истратить весь свой доход, но не больше. И я не собираюсь просить денег у отца.

Он бросился в кресло.

- Ха, ха! Добродетель!

- Нет, гордость.

- Значит, ты не веришь в меня, - сказал он угрюмо. - Не веришь, что я могу заработать столько, сколько хочу, больше, чем есть у тебя? Ты никогда в меня не верила!

- Мне кажется, ты зарабатываешь теперь столько, сколько вообще способен заработать.

- Ах, ты так думаешь! Ладно! Мне не нужны твои деньги.

- Т-с-с-с!

Он оглянулся. В дверях стояла горничная.

- Простите, сэр! Шофер спрашивает, заплатите ли вы ему, или он вам еще будет нужен? Двенадцать шиллингов.

Фьорсен посмотрел на нее взглядом, от которого, как говорит прислуга, "можно одуреть".

- Нет, он мне не нужен. Заплатите ему.

Девушка взглянула на Джип, сказала "да, сэр" и исчезла.

Фьорсен рассмеялся. Это была забавная поправка к его самоуверенному заявлению.

- Неплохо, а, Джип?

Но ее лицо оставалось неподвижным; зная, что над забавными нелепостями она любит посмеяться даже больше, чем он, Фьорсен снова почувствовал приступ страха. Что-то изменилось. Да, в самом деле, что-то в ней изменилось.

- Я обидел тебя вчера ночью?

Она пожала плечами и отошла к окну. Он мрачно посмотрел на нее и выбежал в сад. И почти тут же неистовые звуки скрипки понеслись из студии через лужайку.

Джип слушала с горькой улыбкой. Вот теперь и деньги тоже! Но не все ли равно? Ей уже не уйти от этого. Никогда не уйти. Ночью он будет целовать ее, и она будет притворяться, что все хорошо. И так будет всегда! Что ж, она сама виновата. Достав двенадцать шиллингов из кошелька, она положила их на стол, чтобы отдать горничной. И неожиданно ей пришла в голову мысль: "А может быть, я ему надоела? Если бы только я ему надоела!" Но впереди лежала длинная дорога, куда длиннее той, которую ей уже довелось пройти.

ГЛАВА VII

Тот, кто хоть раз видел, как на экваторе во время полного штиля безвольно повисают паруса и с каждым днем умирает надежда на спасение, легко поймет, какой стала теперь жизнь Джип. Все меняется - даже штилю приходит конец. Но что может измениться для молодой женщины двадцати трех лет, которая ошиблась, вступив в брак, и не может корить за это никого, кроме себя, если она не "современная"

женщина, какой никогда не была Джип? Решив никому не признаваться в своей неудаче и стиснув зубы ждать ребенка, Джип продолжала скрывать свое состояние от всех, даже от Уинтона. С Фьорсеном ей удавалось держать себя как обычно, она по-прежнему старалась сделать для него внешнюю сторону жизни легкой и приятной: сопровождала его, вкусно кормила, терпела его любовные излияния. Изобразить из себя жертву было бы глупо! Ее *malaise* {Подавленность (франц.)}, которую она так успешно утаивала, имела более глубокие причины: то был упадок духа, неизбежный в человеке, который сам обрезал себе крылья.

Что до Росека, то Джип вела себя с ним так, словно той маленькой сцены никогда и не было. Надежда на то, что в трудную минуту можно обратиться к мужу, навсегда рассеялась уже в ту ночь, когда он вернулся домой пьяным. А рассказывать о Росеке отцу она не решалась. Но она постоянно была настороже, зная, что Росек никогда не простит ей пущенного в ход против него оружия смеха. Его намеки насчет Дафны Уинг она попросту выбросила из головы, чего никогда не сделала бы, если бы любила Фьорсена. Джип воздвигла себе идола гордости и стала ему поклоняться. Только Уинтон да, пожалуй, Бетти могли бы понять, что она несчастна. Легкомысленное отношение Фьорсена к деньгам не слишком ее беспокоило: она сама оплачивала все расходы по дому - арендную плату, жалованье прислуге, свои наряды, и ей пока удавалось сводить концы с концами, а с его тратами вне дома она ничего не могла поделать.

Лето тянулось медленно. Кончился сезон концертов, и стало ясно, что оставаться в Лондоне невозможно. Но она боялась уезжать из своего маленького спокойного дома. Именно это и послужило причиной того, что однажды вечером она открыла Фьорсену свою тайну. На его лице, бледном, осунувшемся от лондонской жизни, вспыхнул странный тусклый румянец; он вскочил и уставился на нее. Джип невольно отодвинулась.

- Нечего смотреть на меня. Это правда.

Он схватился за голову и разразился потоком слов:

- Но я не хочу! Я не хочу ребенка!.. Он испортит мою Джип!

И вдруг он подскочил к ней с искаженным от страха лицом:

- Я не хочу! Я боюсь его! Не надо ребенка! Джип почувствовала то же самое, что и в тот час, когда он стоял здесь, у стены, пьяный, -

скорее это было сострадание, чем презрение к его ребячеству. Взяв его за руку, она сказала:

- Хорошо, Густав. Пусть это тебя не беспокоит. Когда я стану некрасивой, я уеду с Бетти, пока все не кончится.

Он опустил перед ней на колени.

- О, нет! О, нет! О, нет! Моя Джип, красивая!

Джип сидела неподвижно, вся в страхе оттого, что и у нее могут вырваться те же слова: "О, нет!"

Окна были открыты, в комнату залетали мотыльки. Один уселся на белую гортензию, разросшуюся над камином. Джип смотрела на нежное, пушистое растение, соцветие которого напоминало голову совы, притаившейся в зеленых листьях. Она смотрела на лиловые изразцы камина, на яркую ткань своего платья, смягченную светом ламп. И ее любовь к красоте восстала, разбуженная его криком: "О, нет!" Скоро она станет уродливой и будет мучиться и, может быть, умрет, как умерла ее мать...

В тот вечер и весь следующий день она с интересом наблюдала, как усваивает Фьорсен столь расстроившую его новость. Когда он наконец понял, что придется покориться природе, он начал избегать всего, что могло бы напомнить ему о будущем ребенке. Она поостереглась сама предложить ему уехать отдыхать без нее. Но когда он уехал в Остенде, вместе с Росеком, на Джип снизошел покой. Не ощущать ежеминутно присутствия в доме этого чуждого ей, беспорядочного человека! И, когда на следующий день она проснулась в тишине летнего утра, она не могла убедить себя, как ни старалась, что ей не хватает его. В сердце не было ни пустоты, ни боли; она чувствовала только одно: как приятно и спокойно лежать вот так, одной! Она долго не вставала. Это было восхитительно - окна и двери распахнуты настежь, в комнату то и дело забегают щенки, а ты лежишь в полудреме, слушаешь воркованье голубей, далекие отзвуки городского движения и чувствуешь, что ты снова хозяйка над собой, над своей душой и телом. Раз уж она все сказала Фьорсену, у нее отпало всякое желание держать дольше в секрете свое положение. И Джип позвонила отцу, что она одна.

Уинтон не уезжал из Лондона. Между скачками, которые прошли в Гудвуде и следующими - в Донкастере, не предвиделось состязаний, которые стоили бы внимания; да и вообще это время года не для

охоты, так что не было нужды покидать Лондон. Больше всего он любил жизнь в столице в августе: клуб был безлюден, можно было просиживать там долгие часы, не боясь, что какой-нибудь надоедливый старик схватит тебя за пуговицу и заведет длинный разговор. К его услугам всегда был маленький Бонкарт, учитель фехтования. Уинтон уже давно старался научиться орудовать левой рукой так, как когда-то действовал правой; турецкие бани на Джерми-стрит тоже почти пустовали - тучные клиенты разъехались; можно прогуляться в Ковент-гарден, купить дыню и отнести ее домой, не встретив никого, разве что какую-нибудь захудалую герцогиню на Пикадилли; в теплые вечера - просто пофланировать по улицам или паркам, покуривая сигару, отдаваясь смутным мыслям, смутным воспоминаниям. Было очень приятно узнать, что дочь одна и в доме нет субъекта. Где бы накормить ее обедом? Миссис Марки была в отпуске. А почему бы не у Блэфарда? Там спокойно - небольшие залы, не слишком респектабельно, но всегда прохладно. Решено: у Блэфарда!

Когда она подъехала к дому на Бэри-стрит, он уже был готов и чувствовал себя школьником, которого на несколько дней отпустили из школы. Как она очаровательна - правда, немного бледна, - как хороши ее темные глаза, улыбка! И, быстро подойдя к машине, он сказал:

- Нет, не выходи. Я сяду с тобой. Обедаем у Блэфарда, Джип, сегодня вечер развлечений!

Ему доставило истинное удовольствие проследовать за ней в маленький ресторан, пройти по низким, окрашенным в красный цвет залам, видеть, как посетители с завистью провожают его глазами. Он усадил Джип в дальнем углу, у окна, где ее было видно и откуда она могла все видеть. Ему очень хотелось, чтобы ею любовались; сам же он сел к залу спиной, предоставив посетителям обозревать свой сидящий затылок. Он вовсе не собирался портить себе удовольствие, и смотреть на всю эту разношерстную публику, поглощающую шампанское и распаренную от жары. Ибо втайне он хотел насладиться не только сегодняшним вечером, но и воспоминаниями о другом вечере из далекого прошлого, когда в этом самом уголке он обедал с ее матерью. Тогда в сторону атакующих взглядов было обращено его лицо, она же прятала свое. Но об этом он ничего не говорил Джип.

Новость, которую она ему сообщила, он принял с выражением, хорошо ей знакомым, - сжатые губы, глаза смотрят куда-то вверх.

- Когда? - спросил он.

- В ноябре.

Тот самый месяц! Протянув руку через стол, он крепко сжал ее пальцы.

- Все будет хорошо, дитя мое. Я рад. Схватив его руку, Джип пробормотала:

- А я - нет. Но я не буду бояться, обещаю!

Ни один из них не обманывался ни в чем. Оба умели сохранять спокойствие при любых обстоятельствах. К тому же это был "вечер развлечений" - первый свободный вечер со дня ее замужества. После слов Уинтона "Значит, он уехал в Остенде?" и его восклицания "Еще бы!" они ни разу больше не упоминали о Фьорсене. Разговаривали о лошадях, о Милденхэме. - Джип казалось, что прошли годы с тех пор, как она была там - вспоминали ее детские шалости. Лукаво посмотрев на него, Джип спросила:

- А каким ты был в детстве, отец? Тетушка Розамунда говорит, ты иногда впадал в такую ярость, что к тебе было не подступиться. Она говорит, что ты лазал по деревьям, стрелял из рогатки да дразнил всех, и не было случая, чтобы ты сказал что-нибудь, если не хотел этого сказать. А еще - будто ты был отчаянно влюблен в свою гувернантку, это правда?

Уинтон улыбнулся. Мисс Хантли! С завитыми каштановыми волосами, голубыми глазами, всегда изящно одетая!

- Да, да, - сказал он. - Боже, как давно это было! Мой отец уезжал тогда в Индию. Он больше не вернулся - его убили в первую афганскую кампанию. Когда я в детстве влюблялся, - я влюблялся очертя голову. Но я и наполовину не был так восприимчив, как ты. Нисколько не был похож на тебя, Джип.

Уинтон увидел, что она бессознательно следит взглядом за движениями официантов, словно вбирает в себя все происходящее вокруг, и подумал: "Самое очаровательное существо на свете!"

- Ну, - сказал он, - что будем делать дальше? Может быть, заглянем в театр или в мюзик-холл?

Джип покачала головой. Очень уж жарко! Почему бы не прокатиться в машине, а потом посидеть в парке? Вечерело, духота

была уже не такой изнуряющей - легкий ветерок, веявший на бульварах и в парках, смешивался с запахом пыли и бензина. Уинтон назвал шоферу тот же адрес, что и в далекий, ушедший в прошлое вечер: Найтсбриджские ворота. Тогда они ехали в экипаже, и ночной ветерок дул им в лицо, а не в затылок, как сейчас, в такси. Они вышли из машины, пересекли Роу, миновали Лонг-Уотер и по тропинке, вьющейся между деревьями, поднялись наверх. Здесь они уселись рядом на двух стульях, покрытых пальто Уинтона. Роса еще не выпала. Листья деревьев висели неподвижно и легко в теплом, напоенном ароматом воздухе. Под деревьями или на траве тихо сидели, уже не выделяясь в темноте, другие парочки. Дымок от сигары Уинтона подымался кольцами. Он весь ушел в воспоминания. Пепел от сигары упал на его костюм, и он поднял руку, чтобы сбросить его. Джип прошептала ему на ухо:

- Как чудесно - тепло и запах цветов в темноте!

Уинтон вздрогнул.

- Просто великолепно! Но у меня погасла сигара, а спичек нет.

Джип взяла его под руку.

- Темнота, этот шепот влюбленных - словно мы в каком-то таинственном мире. Тебе не кажется?

Порыв ветра всколыхнул листву, и на мгновение ночь стала полна шепота; потом донеслось чье-то хихиканье. Джип встала.

- Уже прохладно от росы. Может быть, пойдем? Очарование исчезло. Ночь опять стала обыкновенной лондонской ночью. Парк снова превратился в покрытый пыльной травой и гравием участок земли, влюбленные в клерков и продавщиц на прогулке.

ГЛАВА VIII

От Фьорсена приходили длинные послания. Он страшно тосковал без нее, но, судя по всему, весьма усердно развлекался. Он просил денег, но забывал сообщить, на что он их тратит. Выходя из бюджета, и без того урезанного, Джип посылала ему денежные переводы: это ведь был и ее отпуск, и она могла себе разрешить оплачивать его. Однажды она разыскала магазин, где можно было продать драгоценности, и все, что выручила, отправила ему. Это дало ей еще одну неделю.

Как-то вечером они пошли с Уинтоном в "Октагон", где все еще выступала Дафна Уинг. Джип вспомнила, как восторгалась девушка ее

садом, и написала ей письмо, в котором приглашала позавтракать и отдохнуть у нее до вечера.

Мисс Дафна с жадностью ухватилась за приглашение; она пришла, бледная и поникшая от жары, в платье из шелка либерти, в простой соломенной шляпе с широкими полями. Позавтракав, они расположились в самом тенистом уголке сада - Джип в плетеном кресле, Дафна на подушках в траве. После длинной серии восклицаний маленькая танцовщица принялась откровенно изливать душу. И Джип - внимательнейшая слушательница - с интересом следила за рассказом этой девушки, столь отличной от нее самой.

- Конечно, как только смогу, я уйду из дома. Только нехорошо выходить в жизнь, - это выражение она употребляла довольно часто, - если не знаешь, что к чему. В моей профессии надо быть очень осторожной. Правда, многие думают, что она хуже, чем на самом деле; отец даже иногда выходит из себя. Но, право, миссис Фьорсен, дома ужасно! Мы едим баранину - вы ведь, знаете, что такое баранина! Просто невозможно спать летом в комнате, когда пахнет бараниной. А тут еще нужно упражняться. Чего бы я хотела, так это иметь студию. Вот было бы дивно - где-нибудь у реки или здесь, наверху, возле вас! Право, дивно! Знаете, я понемногу откладываю деньги. Как только соберу двести фунтов, я сбегу. А что было бы совсем чудесно - это заинтересовать художников, музыкантов. Я не хочу быть обыкновенным "номером" - балетные ангажементы год за годом и прочее. Я хочу быть чем-то особенным! Но мать рассуждает так глупо - она считает, что я ни в коем случае не должна рисковать. А я с ней не согласна... Так приятно беседовать с вами, миссис Фьорсен, потому что вы тоже молоды и понимаете меня; и я уверена, что вы не обидитесь, если я кое о чем вас спрошу. Вот насчет мужчин; как вы считаете: надо выходить замуж или иметь любовника? Говорят, что нельзя стать хорошей артисткой, пока не испытаешь страсти. Но если выйти замуж, тогда снова баранина, а может быть, и дети, да еще вдруг попадется плохой муж. Уф! И все же я против беспутства. Я ненавижу беспутных людей, просто ненавижу. Вы как считаете? Все это ужасно трудно, правда?

Джип отвечала с полной серьезностью:

- Такие вещи улаживаются сами собой. Я бы не беспокоилась на вашем месте.

Дафна Уинг оперлась подбородком на руки.

- Да, я и сама так думала. И, конечно, я бы могла сейчас сделать либо то, либо другое. Но, видите ли, меня совершенно не интересуют обыкновенные, ничем не выдающиеся мужчины. Я убеждена, что влюблюсь только в выдающегося мужчину. Вы ведь тоже так поступили, правда? Поэтому вы должны меня понять. Я считаю, что мистер Фьорсен - удивительно выдающийся!

Пробившийся через листву теплый солнечный луч вдруг упал на открытую шею Джип. Она по-прежнему серьезно слушала Дафну Уинг.

- Конечно, мать устроила бы истерику, если бы я спросила ее об этом, а уж про отца и говорить не приходится. Но это ведь так важно, правда? Можно с самого начала наделать ошибок, а мне так хочется выдвинуться... Я просто обожаю свою работу. Я не хочу, чтобы любовь мешала работе, я хочу, чтобы она мне помогала, понимаете? Граф Росек говорит, что моим танцам не хватает страсти. Мне хочется, чтобы вы сказали, так ли это. Вам я поверю.

Джип покачала головой.

- В этом я не судья.

Дафна Уинг посмотрела на нее с упреком.

- О, я уверена, что это не так! Будь я женщиной, я бы страстно влюбилась в вас. У меня есть новый танец - танец нимфы, которую преследует фавн; но так трудно чувствовать себя нимфой, когда знаешь, что фавн всего-навсего балетмейстер. Вы считаете, что мне надо вложить страсть в этот танец? Понимаете, я должна все время убегать; но было бы намного тоньше, если бы создать впечатление, что я сама хочу быть пойманной. Вы не согласны?

У Джип неожиданно вырвалось:

- Да, я думаю, что вам пойдет на пользу, если вы полюбите.

Рот Дафны Уинг слегка приоткрылся, глаза округлились.

- Вы испугали меня, - пробормотала она. - У вас был такой... такой... взгляд, когда вы говорили это.

И вправду, в Джип загорелся какой-то огонек. Этот пустой, бессодержательный разговор о любви взбудоражил всю ее душу. Она не хочет любви; она не сумела полюбить. Но чем бы ни была любовь, она не терпит болтовни о себе. Как же получается, что эта девица из

предместья, едва только ставшая на пуанты, смогла так задеть ее за живое, так взволновать?

- Знаете, что бы доставило мне самое большое наслаждение? - продолжала Дафна Уинг. - Потанцевать как-нибудь для вас в этом саду! Это, наверно, чудесно - танцевать на свежем воздухе; и трава прекрасная, совсем сухая. Только боюсь, что слуги сочтут это неприличным. Они заглядывают сюда? - Джип отрицательно покачала головой. - Я могла бы танцевать вон там, против окон вашей гостиной. Но только нужна лунная ночь. Я могу прийти в любое воскресенье. У меня есть танец, где я - цветок лотоса, он подходит как нельзя лучше! А потом - настоящий лунный танец, на музыку Шопена. Я бы принесла свои костюмы и переодевалась бы в вашей студии, правда? - Она сидела, скрестив ноги и сложив руки, и глядела на Джип. - О, вы позволите?

Желание доставить ей удовольствие, необычность затеи, да и действительный интерес к ее танцам заставили Джип сказать:

- Хорошо. В будущее воскресенье.

Дафна Уинг вскочила, бросилась к Джип и поцеловала ее. Ее губы были влажны, от нее пахло флер-д'оранжем; Джип слегка отшатнулась - она не выносила восторженных поцелуев. Сконфузившись, мисс Дафна опустила голову и сказала:

- Вы так прелестны; я не могла удержаться.

Джип почувствовала раскаяние, взяла руку Дафны Уинг и ласково пожала ее.

Они вошли в дом, чтобы подобрать музыку для обоих танцев, и вскоре Дафна Уинг ушла, досыта наевшись леденцов и полная надежд.

В следующее воскресенье она явилась точно в восемь с зеленым холщовым саквояжем, где лежали ее костюмы. Очевидно, она немного побаивалась. Салат из омара, рейнвейн и персики быстро вернули ей мужество. Ела она с большим аппетитом. Видимо, ей было безразлично - танцевать с полным или с пустым желудком; но от сигареты она наотрез отказалась.

- Это плохо... словом, вы знаете! - сказала она.

После ужина Джип прогнала щенков в задние комнаты. Она представляла себе, с какой яростью они вцепятся в тунику или даже в икры мисс Дафны Уинг. Потом обе они снова пошли в гостиную и, не зажигая огня, стали ждать лунного света. В эту последнюю

августовскую ночь жара еще не спала - воздух был неподвижен и душен; медленно всходила луна, бросая пока только одиночные блики сквозь густую листву. Они разговаривали вполголоса, бессознательно подчиняясь очарованию этого вечера. Когда луна поднялась высоко, они осторожно пробрались через сад в студию. Джип зажгла свечи.

- Вам достаточно света?

Дафна уже почти освободилась от своей одежды.

- О, как я волнуюсь, миссис Фьорсен! Я надеюсь, что буду танцевать хорошо.

Джип вернулась в дом и села за рояль, повернувшись лицом к саду. Из темноты дальнего угла вдруг выступила и застыла в неподвижности в ожидании лунного света смутная фигура в белом. Джип начала играть. Это была маленькая сицилийская пастораль - ее играют на своих свирелях пастухи, спускаясь со стадом с гор. Мелодия доносилась как бы издалека, потом нарастала до полного звучания и снова угасала, становясь почти неслышной. Луна поднялась над деревьями; ее свет заливал дом, растекался по газону и тихо струился дальше, добираясь до подсолнечников, росших вдоль ограды. Все приобрело какой-то невиданный колорит - золота, которое не было золотом.

Джип начала играть танец. Смутная тень в темноте шевельнулась. Теперь лунный свет падал прямо на девушку, стоявшую с покрывалом в раскинутых руках - белая, крылатая статуя. И вдруг она бесшумно порхнула вперед и, как гигантская белая бабочка, пролетела над лужайкой, кружась и паря в воздухе. Луна четко выгравировала силуэт головы девушки, окрасив ее волосы в тот же цвет бледного золота. Казалось, какой-то дух сошел в сад, наполненный неземным мерцанием, и мечется во все стороны, не находя выхода.

За спиной Джип чей-то голос произнес:

- Бог мой! Что это? Ангел?

В полутемной комнате стоял Фьорсен. Он, застыв на месте, смотрел в сад. Девушка замерла на месте, глаза ее стали огромными, как блюдца, рот раскрылся, руки окаменели от неожиданности и страха. Она повернулась и, подхватив покрывало, помчалась так, что только ноги сверкали в лунном свете.

Джип не двинулась с места, она глядела снизу вверх на внезапно появившегося мужа. Она ясно видела, как его глаза следят за убегающей нимфой. Фавн мисс Дафны! Ну, конечно; даже уши у него остроконечные! Неужели она не замечала раньше, как он похож на фавна? Ах, да, в ту свадебную ночь...

И она спокойно проговорила:

- Дафна Уинг репетировала новый танец. Значит, ты вернулся? Почему же не известил меня? Как ты себя чувствуешь? Выпятишь ты превосходно!

Фьорсен наклонился и поцеловал ее.

Но даже в это мгновение, когда его губы были прижаты к ее губам, Джип чувствовала, хотя и не видела этого, что его глаза по-прежнему устремлены в сад. Она подумала: "Он бы не прочь поцеловать сейчас эту девушку!"

Пока он ходил к машине за вещами, она выскользнула из комнаты и побежала в студию.

Мисс Дафна, уже одетая, поспешно укладывала костюмы в зеленый холщовый саквояж. Она подняла глаза.

- О, он недоволен? Это ужасно, правда?

Джип подавила приступ смеха.

- Это вы должны быть недовольны.

- О, я... что вы! Только бы вы... А как вам понравился танец?

- Чудесно! Когда будете готовы, приходите в гостиную.

- О, я лучше пойду домой. Это, наверно, было так смешно...

- Тогда не желаете ли пройти через дверь, выходящую в переулок?

Поверните направо и выйдете на дорогу.

- О, да! Конечно. Наверно, было бы лучше, если бы мистер Фьорсен увидел танец, когда он будет готов, правда? Что он только подумает?

Джип улыбнулась и открыла дверь.

Когда она вернулась в гостиную, Фьорсен стоял у окна и смотрел в темноту. Кого он искал - ее или убегающую нимфу?

ГЛАВА IX

Миновали сентябрь и октябрь. Концертов у Фьорсена стало больше, но сборы были не очень хороши. Фьорсен уже перестал быть новинкой, и к тому же в его игре было недостаточно слащавости и сентиментальности, которых ищет широкая публика. Начались

денежные затруднения, но Джип все это казалось далеким и каким-то не настоящим: все отошло в тень, приближался ее срок. Она не шила приданого ребенку, ничего не готовила вообще. Зачем делать то, что может быть, никогда и не пригодится?

Джип много аккомпанировала Фьорсену, а для себя не играла совсем; много читала книг - стихи, романы, жизнеописания, проплатывая все в один присест и тут же забывая прочитанное. Уинтон и тетушка Розамунда, по молчаливому уговору, приходили к ней по очереди через день, после полудня. Вечерним поездом Уинтон, распрощавшись с ней, уезжал куда-нибудь на скачки или охотиться на лис; возвращался он утром того дня, когда была его очередь сидеть у Джип. Но именно в эти дни, не занятые охотой и скачками, ему становилось особенно страшно за нее.

Бетти, присутствовавшая при рождении Джип, была сейчас в каком-то странном состоянии. Женщинам, которые жаждут стать матерями, но по воле судьбы лишены детей, такие события, как то, которое предстояло теперь, всегда безусловно желательны; но у Бетти этому препятствовали воспоминания о понесенной в прошлом утрате и страх за "свою красавицу", гораздо более сильный, чем если бы Джип была ее собственной дочерью. То, что пион считает естественным и заурядным для пионов, вызывает у него тревогу, если это же случится с лилией. Что касается другой пожилой и одинокой женщины, тетушки Розамунды, этой прямой противоположности Бетти - длинный тонкий нос у одной и круглая кнопка у другой; сознание своих божественных прав - и никакого понятия о правах вообще; растянутая, медлительная речь - и приятный сиплый говорок; худоба - и округлость; решительность и покорность воле провидения; юмор - и полное отсутствие такового; желудочные недомогания - и пищеварение страуса, - так вот и тетушка Розамунда тоже беспокоилась, настолько, правда, насколько она вообще признавала для себя возможным беспокоиться, полагая, что это просто смешно.

Но из всего окружения Джип любопытнее всего было поведение Фьорсена. У него не было ни малейшего намерения скрывать свои переживания. А переживания были примитивны. Ему нужна была прежняя Джип. Мысли о том, что она никогда уже не будет прежней, он старался утопить в коньяке и возвращался домой едва, ли более трезвым, чем в первый раз. Джип частенько приходилось помогать

ему добираться до кровати. Один или два раза он провел вне дома всю ночь. Чтобы объяснить это, она придумала версию, будто у Росека есть комната, где Фьорсен ночует, если задержится на концерте, - он не хочет беспокоить ее: Верила ли ей прислуга или нет, она не знала. Но сама она никогда не спрашивала его, где он был: мешали гордость и сознание, что она не вправе задавать такие вопросы.

Джип понимала, что подурнела и стала для него непривлекательной; да и могло ли быть иначе: он так неуравновешен, так нетерпим ко всякому уродству! А что до более глубоких чувств к ней - были ли они у него? Он ведь никогда ни от чего не отказывался, ни в чем и никак не жертвовал собой. Если бы она любила, ей самой хотелось бы чем-нибудь пожертвовать для любимого; но теперь, нет, она никогда не будет любить! И все-таки он как будто тревожился за нее. Это было для нее загадкой! Но ей, может быть, недолго придется ломать голову над загадками; все чаще Джип охватывало предчувствие, что она умрет; и временами она думала, что умереть будет для нее счастьем. Жизнь обманула ее, вернее, она сама обманула себя. Неужели всего год прошел с того восхитительного дня на охоте, когда она, отец и тот молодой человек с чуть дерзкой улыбкой, вырвавшись вперед, мчались по полю, - с того рокового дня, когда, как с неба, свалился Фьорсен и сделал ей предложение? Ей очень захотелось в Милденхэм - укрыться там от всего, быть только с отцом и Бетти.

Она уехала туда в начале ноября.

К ее отъезду Фьорсен отнесся как утомленный ребенок, не желающий идти спать. Он не мог вынести мысли, что она будет где-то далеко от него; но как только она уехала, он устроил попойку в духе подлинной богемы. Около пяти утра он проснулся "с ужасным ощущением холода в сердце", как писал он Джип на следующий день, "с ужасным ощущением, моя Джип; я часами шагал взад и вперед по комнате" (на самом деле, не более получаса). "Как могу я вытерпеть разлуку с тобой в такое время? Я чувствую себя заброшенным". Еще через день он уже был с Росеком в Париже. "Мне стал невыносим, - писал он, - вид наших улиц, сада, нашей комнаты. Вернувшись, я буду жить у Росека. Когда придет срок, я приеду; я должен приехать к тебе". Но Джип, прочитав это письмо, сказала Уинтону: "Отец, когда это случится, не посылай за ним. Я не хочу, чтобы он был здесь".

Эти письма разрушили в ней надежду на то, что в ее муже еще сохранилось что-то доброе и красивое, как звуки, которые он извлекает из своей скрипки. И все-таки ей еще казалось, что письма эти в своем роде искренни, что в них есть нечто трогательное, какое-то настоящее чувство.

В Милденхэме ее перестали мучить безнадежные мысли о себе; появилось желание жить - от ощущения новой жизни, которую она в себе носила. Она впервые поняла это, когда вошла в свою старую детскую, где все сохранилось таким, как в то время, когда ей было восемь лет: старый красный домик для кукол с открывающейся боковой стеной, откуда были видны все этажи; выцветшие широкие жалюзи, падавшие со стуком, который она слышала сотни раз; высокая каминная решетка, у которой она так часто лежала на полу и, опершись подбородком на руки, читала сказки братьев Гримм, или "Алису в стране чудес", или рассказы из истории Англии. Ее ребенок тоже будет жить здесь, среди всего этого, привычного и знакомого. И ее охватило желание, вернее, это была безудержная прихоть - встретить свой час здесь, в старой детской, а не в комнате, где она спала девушкой; здесь спокойнее, удобнее! Пробыв в Милденхэме с неделю, она велела Бетти перевести себя в детскую.

В доме никто не был так спокоен, как сама Джип. Бетти ходила с заплаканными глазами. Миссис Марки никогда не готовила таких плохих супов. Ее муж стал безудержно болтлив. Уинтон бродил по дому, не находя себе места. В его голосе, обычно размеренном и холодном, теперь явно слышалась тревога, которую он носил в сердце. А Джип чувствовала себя превосходно оттого, что все так любили ее и беспокоились о ней. Она все сидела, уставившись на огонь темными глазами, немигающими, словно у ночной совы, и думала, чем она сможет отблагодарить отца, который чуть не лишил себя жизни в то время, когда она появилась на свет.

ГЛАВА X

С того дня, как приехала сиделка, Уинтон забросил охоту и не уходил из дому больше чем на полчаса. Он не верил врачам, но это не мешало ему каждое утро вести десятиминутный разговор со старым доктором, который лечил Джип от свинки, кори и прочих детских болезней. Старик Ривершоу был живым и забавным памятником давних времен. У него были багровые щеки, венчик крашенных волос

вокруг лысины, выпученные, налитые кровью серые глаза, и от него всегда пахло прорезиненным плащом. Ростом он был мал, страдал одышкой, пил портвейн, нюхал табак, читал "Тайме", говорил сиплым голосом и приезжал в крохотном экипаже, запряженном дряхлой вороной лошадей. Но он был искусным лекарем и умел побеждать различные болезни; его ценили и как хорошего акушера, с легкой рукой при родах. Каждое утро, ровно в двенадцать, слышался скрип колес его экипажа. Уинтон наливал в графин портвейна, доставал жестянку с бисквитами и стакан. И едва доктор возвращался от Джип, он спрашивал:

- Ну, доктор? Как она?

- Прекрасно; просто превосходно!

- Опасаться нечего?

Не сводя глаз с графина, доктор бормотал:

- Состояние сердца великолепно... немножко... гм... ну, это пустяки! Все идет своим чередом. Вот так!

- Стакан портвейна, доктор?

Доктор неизменно изображал приятное удивление.

- Прохладный денек... Да, пожалуй... - Он сморкался в ярко-красный батистовый платок.

Наблюдая, как он пьет портвейн, Уинтон говорил:

- Мы ведь можем рассчитывать на вас в любое время, не правда ли?

- Не беспокойтесь, дорогой сэръ! Маленькая мисс Джип - мой старый друг. К ее услугам днем и ночью. Не беспокойтесь.

Уинтон чувствовал облегчение, но этого хватало ровно на двадцать минут - пока вдаль не замолкнет скрип колес и не рассеется сложный аромат, оставленный доктором.

По просьбе Джип от Уинтона скрыли, что начались боли. Когда утихли первые схватки и она задремала, отец случайно поднялся к ней в старую детскую. Сиделка - приятная на вид женщина - встретила его в гостиной. Привыкшая к "суетливости и назойливости" мужчин в таких случаях, она уже готовилась прочесть ему нотацию. Но, испугавшись его взгляда, только прошептала:

- Началась. Но вы не волнуйтесь, она сейчас еще не страдает. Мы скоро пошлем за врачом. Она у вас храбрая. - И с каким-то необычным

для нее уважением и сочувствием сиделка повторила: - Не беспокойтесь, сэр.

- Если она захочет увидеть меня, я все время буду в кабинете. Сделайте для нее все, что можете, сестра.

Сиделка вернулась к Джип в задумчивости. Та сказала:

- Это был отец? Я не хотела, чтобы он знал.

- Все отлично, моя дорогая.

- Как вы думаете, скоро ли опять начнутся боли, сестра? Мне хотелось бы повидать его.

Сиделка погладила ее по волосам.

- Скоро все это кончится, и вам будет хорошо. Мужчины ведь всегда такие беспокойные.

Джип взглянула на нее и прошептала: - Знаете, моя мать умерла, когда рожала меня.

Сиделка оправляла постель.

- Это ничего; то есть, я хочу сказать... это не имеет никакого отношения...

И видя, что Джип улыбается, она подумала: "Ну и дура же я!"

- Если случится так, что я не выдержу, я хочу, чтобы меня сожгли. Вы запомните это, сестра? Я не могу сейчас сказать об этом отцу: это расстроило бы его.

Сиделка подумала: "В таких случаях, кажется, требуется завещание; но лучше будет, если я обещаю ей это. Болезненное соображение, хотя она совсем! не болезненная особа". И она сказала:

- Очень хорошо, дорогая, только ничего подобного с вами не случится.

- Мне очень стыдно, что все мне уделяют столько внимания и люди из-за меня несчастны.

Сиделка, все еще занятая взбиванием подушек, пробормотала:

- Вы и наполовину не так беспокойны и капризны, как многие другие. У вас все идет просто великолепно. - А сама подумала! "Странно! Она ни разу не заикнулась о своем муже. Не люблю, когда подобные истории происходят с такими чувствительными особами. Она просто трогательна".

Джип пробормотала:

- Я хотела бы повидать отца. Пожалуйста, поскорее!

Сиделка, быстро взглянув на нее, вышла.

Джип стиснула руки под одеялом. Ноябрь! Желуди и опавшие листья. Милый влажный запах земли! Желуди повсюду, но всей лужайке. Когда-то она брала на поводок старую гончую собаку и бегала с ней по лужайке, покрытой желудями и опавшим листом, а ветер все сдувал листья с деревьев - тогда она была в коричневом бархатном платье! Кто это назвал ее тогда "мудрой маленькой совой"?.. Сердце ее упало: снова начинались боли. Уинтон спросил, стоя в дверях:

- Да, моя крошка?

- Я только хотела посмотреть на тебя. У меня все хорошо.

Лоб ее был весь в поту.

Когда он шел по коридору, ее улыбка провожала его, словно рея в воздухе; но на лице Джип улыбка уже погасла. В кабинете ему снова стало тревожно. Почему не может он принять все эти страдания на себя?

Уинтон шагал взад и вперед по ковру, пока наконец не послышался знакомый скрип колес. Он вышел в прихожую и пристально посмотрел в лицо доктору, совсем забыв, что старик понятия не имеет об особой причине его смертельной боязни за дочь. Потом он вернулся назад в кабинет. Злой юго-западный ветер швырял в оконные стекла мокрые листья. Вот здесь, у окна, он стоял, всматриваясь в темноту, когда Фьорсен приехал просить руки Джип год тому назад. Почему он не выпроводил тогда этого парня, почему не увез ее? В Индию, в Японию - куда угодно! Она не любит этого скрипача, никогда не любила по-настоящему. Чудовищно! Горечь переполнила сердце Уинтона, и он застонал. Потом он подошел к книжному шкафу; там было несколько книг, которые он всегда читал; он достал одну - "Жизнь генерала Ли". Поставив книгу на место, он взял другую - роман Уйат-Мелвиля "Бездельник". Печальная книга - печальный конец! Книга выпала из его рук и глухо стукнулась об пол. С какой-то ледяной ясностью он вдруг увидел свою жизнь, какой она может стать, если он второй раз понесет такую потерю. Она не должна умереть!

Если она умрет, тогда для него остается только... В древние времена мужчину хоронили вместе с конем и собакой - знак уважения к нему, как охотнику. Все-таки в этом что-то было. Мысль эта почему-то успокоила его; он сел в кресло и долгое время смотрел на огонь в

каком-то оцепенении. Потом его лихорадочные страхи возобновились. Какого черта они не приходят и ничего ему не говорят? Что угодно, только не эта тишина, не это смертельное ожидание! Кажется, хлопнула входная дверь? Стук колес? В дверях стоял Марки, держа в руке какие-то карточки.

- Леди Саммерхэй, мистер Брайан Саммерхэй. Я сказал "нет дома", сэр.

Уинтон кивнул.

- Вы не завтракали, сэр.

- Который час?

- Четыре.

- Принесите мне меховое пальто и портвейн. И разожгите камин. Узнайте, есть ли какие-нибудь новости.

Марки кивнул.

Нелепо сидеть в меховом пальто перед огнем, да еще не в холодный день!.. Говорят, что и после смерти жизнь продолжается. Он ни разу не почувствовал, что она продолжает жить. Она жила в Джип. И теперь, если Джип... Он встал и задернул занавеси.

В семь часов доктор спустился вниз. Уинтон все еще сидел перед камином, неподвижный, закутавшись в пальто. Чуть приподнявшись, он оглянулся.

Лицо доктора было в морщинках, веки на выпуклых глазах полузакрыты; это должно было означать улыбку.

- Великолепно, - сказал он. - Великолепно - девочка! Никаких осложнений.

У Уинтона задрожали губы. Он протянул было руку. Но, подчиняясь привычке целой жизни, ничем не выдал своих чувств и остался сидеть на месте.

- стакан портвейна, доктор?

Подняв стакан, доктор задумчиво рассуждал, разглядывая вино;

- Гм! Это пятьдесят второй. Дайте мне лучше шестьдесят восьмого, тот покрепче.

Спустя некоторое время Уинтон поднялся наверх.

Перед дверью его снова охватил леденящий страх. "Очень удачно - пациент умер от упадка сил!" Слабый крик ребенка не успокоил его. Он был равнодушен к этому новому существу. Вдруг рядом с ним очутилась Бетти.

- В чем дело, женщина? Не смейте! Всхлипывая, она лепетала:

- Она выпядит так прелестно. О господи! О милая!

Резко оттолкнув ее в сторону, Уинтон заглянул в раскрытую дверь. Джип лежала тихая и белая; ее темные глаза были прикованы к ребенку. На лице ее было выражение удивления. Она не заметила Уинтона, а тот стоял и молча глядел на нее. Сиделка что-то делала за ширмами. Впервые в своей жизни он видел мать с только что рожденным ребенком. Ее лицо - какое-то нездешнее потрясло его. Она ведь, кажется, никогда не любила детей; говорила, что не хочет ребенка. Он вошел в комнату. Она сделала слабое движение рукой, показав на ребенка, глаза ее смеялись. Уинтон посмотрел на это запеленатое, все в красных пятнах крохотное создание; потом, наклонившись, взял руку Джип, поцеловал и на цыпочках вышел.

За обедом он пил шампанское и был благодушно настроен. Следя за дымком своей сигары, он подумал: "Надо послать телеграмму этому скрипачу. В конце концов он тоже не чужой, может быть, страдает, как он сам страдал всего два часа назад. Держать его в неведении было бы..." И он написал: "Благополучно. Дочь. Уинтон". Он отдал телеграмму и приказал, чтобы конюх отвез ее сегодня же вечером. В десять часов он осторожно поднялся наверх. Джип спала.

ГЛАВА XI

Назавтра в полдень, возвращаясь с первой после долгого перерыва прогулки верхом, Уинтон встретил возле дома отъезжающую на станцию линейку, у которой, как и у всякого пустого экипажа, был какой-то несерьезный вид.

В передней висели меховое пальто и широкополая шляпа. Это сразу объяснило ему, что произошло.

- Мистер Фьорсен, сэр; наверху у миссис Фьорсен.

- Он приехал с вещами?

- Чемодан, сэр.

- Тогда приготовьте ему комнату. Обедать *tete-a-tete* {С глазу на глаз (франц.).} с этим субъектом!

Для Джип это было, пожалуй, самое странное утро в ее жизни. Губы сосущего ребенка вызвали удивительное чувство: какой-то размягченности, бесконечной теплоты, желания слиться в одно с этим маленьким созданием. И в то же время ни чувство юмора, ни чувство красоты не изменяли ей. Это было странное маленькое существо, с

пучком черных волос, куда менее приятное, чем котенок. Но крохотные сморщенные розовые пальчики с почти неразличимыми ноготками, микроскопические кривые ножки, великолепные черные глаза, когда девочка открывала их, неподражаемое спокойствие, когда она спала, удивительная сила, с какой она сосала, - все это было чудом! Джип была благодарна этому созданию, которое не только не убило ее, но даже не причинило ей слишком больших страданий; благодарна за то, что ей, Джип, удалось выполнить роль матери в совершенстве, как сказала сиделка, - и это сделала она, так мало верившая в себя! Инстинктивно она решила, что это ее ребенок, не его; что девочка будет "вся в нее", как это говорят. Почему у нее было такое впечатление, она не могла бы объяснить - может быть, тут сказывалось спокойствие крошки, ее темные глаза? С часу до трех они спали вместе, крепко и единодушно. Сейчас, проснувшись, Джип увидела сиделку, стоявшую у ее кровати с таким видом, будто она хотела что-то сказать.

- Кто-то приехал к вам, моя дорогая.

"Он! - подумала Джип. - Не знаю... Не знаю..." Видимо, лицо выдавало ее мысли. Сиделка вдруг сказала:

- Вы готовы к этому?

- Да. Но только через пять минут, пожалуйста.

Все это время она была настолько далека от него, что ей нужно было подготовиться, прежде чем его увидеть. Надо было разобраться в собственных чувствах, понять, что эта крошка, лежащая рядом, принадлежит и ему и ей. Она и его дитя тоже - вот это маленькое беспомощное создание. Нет, она - не его! Он не хотел ее, и теперь, когда она появилась после таких страданий, она ее, не его! И никогда не будет принадлежать ему. Но тут пришла прежняя, обвиняющая мысль: "Я вышла за него замуж - я сама его выбрала. От этого не уйти!" Она почувствовала, что вот-вот крикнет сиделке: "Не пускайте его; я не хочу его видеть!" Но она подавила в себе это желание и сказала:

- Ну вот, я готова.

Вначале она заметила его костюм - темно-серый в светлую полоску, она сама выбирала эту материю; галстук был повязан бантом, а не узлом, волосы казались светлее обычного, как и всегда после стрижки; на щеках снова отросли бакенбарды. Почти с

волнением она увидела, что лицо у него задрожало. Он на цыпочках быстро подошел к кровати, поспешно опустил на колени и, взяв ее руку, повернул ладонью вверх и прижался к ней лицом. Кончики его усов щекотали ей пальцы, нос был приплюснут к ее ладони, и он продолжал что-то бормотать, не отрывая лица от ее руки. Она чувствовала влажное тепло его губ. Джип знала, что он прячет сейчас свое раскаяние, все непотребства, которые он, возможно, совершил за это время, когда ее не было с "им, прячет страх, который он чувствовал, и волнение; которое испытывает при виде ее, такой тихой и бледной. Через минуту он поднимет голову и лицо у него будет совершенно другим. "Почему я не люблю его? - подумала она. - Ведь есть же в нем что-то достойное любви. Почему я не могу?"

Взгляд его остановился на ребенке, он ухмыльнулся.

- О моя Джип! Какая она смешная! О, о, о!

На его лице появилась гримаса комического отвращения. Джип ребенок тоже казался смешным - маленькое красноватое, сморщенное личико, двадцать семь черных волосков, слюнки у едва заметного ротика; но она видела в нем и чудо; и тут в ней снова поднялось ее возмущение им - за его неуважение ко всем. Нет, она не смешная, ее девочка, и не уродливая! И даже если это так, он не смеет говорить ей об этом!

Фьорсен пальцем прикоснулся к щеке ребенка.

- Она настоящая, да, да! Мадемуазель Фьорсен. Тц, тц!

Ребенок зашевелился. И Джип подумала: "Если бы я любила его, я не сердилась бы за то, что он смеется над моим ребенком. Тогда все было бы иначе".

- Не буди ее, - прошептала она, заметив на себе его взгляд. Она знала, что его интерес к ребенку уже угас и что теперь он думает: "Долго ли еще ждать, когда я смогу обнять тебя снова?" И вдруг она почувствовала такой приступ слабости, какого у нее не было еще ни разу. Когда она снова открыла глаза, сиделка давала ей что-то нюхать, бормоча про себя: "Ну и дура же я!" Фьорсена уже не было.

Увидев, что Джип открыла глаза, сиделка убрала нашатырный спирт, переложила ребенка, сказала: "Ну, теперь спать!" - и ушла за ширму. Как и все очень здоровые люди, она иногда вымешала на других недовольство собой.

Но Джип не спала. Она глядела то на спящего ребенка, то на узор обоев, машинально стараясь отыскать птицу среди коричневых и зеленых листьев - на каждой полосе должна быть одна птица через каждый квадрат. Одна птица среди четырех других. Птица с зелеными и желтыми перьями и красным клювом...

Когда сиделка выставила Фьорсена за дверь, заверив, что это был "только маленький обморок", он спустился вниз в полном унынии. Он терпеть не мог этот темный дом, в котором он всегда будет нежеланным гостем. Ему ничего не нужно здесь, кроме Джип, а у Джип случился обморок, едва он прикоснулся к ней. Он открыл какую-то дверь. Рояль! Гостиная. Уф! Нигде не горит камин. Что за бедность! Он подошел к двери и остановился, прислушиваясь. Ни звука. Серый свет в неприветливой комнате; в прихожей уже почти темно. Какая жизнь у этих англичан - хуже, чем зимой в его старом деревенском доме в Швеции, где во всяком случае поддерживают в каминах хороший огонь. И вдруг он возмутился. Ожидать здесь встречи с ее отцом! Провести здесь ночь! Джип, которая лежит там рядом с ребенком у груди, в этом враждебном доме, - не его Джип. Стараясь ступать неслышно, он вышел в переднюю. Его пальто и шляпа висели там. Он надел их. А чемодан?

Здесь чемодана не было. Все равно, они пришлют его позже. Он хотел написать ей - сказать, что ее обморок огорчил его, что он опасается нового обморока и не может оставаться в этом доме - так близко от нее и в то же время так далеко. Она поймет! И вдруг неожиданная тоска сжала его сердце. Джип! Она нужна ему. Смотреть на нее, целовать, чувствовать, что она снова принадлежит ему! Открыв наружную дверь, он переступил порог и вышел с ощущением тоски и тяжести в душе. Весь путь до станции, по дорогам, уже окутанным темнотой, и в железнодорожном вагоне он продолжал чувствовать себя несчастным. Только на ярко освещенной улице, направляясь в такси к Росеку, он немного оживился. За обедом и позднее он уже почти забыл обо всем; к ночи тяжелое настроение вернулось снова, но в конце концов ночь и сон окутали его и принесли ему облегчение.

ГЛАВА XII

Джип поправлялась быстро. Это радовало Уинтона. Недаром сиделка говорила: "Она великолепно сложена, это очень важно в

таких случаях".

Перед рождеством Джип уже выходила гулять. А в сочельник старый доктор, как бы в виде подарка, объявил, что она, если пожелает, может возвращаться домой. После полудня она почувствовала себя хуже, а следующий день провела снова наверху, в постели. Собственно, ничего дурного не было, кроме какой-то ужасной вялости - словно сознание того, что возвращение домой зависит только от ее решения, лишало ее сил. И поскольку никто не знал о ее переживаниях, все, кроме Уинтона, были озадачены. Ей вскоре запретили кормить ребенка грудью.

Только в середине января она сказала Уинтону:

- Мне надо ехать домой, отец.

Слово "домой" задело его, но он ответил только:

- Очень хорошо, Джип. Когда?

- В доме все готово. Я думаю, лучше всего завтра. Он еще у Росека. Я не стану его извещать. Два или три дня пробуду одна, чтобы поудобнее устроить ребенка.

- Отлично. Я отвезу тебя.

Он не пытался выяснять ее чувства к Фьорсену. Он хорошо знал, каковы они.

Они поехали на следующий день и добрались до Лондона в половине третьего. Устройство Бетти и ребенка в свободной комнате, которая отныне становилась детской, потребовало от Джип всей ее энергии. Уже начинало смеркаться, когда, надев пальто, она взяла ключ от студии и пошла через сад; после десятидневного отсутствия ей хотелось заглянуть туда... Какой сад совсем зимний! Как все не похоже на тот тихий, теплый лунный вечер, когда Дафна Уинг, танцуя, появилась из густой тени деревьев! Голые ветви отчетливо рисовались на фоне серого, темнеющего неба - ни птичьего щебета, ни цветка. Она обернулась и посмотрела в сторону дома. Он казался холодным и белым; но там светились огни - в ее комнате, в детской; кто-то опускал шторы. Листья на деревьях уже совсем облетели, были видны дома вдоль улицы - каждый отличался от другого формой и цветом, как все лондонские здания. Было холодно, подмораживало; она почти бежала по дорожке. Над окном студии висели четыре небольших ледяных сосульки, она обломала одну. В комнате как будто горел

огонь, она видела отблески его через неплотно задернутые шторы. Умница Эллен: она протапливает там!

И вдруг Джип замерла на месте. Через щель между шторами она увидела две фигуры на диване. У нее перед глазами все пошло кругом. С каким-то мертвящим холодом в душе она заставила себя заглянуть в окно. Он - и Дафна Уинг! Он обнимал девушку за шею. Повернувшись к нему лицом, полуоткрыв губы, она смотрела на него, точно загнипнотизированная, обожающим взглядом.

Джип подняла руку. В какой-то миг она уже готова была постучать в окно. Но, ощутив тошноту, она опустила руку и бросилась бежать.

Никогда она не покажет ни ему, ни этой девчонке, что они могут заставить ее страдать. Пусть сидят спокойно в своем гнездышке! Никаких сцен не будет! По обледеневшей лужайке она добежала до дома, прошла через неосвещенную гостиную, поднялась наверх, заперла дверь и села перед камином. Гордость бушевала в ней, бессознательно она сжала зубами кончик носового платка. Жар от камина опалял ей глаза, но она не подняла руки, чтобы заслонить их.

Подумать только - что было бы, если бы она любила его! Платок упал на пол - она с удивлением посмотрела на него: капельки крови. Отодвинувшись от огня, она продолжала сидеть с усмешкой на губах. Как глядела на него эта девушка, как преданная собачонка... Девушка, которая так ластилась к ней! Она нашла теперь "выдающегося мужчину"!

Джип вскочила и посмотрела на себя в зеркало. В ее собственном доме! Почему бы не здесь - в этой комнате? Почему не у нее на глазах? Не прошло и года, как поженились! Да, это почти забавно - почти забавно! И к ней вдруг пришла первая успокаивающая мысль: "Я свободна".

Но все-таки этого было мало для гордой души, раненной так жестоко! Она снова подвинулась ближе к огню. Почему она не постучала в окно? Увидеть бы, как лицо этой девушки становится пепельно-серым от испуга! Увидеть его, пойманного с поличным, в комнате, которую она украшала для него, где играла для него столько часов! Давно ли они пользуются этой комнатой для своих свиданий - тайно входят через дверь из переуллка! Может быть, это началось еще до того, как она уехала рожать!

И тут поднялась в ней борьба между материнским инстинктом и оскорбленной гордостью - молчаливая отчаянная борьба. Будет ли она и сейчас чувствовать ребенка своим? Или крошка уйдет из ее сердца, станет для нее чужой, а может быть, даже ненавистной?

Джип еще ближе подвинулась к огню и уселась поуютнее. Но ей было холодно, словно она захворала.

Она подумала: "Если не сказать прислуге, что я здесь, они могут выйти в сад искать меня и увидят то, что увидела я! И потом закрыла ли я балконную дверь в гостиной, когда возвращалась?" Она позвонила. Снизу поднялась горничная.

- Пожалуйста, закройте балконную дверь в гостиной, Эллен. И скажите Бетти: боюсь, я простудилась в дороге, я сейчас лягу. Попросите ее заняться ребенком.

Лицо горничной выражало озабоченность, даже участие. Но не было того бегающего взгляда, который свидетельствовал бы о том, что она что-то знает.

- Хорошо, мэм, я принесу вам бутылку с горячей водой, мэм. Не желаете ли принять ванну и выпить чашку горячего чая?

Джип кивнула. Ей было все равно! А когда девушка ушла, она подумала: "Чашку горячего чая. Почувствую ли я, что он горячий?"

Девушка вернулась с чаем. Она была предана Джип, обожала ее и всегда становилась на ее сторону, когда дело касалось порядка в доме, в котором не хватало слаженности. Хозяйка слишком хороша для него - иностранец, да еще с такими привычками! А уж манеры! Да у него нет никаких манер! Ничего хорошего из этого не получится. Ничего хорошего, если хотят знать ее мнение!

- Я пустила воду в ванну, мэм. Хотите, чтобы я положила немного горчицы?

Спустившись вниз за горчицей, она сказала кухарке:

- С нашей хозяйкой творится такое, что прямо жалость берет.

Кухарка, перебирая клавиши гармоники, которой она очень увлекалась, ответила:

- Хозяйка скрывает свои чувства от всех. Слава богу, что она не говорит таким тягучим голосом, как ее старая тетка, - той мне всегда хочется сказать: "Пошевеливайся, милая старушка, не такое уж ты сокровище".

И, растягивая, гармонику во всю длину, она потихоньку стала репетировать "Дом мой, милый дом!".

К Джип, лежавшей в теплой ванне, эти приглушенные звуки доносились, как далекое гудение больших мух. Горячая вода, острый запах горчицы и стоны гармоники понемногу успокаивали, усыпляли ее. Когда-нибудь полюбит и она!.. Как странно, что она подумала об этом сейчас! Да, любовь придет и к ней! Перед ней вставали смутные видения - зачарованный взгляд Дафны Уинг, дрожь, пробегающая по ее руке... Вдруг жалость к себе поднялась в ее сердце - в этом была и горечь и радость. Но на что она может обижаться - она, которая не любит? Звуки, похожие на гудение стаи мух, становились плубже, трепетнее. Кухарка в экстазе играла все громче, особенно последнюю фразу:

Пусть скромн мой дом,
Нет места милее!

ГЛАВА XIII

Эту ночь Джип проспала так, словно ничего не случилось и ей ничего не надо решать. Но проснувшись она несчастной. Из гордости она сохранит равнодушный вид и будет жить равнодушной жизнью. Но борьба между материнским инстинктом и возмущением все продолжалась. Она боялась теперь увидеть ребенка.

Встав около полудня, Джип осторожно спустилась вниз. Она себе даже не представляла, какой ожесточенной была в ней борьба вокруг его ребенка. По-настоящему она это почувствовала, только проходя мимо двери детской, где спала девочка. Если бы ей не предписали прекратить кормление, возможно, и не было бы этой внутренней борьбы. У нее сжималось сердце, но какой-то бес заставил ее пройти мимо двери. Внизу она тихо бродила взад и вперед, вытирала пыль с фарфора, наводила порядок в книжном шкафу: после уборки в доме горничная так постаралась расставить книги, что первые тома Диккенса и Теккерея и других авторов оказались вместе на верхней полке, а вторые тома на нижней. Но все время Джип думала: "Что мне до того, как все будет вылядеть в доме? Это не мой дом. Он никогда не будет моим!".

За завтраком она выпила немного крепкого бульона, продолжая разыгрывать недомогание. Потом села писать письмо. Надо на что-то решиться! Но ничего не приходило в голову - ни одного слова, она не

знала даже, как обратиться к нему. Горничная принесла записку от тетушки Розамунды и привела щенков, они принялись яростно драться за право овладеть вниманием хозяйки. Она опустилась на колени, чтобы разнять их, они же самозабвенно лизали ей щеки. И эта ласка словно ослабила железное кольцо, сжимавшее ей сердце. Нахлынула страшная тоска по ребенку. Сопровождаемая щенками, она поднялась наверх.

Вечером Джип написала открытку:

"Мы вернулись".

Он получит открытку только когда проснется, часов в одиннадцать; инстинктивно желая продлить передышку, она почти весь следующий день занималась покупками, стараясь ни о чем не думать. Вернувшись к вечернему чаю, она сразу поднялась к ребенку. Фьорсен был уже дома, он ушел со скрипкой в студию.

Джип потребовалось все ее самообладание. Скоро явится та девушка, она будет пробираться по темному, узкому переулку; может быть, в эту самую минуту ее пальцы барабанят в дверь; он открывает ей и бормочет: "Нет, она вернулась!" О, как та отпрянет от него! Быстрый шепот - уговариваются о другом месте свиданий! Губы к губам, и этот обожающий взгляд девушки; и вот она бежит прочь от захлопнутой двери, в темноту, разочарованная! А он сидит на роскошном диване и, грызя усы, смотрит своими кошачьими глазами на огонь. А потом, может быть, из его скрипки возникнут каскады звуков, в которых слезы, и ветер, и все, что когда-то околдовало ее!

- Приоткрой, пожалуйста, окно, Бетти, милая, очень душно.

Музыка... Нарастает, затихает! Почему она так трогает даже теперь, когда звучит для нее как издевательство? И Джип подумала: "Он, наверное, ждет, что я снова приду туда играть для него. Но я не приду, никогда!"

Она пошла в спальню, наскоро переделалась и спустилась вниз. Ее внимание привлекла маленькая фарфоровая пастушка на каминной полке. Она купила ее более трех лет назад, когда впервые приехала в Лондон; жизнь казалась ей тогда сплошным бесконечным котильоном, во главе которого танцевала она сама. Теперь пастушка стала равнодушным, хотя и изящным символом совсем иной жизни, бесцветной жизни без глубины и теней - несчастливой жизни.

Ей не пришлось долго ждать. Он скоро постучал в балконную дверь гостиной. Почему у людей, заглядывающих в окна из темноты, лица всегда кажутся голодными, ищущими, словно выпрашивающими то, что у вас есть и чего у них нет? Отодвигая задвижку, она думала: "Что я ему скажу?" Его пылкий взгляд, голос, руки - все казалось ей смешным; и особенно его разочарованный вид, когда она сказала:

- Осторожнее, я еще нездорова. Хорошо провел время у графа Росека? - И, помимо ее воли, вырвались слова: - Боюсь, что ты соскучился по студии!

У него забегали глаза; он принялся шагать взад и вперед по комнате.

- Соскучился! Соскучился по всему! Я был очень несчастен, Джип! Ты даже не представляешь, как я был несчастен. Да, несчастен, несчастен! - С каждым повторением этого слова голос его становился веселее. Опустившись на колени, он протянул длинные руки и обнял ее. - Ах, моя Джип! Я теперь буду совсем другим человеком!

Джип продолжала улыбаться. Чем еще могла она ответить на эти фальшивые излияния? Воспользовавшись тем, что он разжал руки, она поднялась и сказала:

- Ты знаешь, что в доме ребенок?

- Ах, ребенок? Я и забыл. Пойдем посмотрим на него.

- Иди один, - ответила Джип.

Наверное, он сейчас подумал: "За это она будет более нежна со мной". Неожиданно он повернулся и вышел.

Она постояла немного с закрытыми глазами - ей снова виделись студия, диван, дрожащая рука девушки. Она подбежала к роялю и начала играть полонез.

В этот вечер они обедали не дома, потом пошли в театр на "Сказки Гофмана". Все это позволяло еще немного оттянуть то, что она собиралась сказать. Когда они ехали в темной машине домой, она отодвинулась в угол под тем предлогом, что боится измять платье. Дважды она едва не закричала: "Я не Дафна Уинг!" Но каждый раз гордость глушила эти слова. Но какую другую причину может она придумать, чтобы закрыть перед ним дверь своей комнаты?

Дома она увидела в зеркало, что он стоит позади нее - он прокрался в спальню неслышно, как кошка. Кровь бросилась ей в лицо, и она сказала:

- Нет, Густав! Если тебе нужна подруга, ступай в студию.

Он отпрянул в сторону и, прислонившись к спинке кровати, уставился на нее; а Джип перед зеркалом продолжала спокойно вынимать шпильки из волос. Она видела, как у него дергаются, словно от боли, голова и руки. Потом, к ее удивлению, он вышел. И снова смутное раскаяние примешалось к охватившему ее чувству свободы. Она долго лежала без сна, глядя, как отблески огня то вспыхивают, то гаснут на потолке. Мелодии "Сказок Гофмана" проносились в ее голове, обрывки мыслей сплетались в возбужденном мозгу. Она наконец уснула. Ей приснилось, что она кормит голубей и одна из голубок - Дафна Уинг. Она вздрогнула и неожиданно проснулась. В свете камина она увидела его, он сидел согнувшись в ногах кровати. Он совсем такой, как в их первую свадебную ночь: то же самое голодное вожделение на лице, те же протянутые руки. Не дав ей сказать ни слова, он заговорил:

- О Джип! Ты не понимаешь! Все это - ничто... Только ты мне нужна! Я глупец. Я не умею владеть собою. Подумай, ведь тебя столько времени не было со мной!

Джил сказала твердым голосом:

- Я не хотела ребенка.

- Да. Но он у тебя теперь есть, и ты счастлива! Не будь беспощадной, моя Джип! Тебе больше идет быть милосердной. Эта девушка... все это прошло... Я клянусь! Я обещаю...

Джип подумала: "Как он посмел прийти и хныкать здесь вот так? У него нет нисколько достоинства - ни капли!"

- Как ты можешь обещать? Ведь ты заставил девушку полюбить тебя. Я видела ее лицо.

- Ты... ты видела ее?!

- Да.

- Она... дурочка! Она интересуется меня меньше, чем один твой мизинец. Какое это вообще имеет значение, если я ее не люблю? Душа, а не тело, вот где сохраняется верность...

- Нет, имеет значение! Особенно, если другой от этого страдает.

- Ты от этого страдаешь, моя Джип?

В голосе его прозвучала надежда. Но она ответила с удивлением:

- Я? Нет - она.

- Она? Но это ведь жизнь, опыт. Ей это не причинит никакого вреда.

- Еще бы! Никому не причинит вреда то, что доставляет тебе удовольствие!

После этой горькой отповеди он замолчал и долгое время только глубоко вздыхал. "Душа, а не тело хранит верность!" Но в конце концов, был ли он меньше верен ей, чем она ему, - не любившая, никогда не любившая его? Какое право у нее говорить все это, у нее, вышедшей за него замуж из-за тщеславия или из-за... чего?

Вдруг он воскликнул:

- Джип! Прости!

Она вздохнула и отвернулась.

Он склонился над ней. Она слышала, как он прерывисто дышит и всхлипывает; и вместе с вялостью и безнадежностью, овладевшими ею, она опять почувствовала к нему жалость. Не все ли равно? И она сказала разбитым голосом:

- Хорошо, я прощаю!

ГЛАВА XIV

Джип не верила, что Дафна Уинг для Фьорсена - дело прошлое. Ее скептицизм подсказывал ей: то, что Фьорсен обещает сделать, весьма отличается от того, как он поступит на деле, если только представится случай; тем более, что этот случай кто-то заботливо подготавливает для него.

После ее возвращения домой снова стал заходить Росек. Он, видимо, боялся повторить свою ошибку. Но это не обманывало Джип. Хотя самообладание Росека было полным контрастом безволию Фьорсена, она чувствовала, что поляк не прекратит своих домогательств; она понимала также, что он всячески будет стараться, чтобы Дафна Уинг получила возможность встречаться с ее мужем. Но гордость не позволяла ей упоминать о девушке. К тому же какой смысл говорить о ней? И Фьорсен и Росек - оба лгали бы ей; Росек потому, что понимал очевидную ошибочность своего тогдашнего поведения; а Фьорсен потому, что не в его характере было говорить правду, если только это могло доставить ему страдание.

Решив ждать и терпеть, она жила минутой, никогда не думая о будущем, не думая вообще ни о чем. Она вся отдалась ребенку. Наблюдая за девочкой, ощущая так близко ее тепло, она наконец

достигла того умиротворенного состояния, какое бывает у матерей. Но ребенок много спал, а кроме того, на него предъявляла права и Бетти. Эти часы были самыми тяжелыми. Взявшись за книгу, Джип тут же погружалась в размышления. С того вечера, когда она сделала свое открытие, она ни разу не перешагнула порога студии. Тетушка Розамунда бесплодно старалась вовлечь ее в жизнь общества; отец, хотя и наезжал, но гостил недолго: он боялся встретиться с Фьорсеном. Живя в таком! уединении, она постепенно стала больше сама заниматься музыкой; и однажды утром, раскопав где-то свои детские музыкальные сочинения, она приняла решение. Днем она вышла из дома и зашагала по февральским! морозным улицам.

Мосье Эдуард Армо жил на первом! этаже дома на Мерилбон-Род. Он принимал учеников в большой комнате, окна которой выходили в запущенный садик. Валлонец по рождению, человек необычайно жизнелюбивый, он никак не мог примириться со старостью и сохранял в сердце какой-то заветный уголок поклонение женщине. У него было страстное влечение ко всему новому, даже к новому в музыке.

Когда Джип появилась в этой хорошо памятной ей комнате, он сидел, запустив желтые пальцы в жесткие седые волосы. Он сурово посмотрел на Джип.

- Ага! - сказал он. - Мой маленький друг! Она вернулась! - И, подойдя к каминной доске, он вынул из вазы букетик пармских фиалок, принесенных кем-то из учеников, и сунул ей под самый нос. - Берите, берите! Ну, много ли вы забыли? Пойдемте-ка!

И, подхватив ее под локоть, он почти потащил ее к роялю.

- Снимайте шубу, садитесь!

Пока Джип снимала мантию, он глядел на нее выпуклыми карими глазами из-под нависших бровей. На ней была короткая темно-синяя блузка, вышитая павлинами и розами, она выглядела теплой и мягкой. Фьорсен, когда она надевала эту блузку, называл ее "колибри". Мосье Армо пристально глядел на нее, и в глазах его светилась тоска старого человека, который любит красоту, но знает, что время любоваться ею для него уже прошло.

- Сыграйте мне "Карнавал", - сказал он. - Вот мы сейчас увидим.

Джип начала играть. Он кивнул головой, постучал пальцами по зубам и сверкнул белками глаз, что означало: "Нет, это надо играть

по-другому!" Потом он вздохнул. Когда Джип кончила, он сел рядом, взял ее руку и, разглядывая пальцы, начал:

- Да, да! Испортили все, аккомпанируя этому скрипачу! Trop sympathique {Очень мило! (франц.)}! Хребет, хребет, вот что нужно выпрямить! Четыре часа в день, шесть недель, и дело у нас снова пойдет.

- У меня ребенок, мосье Армо.

- Что? Это трагедия! - Джип в ответ покачала головой. - Вы любите его? Ребенок!! Он пищит?

- Очень мало.

- Mon Dieu! Да, вы все так же красивы. Это много значит. Но что вы можете делать, если ребенок? А нельзя немножко освободиться от него? Тут талант в опасности. Скрипач... а теперь еще ребенок! C'est beaucoup! C'est trop! {Бог мой!.. Это чересчур! Это уж слишком! (франц.)}.

Джип улыбнулась. И мосье Армо, за суровой внешностью которого скрывалась добрая душа, погладил ее руку.

- Вы повзростели, мой маленький друг! - серьезно сказал он. - Не тревожьтесь, ничто еще не потеряно. Но - ребенок!.. Ладно! Мужайтесь! Мы еще повоюем!

Джип отвернулась, чтобы он не увидел, как дрожат ее губы. Запах греческого табака, которым пропитаны здесь все вещи, старые книги и ноты, как и сам хозяин; старые коричневые занавеси, запущенный маленький сад с кошачьими тропками и чахлым карликовым деревцом; сам мосье Армо, свирепо вращающий карими глазами, - все это возвращало ее к тем счастливым дням, когда она приходила сюда каждую неделю, веселая и щебечущая и в то же время важная, довольная его откровенным восхищением! ею; это было какое-то ликующее чувство, оно делало счастливыми и его и ее: ведь когда-нибудь она будет играть прекрасно!..

Снова загудел голос мосье Армо. Он говорил с грубоватой нежностью:

- Ладно, ладно! Единственное, чего нельзя излечить, - это старость. Вы хорошо сделали, что пришли, дитя мое. Если у вас не все идет так, как должно, вы скоро утешитесь. Музыка!.. В музыке вы можете найти забвение. В конце концов, мой маленький друг, никто

не отнимет у нас нашей мечты, - ни муж, ни жена, никто не может сделать этого. Будет и на нашей улице праздник!

Люди, которые преданно служат искусству, излучают какое-то обаяние. Она ушла в этот день от мосье Армо, захваченная его страстью к музыке. Это будет только справедливо, если она станет лечить свою жизнь дозами того, что испортило ее, - ведь на этом основана и гомеопатия. Теперь она отдавала музыке каждый свободный час; К мосье Армо она ходила два раза в неделю, хотя ее тревожил этот лишний расход: их материальное положение становилось все более затруднительным. Дома она настойчиво упражнялась и так же упорно работала над композицией. Уроки она брала всю весну и лето, написала за это время несколько песен, но еще больше оставалось у нее сделанного только вчерне. Мосье Армо был снисходителен, видимо, понимая, что суровая критика может убить ее порыв, как мороз убивает цветы. К тому же в ее сочинениях и в самом деле было что-то свежее и самобытное.

- Что думает о них ваш муж? - спросил он однажды.

- Я их ему не показываю.

Да, она никогда ничего не показывала ему: просто боялась, зная, как он высмеивает все, что раздражает его, а даже малейшая насмешка подорвала бы ее веру в себя, и без того уже похожую на чахлое растение. Единственным человеком, которому она, кроме учителя, показывала свои композиции, был как ни странно - Росек. Однажды, переписав какое-то ее сочинение, он удивился. Теплота, с которой он похвалил этот маленький "каприз", была, видимо, искренней; она была благодарна ему и играла другие свои вещи, а однажды песню, которую сочинила для него. С этого дня она начала питать к нему какое-то дружеское чувство и даже немного жалеть этого бледного, скрытного, загадочного человека; она наблюдала за ним то в гостиной, то в саду и видела: он все еще не потерял надежды на то, что его желание сбудется. Правда, он никогда не навязывал ей своих чувств, хотя она знала, что стоит ей подать малейший повод, и все началось бы сначала. Выражение его лица и его неистощимое терпение трогали ее. Она не могла сильно ненавидеть человека, который так обожал ее. Она советовалась с ним о долгах Фьорсена. Их уже накопилось несколько сот фунтов, не считая большого долга самому Росеку. Как он мог залезть в такие долги? Куда деваются

деньги, которые он зарабатывает? Его гонорары этим летом были высоки. Тратит ли он все на Дафну Уинг или и на других женщин?

Внимательно наблюдая за Фьорсеном, она убедилась, что с ним произошла какая-то перемена; что-то в нем словно бы сдало - все равно как в часах, когда все поворачиваешь и поворачиваешь ключ, пока не лопнет пружина. Но работал он еще упорнее, чем раньше. Она слышала издали, что он без конца повторяет какой-нибудь пассаж и словно никогда не бывает доволен. Но в игре его уже не было прежнего огня и широты: она стала более сухой, в ней чувствовалось какое-то разочарование. Как будто он говорил себе: "К чему все это?" И в его облике тоже что-то изменилось. Она знала, была убеждена, что он тайно пьет. Но почему? Из-за его размолвки с ней? Или из-за девушки? Или просто он унаследовал это от пьяниц-предков?

Джип старалась не задавать себе таких вопросов. Это привело бы ее к бесполезным спорам с собой, к новым признаниям в том, что она его не любит, к бесцельному осуждению этой девушки, - словом, к бесцельному отрицанию всего. Нет, все это безнадежно!

Фьорсен легко раздражался, и казалось, ее уроки музыки злят его, - он говорил о них с презрительной нетерпимостью. Она понимала, что он считает их любительскими. Его злило и то, что она много времени отдает ребенку. К девочке он относился странно: заходил в детскую, вызывая тревогу Бетти, забавлялся с дочерью минут десять, потом укладывал ее обратно в кроватку, глядел на нее мрачно или с усмешкой и удалялся. Иногда он заглядывал в детскую, когда там была Джип, и, молча посмотрев на ребенка, выводил ее.

Ее всегда мучила мысль, что она его совсем не любит, и еще больше сознание того, что она не только спасла его, а, по сути дела, столкнула под гору, - какая ирония судьбы, какая расплата за ее тщеславие! Она уступала его притязаниям, но эта уступчивость стоила ей неслыханного напряжения - она с каждым днем все больше отдалялась от него. Такова уж была ее натура: она способна была пассивно терпеть, пока что-то в ней не сломается, а после этого - конец!

Весна и лето прошли для Джип, словно какая-то засуха, когда облака маячат где-то страшно далеко, за завесой пыли; но вот они надвигаются все ближе и ближе, и наконец разражается гроза и оmyвает дождем истосковавшийся сад.

ГЛАВА XV

Первым настоящим летним днем в том году было десятое июля. Бывали и раньше хорошие дни, когда ветер дул с востока или севера; но теперь, после двух дождливых недель, солнце стало греть совсем по-летнему, мягкий ветерок приносил отовсюду аромат цветущих лип. В далеком углу сада, под деревьями, Бетти шила какие-то детские вещи, а ребенок крепко спал утренним сном. Джип стояла перед клумбой с ярким и нежным душистым горошком; у цветков были мелкие зеленые треугольные листочки и стебли с усиками, напоминающими усики насекомых.

Шорох шагов по гравию заставил ее обернуться, и она увидела Росека, выходящего из гостиной. Он поклонился и сказал:

- Густав еще спит. Я решил сначала повидаться с вами. Можем мы поговорить?

Поколебавшись секунду, Джип сняла садовые перчатки.

- Здесь? Или в гостиной?

- Если можно, в гостиной.

Чуть-чуть обеспокоенная, она пошла вперед и села в гостиной так, чтобы видеть Бетти и ребенка. Росек стоял, не произнося ни слова. Она невольно залюбовалась четким рисунком его чувственного рта, его безупречной элегантностью.

- О чем же вы хотите говорить?

- Боюсь, что о скверном деле. Что-то надо предпринять немедленно. Я пытался все это уладить, но они не хотят ждать. Они даже угрожают продать дом с молотка.

Джип воскликнула, возмущенная:

- Здесь почти все принадлежит мне!

Росек покачал головой.

- Договор на аренду дома составлен на его имя - вы только его жена. Кредиторы могут сделать это, уверяю вас. И я не в состоянии больше помогать ему - по крайней мере сейчас.

- Разумеется, нет! Вам не надо было вообще ему помогать. Я терпеть не могу... Сколько он всего должен?

- Около тысячи трехсот фунтов. Правда, это не так уж много. Но тут есть еще одно...

- Худшее?

Росек кивнул и продолжал:

- Вы опять подумаете, что я хочу извлечь какую-то выгоду для себя. Я не могу допустить, чтобы вы на этот раз так подумали.

Джип сделала нетерпеливое движение.

- Я не буду так думать. Пожалуйста, расскажите мне.

- Есть такой человек, по фамилии Уэгг, владелец похоронного бюро. Он отец одной девушки, которую вы знаете...

- Дафны Уинг?

- Да. Она ждет ребенка. Родители заставили ее все рассказать. Это означает, что ее контракты будут расторгнуты, и, конечно, со всеми последствиями.

Джип медленно проговорила:

- Пожалуйста, скажите: что может сделать этот мистер... мистер Уэгг?

- У него бешеный характер, а в бешенстве человек его круга опасен. Наверное, он захочет массу денег - ну, возможно, и крови тоже.

Он наклонился к ней и очень тихо сказал:

- Джип, год тому назад я говорил вам об этом. Вы тогда не поверили мне. Я сказал вам, что люблю вас. Теперь я люблю вас еще сильнее, во сто раз сильнее!.. Не вставайте! Я поднимусь к Густаву.

Он повернулся, и Джип решила, что он действительно уходит; но он остановился, едва перешагнув через порог балконной двери. Выражение его лица говорило о таком мучительном желании, что на минуту ей стало его жалко. Должно быть, Росек понял это - он внезапно обнял ее и попытался поцеловать в губы, но она отшатнулась, и он коснулся губами только ее шеи. Отпустив ее так же внезапно, он наклонил голову и вышел.

Джип вытерла ладонью след его поцелуя и, ошеломленная, подумала: "Что я сделала, чтобы со много смели так обращаться? Что я сделала?" Гнев против всех мужчин вспыхнул в ней. Подойдя к письменному столику, она достала адресную книгу и стала искать. А, вот - Уэгг, Френклэнд-стрит, Фулхэм. Сняв со спинки стула свою сумочку, она положила туда чековую книжку. Потом, стараясь ступать как можно бесшумнее, проскользнула через переднюю, взяла зонтик и выбежала на улицу.

Она поспешно шла в сторону Бэйкер-стрит. Заметив, что оставила дома перчатки, она завернула в первый попавшийся магазин, чтобы

купить себе пару. Выбирая перчатки, она на время забыла о том, что пережила несколько минут назад. Но на улице ее сердце снова наполнилось горечью. А день был такой чудесный: яркое солнце, голубое небо, ослепительно-белые облака; с империала автобуса она видела этот день во всем его сиянии. Ей вспомнился господин, который поцеловал ее в плечо на первом) ее балу. А теперь - еще это. Несмотря на бушевавший в ней гнев, она невольно почувствовала сострадание к этой девушке, глупенькой леденцовой девушке, жизнь которой искалечил ее муж. В Фулхэме Джип сошла на первом перекрестке и направилась пешком по довольно широкой улице с узкими серыми домами по обеим сторонам. Наконец она добралась до нужного ей дома. Когда она поднялась по только что вымытой лестнице, ей вдруг захотелось повернуться и убежать. Зачем, собственно, она пришла сюда?

Дверь ей открыла неряшливо одетая прислуга. Баранина! Запах баранины точно так, как говорила ей девушка!

- Мисс... мисс Дафна Уинг дома?

- Да. Мисс Дэйзи дома. Вы хотите видеть ее? Как доложить о вас?

И, открыв первую из двух дверей, окрашенных коричневой краской, она добавила:

- Присядьте. Я схожу за ней.

Войдя в комнату, Джип постаралась преодолеть внезапную слабость и ощущение тошноты. Стол, на который она оперлась рукой, был покрыт красной байкой - должно быть, чтобы он не пропитался бараньим жиром. В буфете красного дерева красовались судок для уксуса и масла и зеленое блюдо с румяными яблоками. Перед камином стоял экран в бамбуковой раме, расписанный белыми и желтыми маргаритками, а на каминной доске - пучок крашеного ковыля бледно-розового цвета. Стулья были обиты красным сафьяном, занавеси красно-коричневые, а стены - зеленые, и на них были развешаны гравюры Лэндсира {Лэндсир Э. Г. (1802-1873) - английский художник.}. Этот контраст зеленого и красного еще больше угнетал ее. Но вдруг глаза ее заблестели: она увидела на каминной полке маленькую фарфоровую вазу темно-синего цвета, стоявшую на черной подставке. Ваза была пуста. В этой комнате, куда все больше вторгался запах баранины, ваза казалась предметом из другого мира. Дафна Уинг, а не Дейзи Уэгг - вот кто, наверное, ее

поставил здесь, и это растрогало Джип: ваза показалась ей эмблемой растоптанной красоты, всего того, что эта девушка пыталась выразить в ее саду около года тому назад. Восточный фарфор, такой тонкий и красивый! Удивительно еще, как родители позволили осквернить комнату, поставив сюда такую вещь!

Она услышала вздох и обернулась. Девушка стояла спиной к двери с побледневшим, испуганным лицом. Джип подумала: "Она очень страдает". И протянула ей руку.

Дафна Уинг сказала, задыхаясь:

- О миссис Фьорсен!

Она поцеловала протянутую руку Джип. Новая перчатка стала влажной от слез. Потом девушка отошла к двери. Джип снова захлестнула волна ярости против мужчин; она почувствовала сострадание к этой девушке - ведь бедняжке вскоре суждено пройти через те муки, которые совсем недавно вытерпела она сама.

- Ничего, ничего, - сказала она ласково. - Вот только - что можно было бы сделать?

Дафна Уинг закрыла руками бледное лицо и зарыдала - так тихо и в то же время так горько, что Джип стоило огромного труда сдержать слезы. То было искреннее отчаяние человеческого существа, у которого отняли надежду, и силу, и главное - любовь; такие рыдания может вызвать у страдающего человека только дружеское участие. Джип овладел неистовый гнев против Фьорсена, который сделал из этой девушки забаву для себя, а потом вышвырнул ее вон. Ей казалось, что она видит, как он гонит ее прочь потому, что она надоела ему; гонит, выкрикивая вслед злые слова, оставляя одну переживать последствия своего безрассудного увлечения. Джип робко погладила вздрагивающее плечо девушки. Дафна Уинг проговорила прерывающимся голосом:

- О миссис Фьорсен, я так люблю его!

Болезненный приступ смеха охватил Джип, дрожь пробежала по всему ее телу. Дафна Уинг заметила это.

- Я знаю: это ужасно, - сказала она. - Но я люблю. А теперь он...

Она снова начала безутешно рыдать, и Джип, глубоко потрясенная, принялась гладить ее по плечу,

- О миссис Фьорсен, я так ужасно поступила с вами! Простите меня, пожалуйста, простите!

- Хорошо, хорошо! Не плачьте... Не плачьте...

Понемногу рыдания затихли, но девушка все еще стояла, опустив голову и закрыв лицо руками. Ах, эта красно-зеленая комната! И этот проникающий отовсюду запах баранины!

Наконец Дафна приоткрыла бледное лицо: губы ее уже не просили леденца. Она пробормотала:

- Вас, только вас он... он по-настоящему любит. А вы не любите его, как странно! О миссис Фьорсен, если бы только я могла увидеть его! Он не велел мне больше приходить, и я не осмелилась послушаться. Я не видела его уже три недели, с того самого дня, как рассказала ему обо всем. О, что же мне делать?

Теперь к жалости, которую испытывала Джип, примешалось возмущение: эта девушка готова снова приползти к мужчине, который так жестоко обошелся с ней. Дафна Уинг сказала печально:

- Я знаю, у меня нет никакой гордости. Мне все равно, что он сделает со мной или что скажет обо мне, - только бы увидеть его!

И снова возмущение Джип отступило перед состраданием.

- Сколько осталось ждать?

- Три месяца.

Три месяца жить в таком отчаянии!

- Я сделаю с собой что-нибудь ужасное! Теперь, когда я не могу танцевать, а они все знают, - жить просто невыносимо. Если бы я могла увидеть его, мне было бы легче. Я готова на все. Но я знаю, что ему больше не нужна. О миссис Фьорсен, как бы я хотела умереть! Как бы я хотела!

Тяжелый вздох вырвался у Джип и, неожиданно наклонившись, она поцеловала девушку в лоб. От ее кожи и волос еще исходил слабый запах флердоранжа, как в тот день, когда она спрашивала ее, стоит ли ей полюбить или нет; запах напоминал и о том вечере, когда она выпорхнула, словно бабочка, из темноты на лунный свет, кружась и трепеща, и тень ее трепетала перед ней. Стараясь рассеять напряжение, Джип показала на синюю вазу:

- Должно быть, это вы поставили ее здесь? Девушка ответила с жалкой готовностью:

- Она вам нравится? О, возьмите ее! Граф Росек подарил ее мне... О, это идет папа! Сейчас он войдет.

Джип услышала мужской кашель, потом стук поставленного в угол зонтика. Девушка вся сникла и отошла к буфету. Дверь отворилась: вошел мистер Уэгг, низенький, толстый, с седеющей бородой, в черной пиджачной паре. У него был вид благонамеренного англичанина, исправно посещающего церковь, пьющего херес и питающегося бараниной, словом, вид человека, который сумел сам пробить себе путь в жизни. Лицо, цвет которого свидетельствовал о застарелой болезни печени, было такое же толстое, как и его тело, но вовсе не злое. Только в маленьких серых свиных глазках притаилась злость. Привычно грубым голосом, несколько смягченным профессиональной угодливостью, он произнес:

- Да-а-а? С кем имею честь?..

- Миссис Фьорсен.

До нее отчетливо доносилось его дыхание; он пододвинул стул.

- Не хотите ли присесть? Джип покачала головой.

На лице мистера Уэгга почтительность боролась с каким-то более примитивным чувством. Достав большой, с черной каймой носовой платок, он высморкался, потом тем же платком непринужденно провел по лицу и, обернувшись к дочери, проворчал:

- Иди наверх.

Девушка быстро повернулась и вышла. Мистер Уэгг снова прокашлялся; по силе звука можно было судить, что у него мощная плотка.

- Могу я спросить, чему мы обязаны...

- Я пришла повидать вашу дочь.

Его маленькие глазки бегали, останавливаясь то на ее лице и ногах, то на собственной часовой цепочке, то на руках, которые он непрерывно потирал; потом он снова смотрел на Джип, не решаясь, однако, взглянуть ей прямо в глаза. Джип поразило крайнее смущение этого человека. Она словно читала его мысли: "Ну как я могу обсуждать такое дело с этой приятной молодой дамочкой, женой мерзавца, который погубил мою дочь? Щекотливая вещь - вот в чем дело!" Наконец он хрипло проговорил:

- Неприятная история, мэм". Не знаю даже, что и сказать. Право, не знаю. Как-то неловко, право, неловко.

Джип сказала спокойно:

- Ваша дочь сейчас очень страдает; в ее положении это нехорошо.

Толстая фигура мистера Уэгга, казалось, еще больше раздалась вширь.

- Простите меня, мэм, - пробормотал он, - но я должен назвать вашего мужа подлецом. Я сожалею, что приходится быть невежливым, но иначе я не могу. Если бы он оказался сейчас здесь, не знаю, смог ли бы я совладать с собой, - право, не знаю!

Видимо, приняв ее жест за выражение сочувствия, он продолжал сиплым голосом:

- Несколько деликатная тема для разговора с дамой, которая к тому же сама - пострадавшая сторона, но ведь у всех есть чувства! Я сразу сказал, что эти танцы - только вызов Провидению; но у женщины не больше здравого смысла, чем у яйца. Возьмите хотя бы ее мать! Карьера и прочее - подумаешь! Замечательная карьера! Я говорю вам, мэм, - я возмущен! Если этот мерзавец когда-нибудь встретится мне, я его отмечу, - человек я не молодой, но я отмечу его. А что сказать вам, - и сам не знаю. Подумать только: чтобы моя дочь так себя повела! Нет, это - оскорбление мне! А теперь имя ее затопчут в грязь, можно не сомневаться. Говорю вам откровенно: я надеялся, что вы об этом не узнаете, потому что, в конце концов, девушка уже наказана. А суды по бракоразводным делам - не очень-то это приятно, даже просто ужасно для порядочных людей. Имейте в виду: я не позволю своей дочери выйти за этого мошенника. Нет, не позволю, даже если вы разведетесь с ним. Пусть она так и несет свой позор!

Джип подняла голову и сказала:

- Никакого позора не будет, мистер Уэгг, если только вы сами до этого не доведете. Если бы незаметно отослать Дафну... Дэйзи... куда-нибудь в тихое место, пока все не кончится, тогда никто об этом я не узнает.

Рот мистера Уэгга слегка приоткрылся, его дыхание, наверно, слышно было на улице.

- Вы хотите сказать, мэм, что не собираетесь возбуждать судебное дело?

Джип утвердительно наклонила голову. Мистер Уэгг стоял молча, только его лицо, чем-то напоминающее мопса, слегка подергивалось.

- Ну что ж, - сказал он наконец. - Этого она, пожалуй, даже не заслуживает. Но не скрою: для меня это - огромное облегчение. И я

должен сказать, что в такой молодой и красивой даме, как вы, проявляется истинно христианский дух. - Джип снова покачала головой, но он продолжал: - Да, да, это так! Это говорю вам я, человек, который годится вам в отцы, и исправный прихожанин.

Он протянул ей руку. Джип подала ему свою, затянутую в перчатку.

- Я очень, очень сожалею, - сказала она. - Пожалуйста, будьте к ней добрее.

Мистер Уэгг стоял со скорбным видом, потирая руки.

- Я семьянин, - сказал он. - Семьянин с серьезным взглядом на жизнь; я никогда не думал, что подобное могло произойти в моей семье, - никогда'. Это... я не могу вам даже сказать, что это такое!

Джип взяла свой зонтик. Она чувствовала, что должна немедленно уйти; в любой момент этот человек может сказать что-либо вовсе уж невыносимое. К тому же запах баранины все усиливается.

- Мне очень жаль, - повторила она. - До свидания! - И она направилась к двери.

Она слышала, как он тяжело дышал, провожая ее. Мистер Уэгг пропустил ее вперед, держась за ручку входной двери. Его свиные глазки глядели на нее почти благоговейно.

- Да, - сказал он, - я очень счастлив, что имел честь познакомиться с вами; и, осмелюсь сказать, вы мне глубоко симпатичны. До свидания!

Джип жадно вдыхала свежий воздух. Щеки ее горели; словно ища какой-то защиты, она раскрыла зонтик. Бледное лицо девушки снова встало перед ней, и она услышала ее голос: "О миссис Фьорсен, как бы я хотела умереть! Как бы хотела!"

ГЛАВА XVI

Она шла под зонтиком, бессознательно стараясь держаться поближе к деревьям. В голове снова вихрем проносились все впечатления этого дня: Дафна Уинг; похожая на морду мопса физиономия мистера Уэгга; крашеный ковыль на камине, синяя ваза; Росек, бросающийся к ней; ее девочка, спящая под деревьями.

Она дошла до Кенсингтонского парка и села на скамью. Близился час завтрака; няньки с детскими колясками, старики, собаки - все спешили подкрепиться. Люди оглядывались на красивую молодую

женщину, которая празднично сидела и скучала в такой час, и пытались найти в ней хоть какой-нибудь недостаток - кривые ноги или что-нибудь еще. Джип не замечала ничего, кроме собак, которые то и дело на бегу обнюхивали ее колени. Она так долго приучала себя к равнодушию, так долго отказывалась смотреть в лицо действительности; но теперь этот барьер был сломан, и вот поток жизни захлестывает ее. "Процесс!" Тем, кто не поверяет своих личных дел даже ближайшим друзьям, и в голову не приходит возможность публичного обсуждения их бед; такая мысль, разумеется, никогда не возникала и у Джип. С горькой улыбкой она подумала: "Мне все же лучше, чем ей! А что, если бы я тоже любила его? Нет, я никогда, никогда не захочу любить. Женщины, которые любят, слишком много страдают".

Она просидела в парке долго, пока не вспомнила, что в три часа должна быть у мосье Арно, а было уже около трех. Она поднялась и зашатала по траве. Воздух был полон гудения пчел, ворковали голуби, мягко шелестели листья, доносился запах цветущих лип, по синему небу медленно плыли спокойные, пышные облака. А она - почему ей суждено быть такой несчастной?..

Какой-то пятнистый спаньель - жуликоватый пес с широкой головой и пушистым чубом на макушке - пристал к ней, ожидая, что она бросит свой зонтик в воду и велит его доставать, - иначе зачем же люди что-то носят в руках?

Мосье Арно шагал по комнате. Окна были открыты, но запах греческого табака еще не выветрился.

- Я уже думал, вы не придете, - сказал он. - Вы бледны. Это от жары? Или... - он пытливо посмотрел ей в лицо, - ...или кто-нибудь обидел вас, мой маленький друг?

Джип покачала головой.

- А! Ну да! Вы ничего мне не рассказываете; вы никому ничего не рассказываете! Вы прячете свое милое лицо, как закрывает цветок свою чашечку по ночам. В вашем возрасте, дитя мое, надо поверять кому-нибудь свои горести; тайные страдания - это для музыканта то же самое, что сильный ветер во время сева. Ну, расскажите-ка мне о своих бедах. Я уже давно собирался расспросить вас. Мы ведь только однажды бываем молоды. Я хочу видеть вас счастливой.

Станет ли ей легче, если она решится излить ему свою душу? Его карие глаза смотрели на нее вопросительно, как глаза старой собаки. Ей не хотелось обижать этого добряка. И все-таки это невозможно!

Мосье Армо сел за рояль. Опустив руки на клавиши, он обернулся к ней.

- Я люблю вас, знаете? Старики могут всей душой любить, хотя понимают тщетность своих чувств, и поэтому на них можно не сердиться. И все-таки нам доставляет удовольствие быть полезным юности и красоте; это согревает наши души. Расскажите мне о вашем горе.

Он подождал мгновение, потом сказал раздраженно:

- Ну, ладно, ладно! Перейдем к музыке!

Обычно он сидел рядом с ней у рояля, но сегодня остался стоять, словно собираясь быть особенно строгим. Джип начала играть. То ли потому, что нервы ее были напряжены до предела, то ли потому, что она не успела даже позавтракать, но играла она лучше, чем когда-либо прежде. То был полонез Шопена ля бемоль мажор, песня революции, которая всегда казалась ей недостижимой. Когда она кончила, мосье Армо взял ее руку и поднес к губам она почувствовала, как колется его щетинистая маленькая бородка. Подняв голову, она удовлетворенно вздохнула. Позади раздался насмешливый голос:

- Браво!

В дверях стоял Фьорсен.

- Мои поздравления, madame. Я давно уже хотел видеть вас под вдохновляющим воздействием вашего... учителя!

У Джип забилося сердце. Мосье Армо не шевелился, в глазах его был испуг.

Фьорсен сложил пальцы щепотью и чмокнул.

- Этот старый Панталоне! Фу-фу, ну и любовник!

Джип увидела, как задрожал старик; она вскочила и крикнула:

- Ты... ты... негодяй!

Она услышала голос мосье Армо:

- Прежде чем вы уйдете отсюда, monsieur, объясните мне вашу дурацкую выходку!

Фьорсен погрозил кулаком и вышел, что-то бормоча. Они услышали, как хлопнула входная дверь. Джип отвернулась к окну и стояла, глядя во двор. Даже сюда добралось лето. Листья чахлого

деревца блестели; в солнечном свете грелся черный кот с голубым бантом на шее. Из боковой улицы доносился голос торговли земляникой. Она знала, что мосье Армо все еще стоит, прижав ладонь ко рту, и ее мучило горе, угрызения совести. Так оскорбить этого доброго и безобидного старика! До такого издевательства ее муж еще не доходил. Она никогда не простит ему этого. Он оскорбил и ее, она не намерена больше терпеть! Она повернулась и протянула мосье Армо обе руки.

- Мне ужасно жаль! До свидания, дорогой, дорогой мосье Армо! Я приду в пятницу. - И, прежде чем он смог ее удержать, она ушла.

Как только Джип пересекла улицу и ступила на тротуар, она почувствовала, что кто-то схватил ее за платье, и увидела за собой Фьорсена. Она высвободилась и быстро пошла вперед. Неужели он решил устроить ей сцену прямо на улице? Он снова схватил ее за руку. Она повернулась и, глядя прямо ему в лицо, сказала ледяным тоном:

- Пожалуйста, не устраивай сцен на улице и не смей преследовать меня. Если хочешь поговорить со мной, можешь сделать это дома.

Она спокойно пошла вперед, но он все еще следовал за ней в нескольких шагах. Она подала знак первому проезжавшему такси.

- Бэри-стрит. Поскорее! - Она увидела, что Фьорсен бросился за ней, но не успел задержать ее. Он стоял как вкопанный, даже под широкополой шляпой было видно, что он смертельно бледен. Но она была так разгневана и подавлена, что ей было не до этого.

Она решила ехать к отцу. К Фьорсену она больше не вернется; но как забрать оттуда Бетти и ребенка?

Уинтон сейчас наверняка в своем клубе. Наклонившись к шоферу, она сказала:

- Нет. Хайд-ларк-корнер, пожалуйста.

Швейцар, который знал ее, крикнул мальчику: "Майора Уинтона - живо!", потом вышел из своей каморки, чтобы предложить ей стул и номер "Таймса".

Она сидела с газетой на коленях, лишь смутно видя окружающее: тощего старого джентльмена, который озабоченно взвешивался в углу; лакея в белых гетрах, проходившего мимо с чайным подносом в руках; несколько шляп, висевших на крючках; обитую зеленым сукном доску,

к которой были прикреплены полоски белой бумаги, напоминающие телеграфные ленты, и трех членов клуба, стоявших перед доской. Один из них, высокий, грузный, добродушный, в пенсне и белом жилете, снял соломенную шляпу и стал так, чтобы удобнее было смотреть на Джип и не казаться при этом назойливым, - должно быть, она ему понравилась. Потом мимо этой группки не спеша прошел ее отец; желая как можно скорее уйти из этого мужского святилища, она поднялась и встретила его на ступеньках лестницы.

- Мне надо поговорить с тобой, отец,

Он бросил на нее быстрый взгляд, взял шляпу и направился за ней к выходу. В машине он взял ее руку.

- Что случилось, дорогая?

- Я хочу вернуться к тебе. Я там больше не могу оставаться. Это... это... в общем - это конец.

Он крепко сжал ее пальцы, словно хотел избавить ее от необходимости говорить дальше. Джип продолжала:

- Но мне надо забрать ребенка; я боюсь, он попытается задержать девочку, чтобы заставить меня вернуться.

- Он сейчас дома?

- Не знаю. Я не сказала ему, что ухожу от него.

Уинтон посмотрел на часы.

- Ребенок гуляет в это время?

- Да, после чая. Когда становится прохладнее.

- Тогда я возьму эту машину. Ты оставайся у меня и приготовь для девочки комнату. Не волнуйся и не выходи из дома, пока я не вернусь.

Какой он чудесный: даже не задал ни одного вопроса!

Машина остановилась у дома на Бэрн-стрит. Он спросил спокойно;

- Собак тоже взять?

- Да. О, да! Он их не любит!

- Хорошо. На ночь устроим вас позже, когда я вернусь. На этот раз я не буду рисковать. Скажи миссис Марки, пусть даст тебе чаю.

Джип видела, как машина отъехала, как отец махнул ей рукой, и со вздохом тревоги и облегчения нажала кнопку звонка.

ГЛАВА XVII

Когда машина выехала на Сент-Джеймс-стрит, Уинтон приказал шоферу:

- Как можно скорее!

Слабый румянец проступил на его загорелых щеках; глаза зорко смотрели из-под полуопущенных век, губы были крепко сжаты. У него было выражение, какое бывает у охотника, когда из чащи выбегает лиса. Да, он не собирается рисковать - атаковать в лоб. Это он всегда успеет, если в том будет нужда. У него были более крепкие нервы, чем у многих других мужчин, и та стальная решимость и находчивость, которые делают англичан его круга очень упорными в малых делах. У дома Фьорсена он остановил машину, позвонил и осведомился о Джип, испытывая даже некоторое удовольствие от своей уловки.

- Ее нет, сэр. Мистер Фьорсен дома.

- А! А девочка?

- Дома, сэр.

- Я пройду к ней. Она в саду?

- Да, сэр.

- Собаки тоже там?

- Да, сэр. Не желаете ли чаю, сэр?

- Нет, спасибо. - Но как проделать все это, не вызвав сплетен и подозрений в сговоре с Джип? И он добавил: - Я буду пить чай, когда вернется миссис Фьорсен.

Выйдя в сад, он тут же убедился, что Фьорсен стоит у окна столовой и наблюдает за ним. Ребенок лежал под деревьями в дальнем конце сада; щенки с яростью бросились на Уинтона, но тут же успокоились, как только обнюхали его. Он подошел к детской коляске и, кивнув Бетти, наклонился над внучкой. Она лежала под кисейным пологом от мух и не спала. Ее большие карие глаза, уже похожие на глаза Джип, смотрели на него с торжественной серьезностью. Прищелкнув несколько раз языком, он стал так, чтобы самому видеть окна дома, а Бетти оказалась к дому спиной.

- Я пришел с поручением от вашей хозяйки, Бетти. Только не волнуйтесь. Не оглядывайтесь по сторонам, слушайте меня внимательно. Джип на Бэри-стрит и решила остаться там; она хочет, чтобы вы, ребенок и собаки перебрались к ней. - Толстуха вытаращила глаза и открыла рот; Уинтон положил руку на край коляски. - Спокойно! Идите с ребенком гулять как обычно. Сейчас как раз время. И ждите меня на углу Риджентс-парк. Я подъеду на машине и заберу

вас. Не суетитесь; не берите с собой ничего; делайте все так, как делаете обычно. Понятно?

Не в натуре таких толстух, на попечения которых к тому же доверенный им ребенок, получать подобные приказы и выполнять их, не задавая вопросов. Увидев, как изменилось ее лицо и начала вздыматься ее пышная грудь, он быстро добавил:

- Ну, Бетти, возьмите себя в руки! Джип ждет вас. Я все вам объясню в машине.

- Да, сэр! Бедная крошка! А как же ее ночное белье? И белье миссис Джип?

Помня о фигуре, все еще торчащей у окна столовой, Уинтон сделал вид, что играет с ребенком.

- Об этом не беспокойтесь. Как только увидите меня в окне гостиной, собирайтесь и идите. Смотрите прямо, Бетти! Не оглядывайтесь. Я буду прикрывать ваше отступление! Смотрите, не подведете Джип. Возьмите себя в руки.

С глубоким вздохом Бетти пробормотала: "Хорошо, сэр! О, господи!" - и завязала тесемки своего чепца. Уинтон кивнул ей и зашагал к дому. Он смотрел по сторонам, делая вид, что интересуется цветами, но заметил, что Фьорсен отошел от окна; войдя через балконную дверь гостиной, он быстро прошел в прихожую. Прежде чем отворить дверь в столовую, он прислушался. Фьорсен ходил по комнате из угла в угол. Он посмотрел на Уинтона запавшими глазами.

- Как поживаете? Джип нет дома? - спросил Уинтон.

- Нет.

Это "нет" вызвало в Уинтоне что-то вроде сочувствия. Жизнь без Джип! Но сердце его тут же снова ожесточилось. Этот парень - сущее ничтожество.

- Ребенок выглядит чудесно, - оказал он.

Фьорсен снова начал шагать взад и вперед.

- Где Джип? Она мне нужна.

- Еще не так поздно.

И вдруг Уинтон почувствовал отвращение к той роли, которую играл. Забрать ребенка, сделать все для спокойствия Джип - да! Но только не притворяться, что он ничего не знает. Повернувшись на каблуках, он вышел. Больше он не может кривить душой. Поняла ли его эта женщина? Он прошел в гостиную. Бетти с ребенком как раз

заворачивала за угол дома. Через пять минут они будут у парка. Он стоял, выжидая. Только бы этот тип не зашел сюда! Через стену он слышал, как тот все еще рассказывает по столовой. Как долго тянутся минуты - прошло всего три! Он услышал, как открылась дверь столовой и Фьорсен прошел через прихожую к выходной двери. Что ему там надо? К чему он прислушивается? И вдруг Уинтон услышал вздох - точь-в-точь такой же, какой когда-то, в давно прошедшие времена, не раз вырывался у него самого: он тогда ждал, прислушивался к шагам, томимый тоской и тревогой. Неужели этот малый и в самом деле ее любит? Почувствовав, что он словно шпионит за Фьорсеном, Уинтон вышел в переднюю и сказал:

- Ну что ж, я больше не буду ждать. До свидания! Слова: "Передайте привет Джип" - замерли у него на губах.

- До свидания, - отозвался Фьорсен:

Уинтон прошел под шпалерами, чувствуя, что одинокая фигура Фьорсена все еще маячит в полуоткрытой двери. Бетти уже не было видно, должно быть, она дошла до поворота. Его миссия удалась, но он не чувствовал подъема. Доехав до парка, он усадил в такси всю компанию, и машина с детской коляской, привязанной к крыше, на полной скорости помчалась вперед. Вместо обещанного Бетти объяснения он произнес лишь одну фразу:

- Завтра вы все поедете в Милденхэм.

И Бетти, которая боялась его еще с того разговора в Милденхэме много лет назад, взглянула на его профиль и не решилась задавать вопросов. Уинтон остановил машину у почтового отделения и послал телеграмму:

"Джип и ребенок у меня. Письмо следует. Уинтон".

Это облегчило его совесть; кроме того, это было необходимо, иначе Фьорсен мог обратиться в полицию. А теперь ему надо ждать, пока Джип не расскажет обо всем подробнее.

Было уже поздно, когда они начали этот разговор. Сидя у окна, на которое Марки в знак молчаливого одобрения поставил два горшка гортензий, купленных на собственный риск и страх, Джип приступила к своей исповеди. Она ничего не утаивала, рассказывая о жалком фиаско своего замужества. Когда она дошла до Дафны Уинг и открытия, сделанного ею в студии, она увидела, как судорожно задвигался огонек отцовской сигары. В ее доме, в ее собственном

доме! И после этого она продолжала жить с ним! Он не перебивал, но его молчание почти путало ее.

Перейдя к тому, что случилось сегодня, она заколебалась. Должна ли она рассказывать и о Росеке? Искренность взяла верх; и снова Уинтон не проронил ни слова. Когда она кончила, он встал и медленно загасил сигару о подоконник; увидев, в каком изнеможении она откинулась на спинку кресла, он только пробормотал: "Проклятие!" - и отвернулся к окну.

В этот час, когда в театрах идут к концу спектакля, печальная тишина опустилась на лондонские улицы, ее нарушили только крики какой-то полупьяной женщины, должно быть, поссорившейся со своим любовником на пути домой, да звуки скрипки уличного музыканта, пытающегося наверстать упущенное время. Эти звуки чем-то раздражали Уинтона, напоминая о двух проклятых иностранцах, которые посмели так обращаться с его Джип. Взять бы их на мушку пистолета или на кончик шпаги; проучить бы их как следует! Он услышал ее слова:

- Отец, я хотела бы заплатить его долги. Тогда все было бы так, словно я и не выходила за него замуж.

У него вырвался вздох отчаяния. Он не верил в то, что за зло надо воздавать добром.

- Я хочу быть уверенной, что у той девушки все будет в порядке, пока кончатся ее неприятности. Может быть, я могла бы использовать часть из тех... других денег?

Гнев, а не осуждение ее порыва заставил его поколебаться; деньги и месть никогда не соединялись в его мыслях.

- Я хочу чувствовать себя так, словно никогда не давала согласия выйти за него замуж. Может быть, его долги имеют к этому какое-то отношение, кто знает?

Какое сходство! Сходство во всем: в фигуре, откинувшейся на спинку старого кресла, в лице, утонувшем в тени! И восторг охватил Уинтона. Он снова обрел ее!

ГЛАВА XVIII

До тех пор, пока Фьорсен не уходил из дома, его спальня напоминала, как выражалась горничная, "суший хлев" - каждый день приходилось все основательно убирать и чистить. У него был особый талант устраивать беспорядок; комната выглядела так, будто в ней

ночевали трое мужчин, а не один. Одежда, башмаки, щетки, бокалы, газеты, французские романы, окурки сигарет - все это было разбросано где попало; застоявшийся запах табака ударял в нос слугам, приносившим чай и воду для бритья. Когда в утро этого дня горничная провела к нему Росека, Фьорсен лежал на спине, мечтательно следя за дымком своей сигареты и за четырьмя мухами, которые плясали в солнечном луче, пробившемся сквозь зеленые шторы. Обычно этот час перед вставанием был у него часом творческого подъема, когда ему полнее удавалось ощущать все очарование музыки, когда приходило вдохновение и желание донести его до людей. В последнее время он как-то выдохся и отупел; но этим утром он снова ощутил тот прилив фантазии, то трепетное состояние, когда чувства ищут форму для своего выражения, а ум находит ее. Услышав стук в дверь и шепот горничной: "К вам граф Росек, сэр", - он подумал: "Какого дьявола ему нужно?" Как и всякого одаренного человека, но плывущего по жизни без руля и ветрил, Фьорсена раздражал менее одаренный Росек, который, однако, всегда хорошо знал, чего он хочет.

Наверно, пришел говорить о деньгах или об этой девчонке. Как хорошо было бы, если бы девчонка умерла! Никчемное, примитивное создание!.. Ребенок! Господи! Каким он был ослом, о, каким ослом! Сначала ребенок у Джип, теперь у этой! Видит бог, он старался отвязаться от девушки, но попробуй отвязаться от репейника! Как она цеплялась за него! Он был терпелив, терпелив и ласков, но что поделаешь, если она ему надоела! Ему нужна только Джип, только его собственная жена! Теперь, когда он на какой-нибудь час-другой выбросил из головы всякие заботы и почувствовал себя счастливым, является этот тип с лицом сфинкса!

- А, Поль! Садись. Какие новые неприятности ты притащил?

Росек зажег сигарету. Его бледное лицо, на котором не было и тени улыбки, встревожило Фьорсена.

- Тебе бы следовало остерегаться мистера Уэгга, Густав; он вчера приходил ко мне. У него вовсе не музыка на уме.

Фьорсен сел на кровати.

- Черт бы побрал этого мистера Уэгга! Что он мне может сделать?

- Я не юрист, но представляю себе, что он способен доставить кучу неприятностей - уж очень молода девушка.

Фьорсен злобно взглянул на него и сказал:

- А зачем ты подсунул мне эту проклятую девчонку?

- Я этого не делал, мой друг.

- Нет, делал! В чем смысл твоей игры? Ты ведь ничего не делаешь без задних мыслей. Ты отлично это знаешь сам. Ну скажи, на чем ты играл?

- Ты любишь удовольствия, я полагаю.

Фьорсен проговорил с яростью:

- Послушай! С дружбой нашей покончено! Я никогда не знал тебя по-настоящему. Всему этому конец! Оставь меня в покое.

Росек ухмыльнулся.

- Дорогой мой, так дружбу не кончают. Ты должен мне тысячу фунтов.

- Хорошо, я их тебе верну. Жена даст мне займы.

- О! Значит, она все еще без ума от тебя? А я думал, что она любит только свои уроки музыки.

Поддавшись вперед, Фьорсен прошипел:

- Довольно об этом! Я отдам твою тысячу фунтов!

Росек, все еще улыбаясь, отвечал:

- Не будь ослом, Густав! Со скрипкой у плеча ты мужчина. Без нее ребенок. Лежи спокойно, мой друг, и думай о мистере Уэгге. Но лучше всего зайди ко мне потолковать обо всем. Пока до свидания. Успокойся. - И, стряхнув пепел сигареты в пепельницу, стоявшую у локтя Фьорсена, он удалился.

Фьорсен обхватил голову руками. Будь они все прокляты: и отец девчонки и сама девчонка, Росек и прочие акулы!.. Он вышел на площадку лестницы. В нижнем этаже стояла полная тишина. Росек ушел - скатертью дорога! Он позвал Джип - ответа не последовало. Он вошел в ее комнату, изящно убранную, полную аромата цикламена! Потом выплянул в сад. В дальнем углу стояла коляска ребенка, а рядом толстуха нянька. Джип нет! Ее никогда не бывает, когда она ему нужна... Уэгг! Он вздрогнул; вернувшись в спальню, достал из шкафчика бутылку коньяку и отпил немного. Это его успокоило; он запер шкафчик и начал одеваться.

Направляясь к студии, он задержался немного под деревьями, чтобы поиграть с девочкой. Бывали моменты, когда это крошечное создание с большими темными глазами, так похожими на глаза Джип, казалось ему очаровательным, а иногда она вызывала в нем только отвращение - какой-то бледный ублюдок! Этим утром, глядя на нее, он вдруг вспомнил о другом ребенке, который вот-вот появится на свет, и поморщился. Он уловил взгляд Бетти, выразивший испуг и удивление: как он смотрит на ее ненаглядную крошку! Фьорсен рассмеялся и пошел к студии. Настраивая скрипку, он вспомнил о том, как ведет себя Джип она давно уже не приходит вовремя! Это возмутило его, как горькая несправедливость. Как будто все дело в этой злосчастной девочке! Джип никогда не любила его, никогда не отвечала на его чувства, никогда не утоляла его жажду! Вот в чем суть дела. Ни одна другая женщина не заставляла его так томиться. Они всегда надоедали ему раньше, чем он им. А она не давала ему ничего. Неужели у нее нет сердца? Или оно отдано другому? Что это говорил Поль о ее уроках музыки? И вдруг его поразила мысль, что он ничего не знает - ровным счетом ничего! - о том, где она бывает и что делает. Уроки музыки? Почти каждый день она уходит из дому и пропадает целыми часами. Где? В объятиях другого мужчины? Он опустил скрипку в полном изнеможении. А почему бы и нет? Безудержная ревность, разжигаемая животной страстью, была в полной мере свойственна натуре Фьорсена. Он содрогнулся. Но, вспомнив об утонченности Джип, ее гордости и искренности, а главное, о ее пассивности, он успокоился. Нет, только не Джип!

Он подошел к столику, на котором стоял графин с водой, и, налив немного коньяку, выпил. Это придало ему сил, и он принялся играть. Взяв отрывок из концерта для скрипки Брамса, он снова и снова повторял его. Он видел, что в его игре все время сказываются одни и те же погрешности. Он просто не узнавал себя. Техника пальцев в этой вещи у него просто кошмарна!.. Джип берет уроки музыки... Гм! Зачем она их берет? Напрасная трата времени и денег - все равно из нее никогда ничего не получится, просто дилетантка. Там ли она сегодня? Давно пора завтракать, может быть, она вернулась?

Он пошел в дом. Никаких следов Джип. Горничная спросила, подавать ли ему завтрак. Нет! Хозяйка вернулась? Когда она должна вернуться? Она ничего не сказала? Он отправился в столовую, съел

бисквит и выпил коньяку с содовой. Это успокоило его. Он снова вернулся в гостиную и сел за письменный столик Джип. Как все аккуратно! На маленьком календаре подчеркнуто карандашом - среда, пятница. Для чего? Уроки музыки? Он достал из ящика ее адресную книгу. "Армо, 305-а, Мерилбон-род"; рядом с адресом приписка: "Три часа".

Три часа. Вот он, условленный час! Глаза его остановились на маленькой репродукции старинной картины: вакханка с развевающимся зеленым шарфом, размахивающая бубном перед обнаженным купидоном, который смотрит на нее снизу вверх, держа в руках лук и стрелы. Фьорсен перевернул картинку; на обратной стороне было нацарапано: "Моему маленькому другу - Э. А.". Фьорсен подошел к роялю. Он поднял крышку и начал играть, бессмысленно глядя перед собой, не понимая, что играет. Великий артист? В последнее время ему все стало безразлично - пусть даже он никогда больше не коснется скрипки. Надоело стоять перед морем тупых физиономий, смотреть, как эти болваны хлопают руками! Его тошнит от этого тупого однообразия!

Он встал, пошел в столовую и выпил еще немного коньяку. Джип не выносит, когда он пьет. Да, но какого черта ее так долго нет? Она берет уроки музыки. Уроки музыки! Уже почти три часа. Ну что же, он пойдет и посмотрит, чем она там занимается на самом деле, пойдет и предложит проводить ее домой! Знак внимания. Это ей должно понравиться. Все лучше, чем ждать, пока она соблаговолит вернуться да еще с безразличным видом. Он выпил еще коньяку, взял шляпу и вышел. Солнце палило, и, когда Фьорсен добрался до нужного дома, он почувствовал головокружение. Дверь открыла служанка.

- Я мистер Фьорсен. Миссис Фьорсен здесь?

- Да, сэр; желаете подождать?

Почему служанка так странно смотрит на него? Уродливая девка. Как отвратительны уродливые люди! Когда она вышла, он приоткрыл дверь гостиной и прислушался.

Шопен! Полонез ля бемоль мажор. Хорошо! Неужели это Джип? Очень хорошо! Он вышел из комнаты, двинулся по коридору и осторожно повернул ручку двери. Музыка прекратилась. Он вошел...

Когда Уинтон покинул его дом - это было через полтора часа после того, что произошло у Армо, - Фьорсен продолжал стоять у

входной двери. Подогретая коньяком! ревность, побудившая его оскорбить жену и старого мосье Армо, улеглась уже тогда, когда Джип заговорила с ним таким ледяным тоном на улице; с той минуты его не оставлял страх, возраставший с каждым мгновением. Простит ли она? Для него, который всегда действовал под впечатлением минуты, подчас даже не сознавая, что именно он делает и обижает ли этим кого-нибудь, самообладание Джип оставалось тайной и всегда немного пугало его. Куда она ушла? Почему не вернулась? Его страх все нарастал, подобно снежному кому, скатывающемуся с горы. А что если она не вернется вовсе? Нет, она должна вернуться: здесь ребенок, их ребенок!

Впервые при мысли о ребенке он почувствовал удовлетворение. Он отошел от двери и, выпив стаканчик коньяку с содовой, чтобы успокоиться, улегся на диване в гостиной. Чувствуя, как его согревает коньяк, он думал: "Я начну новую жизнь: брошу пить, брошу все, отошлю ребенка в деревню, увезу Джип в Париж, Берлин, Вену, Рим - куда угодно, только прочь из Англии, подальше от ее отца и от всей этой чопорной, скучной публики! Джип любит путешествовать!" Да, они будут счастливы. Прекрасные ночи... Упоительные дни... Чистый воздух, который не давит тебя и не принуждает пить... Подлинное вдохновение... Настоящая музыка! Запах цветущих каштанов на улицах Парижа, блеск Тиргартена, звуки серенад в переулках Флоренции, светлячки в итальянских сумерках - о, какие пьянящие воспоминания! Но тепло от коньяка проходило, он почувствовал озноб. Он закрыл глаза, решив поспать до прихода Джип. Но скоро снова открыл их, потому что ему стали мерещиться - с недавнего времени это бывало довольно часто - какие-то уродливые картины: отчетливые, меняющие форму лица - они становятся все отвратительнее, превращаются в дыры... дыры... дыры; гниль, кривые, корявые деревья, двойные, тройные, искаженные человеческие лица! О кошмар! Но когда он открыл глаза, все исчезло. Было очень тихо. Ни звука не доносилось сверху. Не слышно даже лая собак. Он встал и пошел взглянуть на ребенка.

Когда он проходил по передней, раздался звонок. Телеграмма! Он вскрыл ее. "Джип и ребенок у меня. Письмо следует. Уинтон".

Рассмеявшись, он захлопнул дверь перед носом рассыльного и побежал наверх. Напрасно! И здесь ни души! Значит ли это, что она

на самом деле его бросила? Он остановился у кровати Джип, рванулся вперед, упал поперек кровати, закрыл лицо руками и зарыдал, совершенно обессиленный выпитым коньяком. Неужели он потерял ее? Никогда не видеть, как закрываются ее глаза, никогда не целовать их? Никогда не любоваться ею? Он вскочил. Потерять ее? Нелепость! Этот невозмутимый дьявол англичанин, ее отец - да, это дело его рук, это он украл ребенка!

Он спустился вниз и выпил коньяку. Это подкрепило его. Что делать? "Письмо следует"! Идти на Бэри-стрит? Нет. Пить! Развлекаться!

Схватив шляпу, он выбежал и зашагал так быстро, что у него помутилось в голове; тогда он взял такси и велел ехать в один из ресторанов Сохо. После завтрака, как обычно, очень легкого, у него сегодня ничего не было во рту, кроме бисквита. Поэтому он заказал суп и бутылку лучшего кьянти - о какой-либо другой еде он и думать не мог. Так он просидел более двух часов, бледный и молчаливый; лоб его покрылся потом, он время от времени оскаливал зубы и жестикулировал, потешая одних посетителей и пугая других, сидящих близко от него. Если бы его не знали здесь, его поведение могло бы показаться подозрительным!. Около половины девятого он допил вино, встал, бросил на стол золотую монету и вышел, не дожидаясь сдачи.

Уже горели фонари, но дневной свет еще не совсем угас. Он брел нетвердой походкой, направляясь в сторону Пикадилли. Мимо шла проститутка, она взглянула на него. Тупо осклабясь, он схватил ее за руку; дальше они пошли вместе. Внезапно девушка остановилась и стала вырывать руку; на ее темноглазом напудренном лице проступил страх. Фьорсен не выпускал ее руки и смеялся.

- Пойдем, - говорил он. - Ты похожа на мою жену. Хочешь выпить?

Девушка покачала головой и вдруг резким рывком высвободила руку и, как ласточка, нырнула в подземный переход через улицу.

Фьорсен стоял, не двигаясь, и все смеялся. Второй раз за один день она ускользала от него. Прохожие с удивлением оборачивались. Чертовы уроды! Сделав гримасу, он пошел прочь от Пикадилли, миновал Сент-Джеймскую церковь и направился к Бэри-стрит. Разумеется, его туда не впустят! Но он только посмотрит в окна - там

у них на окнах ящики с цветами! И вдруг он громко простонал - перед ним встала Джип среди цветов, в их саду. Он дошел до угла улицы и увидел скрипача, который пиликал у водостока на старой скрипке. Фьорсен остановился послушать. Бедняга! "Паяцы"! Он положил руку на плечо скрипача.

- Послушай, друг, - сказал он, - дай-ка мне твою скрипку. Я великий скрипач. Я заработаю тебе немного денег.

- *Vraiment, monsieur?* {Правда, сударь? (франц.).}

- *Ah, vraiment. Voyons! Donnez... un instant... vous verrez...* {А, правда! Дай-ка... на минуту... ты увидишь (франц.).}

Скрипач, еще сомневаясь, но уже точно зачарованный, протянул ему скрипку; его темное лицо просветлело, когда он увидел, как неизвестный вскинул скрипку к плечу и как его пальцы управлялись со смычком и струнами. Фьорсен двинулся вперед по улице, ища дом с цветочными ящиками. Он увидел их, остановился и начал играть "Che farò" {"Что буду делать [без Эвриднки]?" - ария из оперы Глюка "Орфей"}. Он играл прекрасно на старой, разбитой скрипке; и скрипач, не отстававший от него ни на шаг, стоял и слушал, смущенный, завидующий, немного растерянный. Он играет, как ангел, этот долговязый, бледный *monsieur* со странным лицом, пьяными глазами и впалой грудью! Да, но все равно нелегко заработать деньги на улицах этого проклятого города! Можешь играть как сорок ангелов - и ни медяка! А тот начал новую мелодию - так и хватает за сердце... *tres joli, tout a fait esoeurant* {Очень красиво, прямо досада берет (франц.).}. Но вот, извольте, какой-то *monsieur* уже закрывает окна и задергивает шторы! Вечно одно и то же!.. Скрипка и смычок возвращены скрипачу вместе с кучкой серебра; а долговязый странный *monsieur* убегает, словно дьявол за ним гонится, - должно быть, здорово выпил парень! С болезненным ощущением, что его втянули в какую-то темную историю, хромым скрипач мрачно заковылял прочь, завернул за ближайший угол и почти целых две улицы шел, не останавливаясь. Потом, сосчитав серебро, которое Фьорсен положил ему в руку, и внимательно осмотрев скрипку, он сказал только одно слово: "Bigre" {К черту! (франц.).} - и отправился домой.

ГЛАВА XIX

Джип почти совсем" не спала. Трижды она вставала, крадучись подходила к двери и смотрела на спящего ребенка. Вчерашний день совершенно измучил ее. Ночь была душная, в ушах еще стояли звуки скрипки. По этой песенке Пуаза она сразу узнала Фьорсена; а по тому, как резко отец задернул шторы, она поняла, что ее предположение правильно. Если бы она увидела его, ее бы не так расстроил этот отголосок старых чувств. Фьорсен снова сковал цепь, которую еще вчера она считала разорванной навсегда. В рыданиях старой скрипки ей слышались его слова: "Прости меня, прости!" Насколько было бы легче бросить его, если бы она действительно его ненавидела! С ним трудно жить, но его трудно и ненавидеть! Он так податлив, а ненависть можно испытывать только к сильным людям. Ее возмущали поступки Фьорсена и он сам, когда он их совершал; но потом ей становилось ясно, что она так же не может ненавидеть его, как не может и любить. С рассветом к ней снова вернулись решимость и чувство реального. Лучше всего признать, что все безнадежно, и пусть сердце ожесточится снова!

Уинтон тоже провел бессонную ночь. Подумать только: играл на улице, под его окнами, словно нищий! Это уже предел всего! Он объявил за завтраком, что должен повидаться со своим адвокатом и выяснить, что надо сделать, чтобы Джип была избавлена от преследований. Возможно, потребуется составить какой-нибудь документ; он слабо разбирается в этих вещах. А пока ни Джип, ни ребенок не должны выходить из дома. Джип провела все утро за письмом к мосье Армо - она пыталась еще раз выразить свое огорчение, но умолчала о том, что порвала с Фьорсеном.

Уинтон вернулся из Вестминстера спокойный и злой. Ему с трудом растолковали, что ребенок является собственностью Фьорсена; так что если он пожелает его вернуть, они по закону не вправе этому препятствовать. Все это растравило его старую рану, заставив еще раз вспомнить, что его дочь одно время принадлежала другому отцу. Он заявил адвокату, что скорее Фьорсен угодит в преисподнюю, чем он это допустит, и распорядился составить письменное соглашение о разводе, которое предусматривало бы уплату всех долгов Фьорсена при условии, что он оставит в покое Джип и ребенка. Рассказав все это Джип, Уинтон поднялся наверх в комнату, где временно устроили детскую. До этого дня маленькое создание интересовало его лишь как

частица Джип; теперь ребенок стал для него чем-то самостоятельно существующим - эта крохотная темноглазая девчурка, которая серьезно смотрит на него, уцепившись за его палец. Вдруг ребенок улыбнулся - улыбка не отличалась особой прелестью, но она произвела на Уинтона неизгладимое впечатление.

Решив сначала уладить дело с соглашением о разводе, он отложил отъезд в Милденхэм; однако, "не доверяя ни на йоту этим двум негодьям", он настоял, чтобы ребенка не выносили гулять без двух сопровождающих и чтобы Джип тоже не выходила одна. Его осторожность дошла до того, что в пятницу он сам проводил Джип до дома мосье Армо и выразил желание зайти и пожать руку старику. Это была забавная встреча. Оба с трудом искали тему для разговора, словно были жителями разных планет. После того, как несколько минут прошло в дружелюбных поисках выхода из этого неловкого положения, Уинтон вышел, сказав, что подождет Джип, а она села за рояль.

Мосье Армо сказал спокойно:

- Вы прислали мне очень милое письмо, мой маленький друг, и ваш отец тоже очень любезен. Ну а ваш муж, собственно говоря, сделал мне комплимент! - Его улыбка как бы подчеркнула его смирение. - Итак, вы снова у отца! Когда же вы найдете свою судьбу, хотел бы я знать?

- Никогда!

- О, вы так думаете? Нет, это невозможно! Но хорошо, не станем злоупотреблять временем вашего отца. За работу!

Уинтон, когда они ехали домой, кратко сказал:

- Славный старикан!

На Бэри-стрит их ждала взволнованная горничная Джип. Утром она пошла прибирать в студию и увидела, что хозяин сидит на диване, обхватив голову, и ужасно стонет.

- Он не возвращался домой, мэм, с тех пор, как вы... отправились в гости. Я не знала, что делать, побежала за кухаркой, и мы уложили его в постель. И я не знала, где вы, мэм, и позвонила графу Росеку, и он пришел надеюсь, я не поступила неправильно? Он послал меня сюда, к вам. Доктор говорит, что у мистера Фьорсена что-то неладное с мозгом, он все время зовет вас, мэм. И я не знала, как мне быть.

Джип, у которой побледнели даже губы, сказала:

- Подождите здесь, Эллен. - Она вышла в столовую, Уинтон последовал за ней.

- Ах, отец, что же мне делать? Болезнь мозга. Подумай только, как страшно чувствовать, что это я виной всему! Я должна поехать и увидеть его. Если на самом деле так, я этого не перенесу. Боюсь, что мне надо ехать, отец.

Уинтон кивнул.

- Я тоже поеду, - сказал он. - Пусть горничная возвращается и скажет, что мы скоро будем.

Бросив прощальный взгляд на ребенка, Джип подумала с горечью: "Вот она моя судьба, и никуда мне от нее не уйти!" По дороге Джип и Уинтон молчали, она только крепко держала его за руку. Пока кухарка бегала наверх сообщить Росеку, что они приехали, Джип стояла у окна и смотрела в сад. Прошло всего два дня с тех пор, как она стояла в саду и ухаживала за своим душистым горошком; а здесь, на этом самом месте, Росек тогда поцеловал ее в шею! Взяв Уинтона под руку, она сказала:

- Отец, пожалуйста, не придавай значения этому поцелую. Это ведь пустяки!

Через минуту вошел Росек. Она еще не успела заговорить, как Уинтон отчеканил:

- Сейчас, когда моя дочь дома, нет больше нужды в ваших любезных услугах. До свидания!

Джип чуть подалась вперед. Она видела, что эти скупые слова пронзили латы Росека, как шпага пронзает оберточную бумагу. Росек поклонился с деланной улыбкой и вышел. Уинтон пошел за ним - словно опасаясь, что тот прихватит с собой чужую шляпу из передней. Когда входная дверь захлопнулась, он вернулся и сказал:

- Думаю, он больше не будет тебя беспокоить.

Джип была благодарна ему, и в то же время ей стало жаль Росека. Ведь вина его была только в том, что он влюбился в нее.

Фьорсена перенесли в комнату Джип, более просторную и прохладную. Внезапно он открыл глаза:

- Джип! Это ты? Как много страшного мне привиделось - не уходи больше! О Джип! - Он приподнялся и прижался лбом к ее руке. И Джип почувствовала как и в ту ночь, когда он впервые пришел

домой пьяный, - что в ней нет уже ничего, кроме желания защитить его.

- Все будет хорошо! - пробормотала она. - Я останусь. Лежи спокойно, и ты скоро поправишься.

Через четверть часа он уснул. Выражение страха, которое во сне то и дело появлялось и исчезало на его лице, тронуло ее сердце. Ведь болезни мозга так страшны! Она должна остаться: его выздоровление зависит от нее. Она неподвижно сидела возле него до тех пор, пока явился врач и позвал ее.

У доктора был добродушный вид, он носил две жилетки и, разговаривая, все подмигивал Джип; с каждым таким подмигиванием ей казалось, что он приподымает завесу еще над какой-то ее семейной тайной. Главное дело покой! Что-то угнетает его - да! И... гм... некоторая склонность к... коньяку! Это - прекратить! Не только нервы, не в порядке и желудок. У него видения - страшные видения - верный признак! Не совсем воздержанная жизнь до женитьбы. Женат... Как долго? - Добрые глаза доктора оглядели Джип с ног до головы. - Полтора года? Всего-то! Много играет на скрипке? Не сомневаюсь! Музыканты часто склонны к неумеренности... Слишком развито чувство красоты... жгут свечу с обоих концов! Она должна за этим присмотреть. Она, кажется, уезжала, не правда ли? Живет у отца. М-да. Никто не обеспечит лучшего ухода, чем жена. Лечение? Что ж! Принимать лекарство, которое он пропишет, утром и на ночь. Полный покой. Ничего возбуждающего. Чашечка крепкого кофе без молока, если почувствует слабость. Лежать в постели. Не волноваться, не расстраиваться. Еще молод. Сил у него хватит. Оснований для беспокойства пока нет. Завтра будет видно, нужна ли ночная сиделка. На месяц забыть скрипку, никакого алкоголя, строгая умеренность во всех отношениях. Подмигнув в последний раз и сделав ударение на слове "умеренность", доктор вытащил вечное перо и что-то нацарапал на листке записной книжки, пожал руку Джип, улыбнулся, застегнул верхнюю жилетку и удалился.

Джип вернулась на свое место возле кровати. Какая ирония! Единственным ее желанием было освободиться, и вот она оказалась главным виновником его болезни! Если бы не она, ничто не угнетало бы его мозг; он даже мог быть еще неженатым! Его пьянство, долги, даже эта девушка - может быть, и всему этому виной тоже она? Она

собиралась освободить и его и себя - и вот итог! Неужели есть в ней нечто роковое, что всегда приносит несчастье мужчинам, которых она встречала в жизни? Она причинила горе отцу, мосье Армю, Росеку, собственному мужу. А до замужества - сколько людей искало ее любви и уходило от нее несчастными? Подойдя к зеркалу, она долго и грустно вглядывалась в свое лицо.

ГЛАВА XX

Через три дня после своей неудавшейся попытки уйти от Фьорсена Джип написала Дафне Уинг; она сообщила ей о болезни Фьорсена, упомянула о коттедже близ Милденхэма, где, если Дафна пожелает, можно удобно устроиться и укрыться от любопытных; в конце письма Джип просила разрешения возместить убытки, связанные с расторжением контрактов.

На следующее утро она увидела в своей гостиной мистера Уэгга. Он стоял посреди комнаты, держа в руке цилиндр, обвитый креповой лентой; на руках у него были черные перчатки. Он глядел в окно, словно желая воскресить в памяти Джип ту теплую ночь, когда луна бросала таинственные отблески на подсолнечники, а его дочь танцевала в саду. Ей хорошо была видна его толстая красная шея, отложной воротничок, повязанный черным галстуком поверх сверкающей белой рубашки. Протягивая руку, она сказала:

- Как поживаете, мистер Уэгг? Очень мило, что вы пришли!

Мистер Уэгг обернулся. Он выглядел явно озабоченным.

- Надеюсь, вы в добром здравии, мэм? У вас здесь прекрасный уголок. Я сам без ума от цветов. Всегда увлекался ими.

- Цветы в Лондоне - большое утешение.

- Да-а-а. Мне кажется, вы могли бы выращивать здесь георгины. - Отдав дань *savoir faire* {Хорошему тону (франц.).} и смутному желанию немного польстить ей, он перешел к делу: - Моя дочь показала мне ваше письмо. Я решил не писать вам: в таких деликатных делах я предпочитаю говорить лично. По-моему, вы крайне любезны, если учесть ваше положение. Я сам тоже всегда стараюсь поступать по-христиански. Жизнь преходяща; никогда не знаешь, когда наступит твой черед. Я сказал дочери, что пойду и повидаюсь с вами.

- Очень рада. Я надеялась, что вы придете. Мистер Уэгг откашлялся и продолжал:

- Я не хочу говорить ничего плохого в вашем присутствии о некоем лице; тем более, что, как видно из письма, человек этот болен; но, право же, не знаю, как мне поступить в создавшемся положении. Мне неприятно думать о деньгах в связи с этим делом; но в то же время моя дочь потерпела убытки, очень серьезные убытки. Мне приходится думать о чести своей семьи. Имя дочери - это мое собственное имя; и, должен сказать, я пользуюсь уважением, - как исправный прихожанин, кажется, я уже говорил вам. Иногда, уверяю вас, я чувствую, что не могу совладать с собой, и только вот... вы... если позволено будет сказать, только вы удерживаете меня в границах.

Его руки в черных перчатках то сжимались в кулаки, то разжимались, ноги в огромных сверкающих ботинках нервно переступали. Джип смотрела на эти ботинки, не решаясь взглянуть ему в глаза, а он продолжал разлагольствоваться то о христианстве и чести, то о деньгах и мирских делах, то возвращался снова к своей обиде, то заговаривал опять о Джип.

- Пожалуйста, мистер Уэгг, позвольте мне сделать то, о чем я просила. Я была бы несчастлива, если бы не могла помочь хоть чем-нибудь.

Мистер Уэгг высморкался.

- Дело весьма деликатное, - сказал он. - Даже и не знаю, что велит мне долг. Право, не знаю..

Джип взглянула на него.

- Самое главное - избавить Дейэи от страданий, не правда ли? - сказала она.

Лицо мистера Уэгга приняло такое выражение, словно он подумал: "Страдания? Предоставьте страдать отцу!" Но он колебался. В его маленьких глазках мелькнуло на мгновение что-то вроде мужского восхищения, он отвел глаза и кашлянул. Джип сказала мягко:

- Доставьте мне удовольствие!

Мистер Уэгг в замешательстве поглядел на ее талию. Он ответил, всячески стараясь смягчить голос:

- Если уж вы так ставите вопрос, я, право, не знаю, как и отказаться; но совершенно между нами - я не могу изменить своего мнения обо всем этом".

- Разумеется. Очень вам благодарна; потом вы мне сообщите. А теперь я не буду отнимать вашего времени. - И она протянула ему руку.

Мистер Уэгг взял ее руку и немного помедлил.

- Да, да, я как раз условился о встрече, - сказал он, - с одним джентльменом в Кэмпден-Хилл. Он начинает работать с двенадцати. Я никогда не опаздываю. Всего доброго!

Проследив глазами, как его квадратная черная фигура исчезает в воротах и как он важно застегивает свои плянцевитые перчатки, она пошла наверх и тщательно вымыла лицо и руки.

В течение нескольких дней Фьорсену становилось то хуже, то лучше; но, видимо, кризис миновал, и теперь с каждым часом опасность уменьшалась. После двух недель безупречной жизни не оставалось ничего другого, как, по словам доктора, "подышать морским воздухом" и "избегать всяких предрасполагающих причин". Джип выключила из его обихода все эти причины, в том числе и самое себя; пока он был еще слаб, она могла держать его в руках. Но она пережила несколько горьких часов, прежде чем послала за ребенком, Бетти и собаками и окончательно решила поселиться в своем доме. Долги Фьорсена были уплачены, включая тысячу фунтов Росеку, были возмещены убытки Дафне Уинг.

Девушка поселилась в коттедже, возле Милденхэма, где никто ничего не знал о ней, и коротала время в одиночестве и страхе, облачившись в черное платье и украсив золотым кольцом средний палец на руке.

Август и первую половину сентября Джип и Фьорсен провели возле Будэ. Страсть Фьорсена к морю сдерживала его и не давала проявлять свой нрав. Он пережил сильный испуг, а такой испуг нелегко забывается. Они жили на ферме; общаясь с простыми людьми, он показывал себя с лучшей стороны, а лучшие его свойства могли даже восхищать. Он все время старался оторвать свою "русалку" от ребенка, оторвать для себя одного, увести куда-нибудь на поросшие травой склоны, на скалы или на пляж. Для него было великим наслаждением находить каждый день какую-нибудь новую бухточку, где они могли купаться и греться на солнце. Она и вправду была похожа на русалку, когда сидела на покрытом морскими водорослями камне, опустив ноги в воду и расчесывая пальцами мокрые волосы.

Если бы она любила его! Но хотя на лоне природы ей было легче с ним, сердце ее никогда для него не раскрывалось, никогда не трепетало при звуке его голоса и не билось сильнее от его поцелуев. Она часто заглядывалась на ребенка, и даже такой себялюбец, как Фьорсен, замечал, что выражение ее глаз в эти минуты бывает совсем другим, чем когда она смотрит на него.

Но вот погода испортилась, он стал все чаще проявлять беспокойство, требовать свою скрипку, и они вернулись в Лондон, поздоровевшие и крепкие. Джип не покидало чувство, что все это - только временное затишье; после их возвращения это чувство начало сгущаться, как сгущаются в небе тучи после хорошей погоды. Она часто думала о Дафне Уинг, написала ей и получила ответ:

"Дорогая миссис Фьорсен,

О, какая вы милая, что написали мне; я ведь знаю, как вы должны ко мне относиться; какая вы добрая, что дали мне возможность приехать сюда. Я стараюсь не думать ни о чем, но это, конечно, очень трудно; и меня уже не трогает то, что должно произойти. Мать приедет сюда позднее. Иногда я лежу ночью без сна и прислушиваюсь к ветру. Не правда ли, ветер - самая печальная вещь на свете? Интересно, умру ли я? Я надеюсь, что умру. О да, правда! До свидания, дорогая миссис Фьорсен, я никогда не прошу себе, что причинила вам столько горя.

Благодарная вам

Дафна Уинг".

Ни она, ни Фьорсен ни разу не упомянули о девушке; Джип даже не знала, думает ли он когда-либо о маленькой танцовщице, знает ли о том, что с ней случилось. Но теперь, когда срок родов приближался, Джип с каждым днем все сильнее чувствовала, что должна съездить и повидаться с ней. Она написала отцу, который вернулся в Милденхэм после курса лечения в Херрогэйте вместе с тетушкой Розамундой. Уинтон ответил, что при девушке есть сиделка и, кажется, еще какая-то женщина, должно быть, ее мать, хотя точных справок он, конечно, не наводил. Не может ли Джип приехать? Он один, а сейчас как раз началась охота на молодых лис. Как это похоже было на него - скрывать тоску под такими сухими фразами! Подумав о том, что она доставит ему удовольствие и к тому же предстоит охота с гончими, она твердо решила ехать. Девочка была здорова, Фьорсен не пил, она

вполне могла позволить себе спокойно этот маленький отпуск и, кстати, успокоить свою совесть - повидаться с Дафной Уинг. После возвращения с моря она, как и прежде, сопровождала Фьорсену в студии; уловив подходящий момент в конце их утреннего занятия, она сказала:

- Я хочу поехать сегодня в Милденхэм на неделю. Отец там очень одинок.

Она заметила, как покраснела его шея.

- К нему? Нет! Он украдет тебя, как уже украл однажды ребенка. Пусть возьмет девочку, если хочет. Но не тебя. Нет!

Эта неожиданная вспышка возмутила ее. Она никогда не просила его ни о чем, и ему не следовало бы ей отказывать. Фьорсен подошел к ней и обнял ее.

- Моя Джип, ты нужна мне здесь - я тоже одинок. Не уезжай!

Она пыталась разнять его руки, но не могла; гнев ее усиливался. Она сказала холодно:

- Есть еще одна причина.

- Нет никаких серьезных причин отнимать тебя у меня.

- Девушка, которая должна родить твоего ребенка, живет возле Милденхэма, я хочу познакомиться с ней.

Он отшатнулся, подошел к дивану и сел. Джип подумала: "Очень жаль, но так ему и надо".

- Она может умереть. Я должна ехать; но тебе нечего бояться: я вернусь ровно через неделю. Обещаю.

Он пристально смотрел на нее.

- Да. Ты не нарушаешь своих обещаний. Не нарушишь и этого. - Но вдруг он снова сказал: - Джип, не уезжай!

- Я должна.

Он крепко обнял ее.

- Тогда скажи, что ты любишь меня!

Но этого она не могла сказать. Одно дело - мириться с его объятиями, а другое - притворяться, что любишь. Когда он наконец ушел, она принялась опрашивать волосы, глядя перед собой пустыми глазами и думая: "Здесь! В этой комнате, где я видела его с той девушкой! Какие все-таки животные эти мужчины!"

К вечеру она добралась до Милденхэма. Уинтон встретил ее на станции. Дорога шла мимо коттеджа, где жила Дафна Уинг. Он стоял

перед небольшой рощицей; это был маленький, увитый плющом кирпичный домик с незатейливым фасадом и садиком, где было полно подсолнечников.

Дом занимал старый жокей Петтенс вместе с вдовой-дочерью и ее тремя маленькими детьми. "Болтливый старый мошенник", как называл его Уинтон, все еще работал на милденхэмской конюшне, а дочь его была прачкой. Джип наняла для Дафны Уинг ту же сиделку, которая когда-то ухаживала за ней самой; главным жрецом был назначен все тот же старый доктор. В коттедже не было заметно никаких признаков жизни, и она решила не останавливаться; ей не терпелось снова очутиться в Милденхэме, увидеть старые комнаты, вдохнуть знакомый запах дома, сбегать к своей старой кобыле, которая начнет обнюхивать ее в поисках сахара. Как хорошо снова вернуться сюда сильной и здоровой, готовой опять вскочить в седло! Ее обрадовала улыбка Марки, встретившего их у входа, обрадовала даже темная прихожая, где луч солнца освещал шкуру первого убитого Уинтоном тигра, на которую она так часто валилась, смертельно устав после охоты.

В стойле старый Петтенс щеткой наводил последний лоск на ее кобылу. Его бритое лицо с впалыми щеками широко улыбалось.

- Добрый вечер, мисс; прекрасный вечер, мем! - Его горящие карие глаза, уже тускнеющие от старости, любовно оглядывали ее.

- А, Петтенс, как поживаете? Как Энни? И дети? Как моя старая любимица?

- Великолечно, мисс; резва, как котенок. Понесет вас словно птица, если вы только пожелаете завтра поехать.

- А как ее ноги? - Джип провела рукой сверху вниз по крепким ногам кобылы.

- Жиру у нее не прибавилось с тех пор, как она вернулась; ее ведь здесь не было весь июль и август; но я следил за ней, все ждал, что вы приедете.

- На ощупь они великолепны! - Все еще не разгибаясь, Джип спросила: - А как ваша жилица? Та молодая дама, которую я прислала вам?

- Видите ли, мэм, она очень молода, а эти молодые дамы, знаете ли, всегда бывают очень возбуждены в такое время. Я бы сказал, что она еще никогда... - он с явным трудом сдержался, - ...что она никогда

раньше не садилась на лошадь. Что ж, этого можно было ожидать. А ее мать - вот уж странная особа! Очень она действует мне на нервы! О, она вот где у меня сидит. Невысокая порода, вот в чем тут дело. Зато сиделка, мисс, - у той этого нет. Вот такие-то дела. Да и как же этой даме не нервничать, - такая молодая и уже потеряла мужа...

Еще не поглядев на него, Джип почувствовала его умную старческую ухмылку. Но какое это имеет значение, если он даже и догадывается? Он умеет хранить секреты конюшни.

- О, там было немало всяких перепалок и слез, помилуй бог! Я сплю в соседней комнате, - о да, по ночам, когда ты стар и вдов, ничего не остается, как слушать. Помню, служил я в Ирландии у капитана О'Нэйла, так там была одна молодая женщина...

Джип подумала: "Придется его прервать, иначе я опоздаю к обеду". И она спросила:

- Петтенс, а кто купил нашего молодого гнедого?

- Мистер Брайан Саммерхэй из Уидрингтона, мисс. Он купил его для охоты и в упряжку, когда живет в городе, мисс,

- Саммерхэй? А! - Джип вспомнила молодого человека с ясными глазами и немного задорной улыбкой, скакавшего на караковой кобыле. Этот смелый молодой ездок кого-то ей напомнил тогда.

- Я думаю, гнедой попал в хорошие руки?

- О да, мисс, в хорошие руки и к очень приятному джентльмену. Когда он приехал сюда посмотреть лошадь, он спрашивал про вас. Я сказал ему, что вы теперь уже замужняя дама, мисс. "А! - сказал он. - Она так великолепно ездит верхом!" Он отлично запомнил гнедого. Майора не было тогда дома, и я дал ему его испытать. Он перескочил через несколько изгородей. А когда вернулся, говорит: "Ну что ж, я купил бы его". Очень приятно разговаривал и не терял времени даром. Лошадь у него уже с конца прошлой недели. Будет ходить под ним хорошо: он неплохой ездок, смелый, только, я бы сказал, рука не очень твердая.

- Ну, Петтенс! Мне пора идти. Скажите Энн, что я завтра заеду к ней.

- Хорошо, мисс. Сбор собак в Фили Кросс в семь тридцать. Значит, вы поедете?

- Скорее всего. Спокойной ночи. Джип бежала через двор и думала:

"Она великолепно ездит верхом!.." Как приятно! Я рада, что он купил моего гнедого.

ГЛАВА XXI

На следующий день, проведя все утро в седле, Джип отправилась пешком в коттедж. Был один из тех томительных мягких дней конца сентября, когда ветерок, еще по-летнему теплый, колышет стерню, а живые изгороди еще блестят от ночной росы. Узкая тропинка шла через два поля, через узкий клин деревенского выгона, где на цветущих кустах дрока сушились холсты, и снова через поле. Джип никого не встретила. Перейдя через дорогу, она вошла в садик. Подсолнечники и астры выстроились вдоль низкой кирпичной стены, под уже пожелтевшими тополями. Возле дома, под открытым окном, стоял стул с оставленным на нем журналом. Единственным признаком жизни был дымок, подымавшийся из трубы. Джип в нерешительности стояла перед полуоткрытой дверью; слишком уж все было безмолвно, тишина казалась ей неестественной. Она уже подняла руку, чтобы постучать, как вдруг услышала подавленные рыдания. Заглянув в окно, она увидела женщину в зеленом, видимо, миссис Уэгг, которая сидела у стола и плакала, уткнувшись в носовой платок. В то же мгновение из верхней комнаты донесся тихий стон. Джип вошла и постучала в ту дверь, за которой сидела женщина в зеленом. Дверь открылась, перед ней предстала миссис Уэгг. Нос, глаза и щеки на худом, неприветливом лице были красны от слез. В зеленом платье и с зеленоватыми волосами (они были с проседью и, видимо, покрашены каким-то составом) миссис Уэгг очень напоминала Джип зеленое яблоко, которое так нелепо краснеет от долгого пребывания на солнце. На лице женщины были слезы, в руке она мяла носовой платок. Джип ужаснулась - как она осмелилась, такая свежая, сияющая, предстать перед этой бедной женщиной, видимо, удрученной тяжелым горем. Ей захотелось убежать. Это просто бесчеловечно - приходиться сюда кому-либо из его близких. Она тихо сказала:

- Миссис Уэгг? Пожалуйста, извините меня, но нет ли каких-либо новостей? Это я устроила Дафну здесь.

Женщину, по-видимому, одолевали какие-то сомнения. Наконец она ответила, всхлипывая:

- Она... она родила этим утром... мертвого.

Джип задохнулась. Пройти через все - и вот! Ее чувство матери возмущалось и протестовало, но разум подсказывал: так, пожалуй, лучше, гораздо лучше!

- А как она?

- Плохо. Очень плохо. Просто не знаю, что сказать, право же, все мои мысли спутались. Все это так расстроило меня!..

- Моя сиделка с ней?

- Да. Она очень упрямая особа, но умелая, не отрицаю. Дэйзи очень слаба. О, как все это печально! А теперь еще предстоят похороны. Просто конца горю нет! И все, все из-за этого... человека. - Миссис Уэгг отвернулась и снова стала плакать, уткнувшись в платок.

Джип выскользнула за дверь. Она колебалась - подняться наверх или нет? Но все-таки осторожно поднялась по лестнице. Должно быть, девушка лежит в комнате, выходящей на улицу. Несчастная, всего год тому назад она с наивной важностью обсуждала - нужен ли ей любовник! Сиделка приоткрыла дверь и, увидев Джип, выбежала в коридор.

- Это вы, моя милочка! Как приятно!

- Как она?

- В общем, довольно хорошо. Вам все сказали?

- Да. Могу я ее видеть?

- Право, не знаю. Я не могу ее понять. У нее никакой воли к жизни, ни капли. Мне кажется, что она не хочет выздороветь. Должно быть, все это из-за мужчины. - И, взглянув на Джип, она добавила: - Как вы думаете? Он ее бросил?

- Да.

Сиделка оглядела ее с ног до головы.

- Одно удовольствие смотреть на вас! Вы просто расцвели. Но, знаете, может быть, это будет ей на пользу - повидать вас. Входите.

Джип прошла в комнату вслед за сиделкой. Закрытые глаза, влажные белокурые волосы, упавшие на лоб, бледная рука, бессильно лежащая на простыне под сердцем. Хрупкая мадонна, по-прежнему жаждущая леденца! Единственным ярким пятном на постели был золотой ободок на ее пальце.

- Посмотрите-ка, милочка! Я привела к вам приятного гостя.

Глаза и губы Дафны Уинг приоткрылись и тут же снова закрылись. Джип подумала: "Бедняжка! Она решила, что это он, а это

всего лишь я!" Бледные губы произнесли:

- О, миссис Фьорсен, это вы! Какая вы добрая, что пришли.

Глаза снова чуть-чуть приоткрылись.

Сиделка выскользнула за дверь. Джип села и робко прикоснулась к руке девушки.

По щекам Дафны Уинг медленно скатились две слезинки.

- Все кончено, - сказала она едва слышно, - и теперь ничего нет - он мертвый, вы знаете. Я не хочу жить. О миссис Фьорсен, почему мне не дают умереть!

Джип наклонилась к ней и ласково погладила ее руку, стараясь не смотреть на эти медленно катящиеся слезинки. Дафна Уинг пробормотала:

- Вы так добры ко мне! Как бы мне хотелось, чтобы мой бедный маленький ребеночек остался жив!

Джип выпрямилась и с трудом проговорила:

- Крепитесь, милая! Подумайте о своей работе!

- Танцы! - Дафна Уинг слабо улыбнулась. - Мне кажется, это было так давно!

- Да. Но теперь все вернется снова.

Дафна Уинг ответила едва слышным вздохом.

Лицо ее теперь уже не казалось вульгарным. С закрытыми глазами и ртом, белая, как алебастр, она была прекрасна. Какой каприз природы - неужели этот цветок мог произрасти от мистера и миссис Уэгг!

Дафна Уинг открыла глаза.

- О миссис Фьорсен, я так слаба и так одинока - и нигде ничего нет!

Джип встала. Ее словно гипнотизировало горе этой девушки, и она боялась показать это.

- Когда сестра сказала, что привела ко мне гостя, я подумала, что это он; но теперь я рада. Если бы он посмотрел на меня так, как смотрел тогда, я бы тут же умерла.

Джип коснулась губами влажного лба, от которого все еще доносился еле уловимый запах флердоранжа.

Она спустилась в сад и поспешно ушла. Но вместо того, чтобы возвратиться домой полями, она завернула за угол коттеджа и спустилась в маленькую рощицу. Там она села на пенек, прижала

руки к щекам и стала смотреть, как солнце золотит папоротники и как над ними кружатся мухи. Любовь! Неужели она всегда так отвратительна и трагична? Налетает, захватывает и уносится прочь. Или толкает одного к другому и тут же отрывает друг от друга. Неужели никогда не бывает так, чтобы двое, которые рвутся друг к другу, слились в тесном объятии и навсегда остались единым целым? Любовь! Она исковеркала жизнь отца и жизнь Дафны Уинг; она никогда не приходит, когда ее ждут, она всегда неожиданный гость. Злокозненная странница, она утомляет душу раньше, чем тело, или тело - раньше, чем душу. Нет, пусть уж лучше совсем не будет любви - это намного лучше! Разве свободный человек согласится стать рабом своего чувства, как Дафна Уинг? Или как ее собственный муж, который всем своим существом тянется к жене, которая его не любит? Или как ее отец - верный раб своих воспоминаний! И, глядя на солнечные блики, падающие на папоротники, Джип подумала: "Любовь! Не приближайся ко мне!"

Каждое утро она бывала в коттедже и каждый раз встречалась с миссис Уэгг. Почтенная женщина почувствовала к ней симпатию и призналась по секрету сиделке - а та по секрету же сообщила об этом Джип, - что миссис Фьорсен "очень аристократична, и глаза такие красивые, прямо итальянка!". Миссис Уэгг была из тех женщин, у которых пристрастие к "аристократичности" - самое заветное в жизни. Это поклонение "аристократичности" и побудило миссис Уэгг развивать способности дочери к танцам. Кто знал, к чему это приведет! Она объяснила Джип, что всегда старалась "воспитать Дейзи как настоящую леди", и вот вам результат! И она принималась разглядывать волосы Джип, ее уши, руки, ноги. Ее все беспокоили предстоящие похороны.

- Я назову такое имя: Дэйзи Уинг; "Дэйзи" - так ее нарекли при крещении, а Уинг - артистическое имя. Так что я соединю то и другое - и это будет истинной правдой. Надеюсь, никто не станет придираться? Насчет имени отца - может быть, мне сказать так: "Покойный мистер Джозеф Уинг"? Видите ли, такого человека не было, но надо же кого-то назвать. Я просто не перенесу, если докопаются до правды. Мистер Уэгг будет в отчаянии. Это, видите ли, по его части - погребения. О, как все это меня расстраивает!

Джип пробормотала:

- О да, конечно.

Хотя Дафна Уинг была все еще смертельно бледна и слаба, стало ясно, что она начинает поправляться. С каждым днем краски возвращались на ее лицо, а вместе с ними - налет вульгарности. Что ж, в конце концов она вернется в свой Фулхэм, освободившись от слепой страсти, окрепшая и, может быть, более серьезная.

В последний день пребывания в Милденхэме Джип снова забрела в рощицу и посидела на том же самом пеньке. Солнечный свет ровно лежал на пожелтевших листьях. Испуганный кролик выскочил из папоротника и тут же спрятался обратно. С опушки маленького лесочка выпорхнула сойка и, резко крича, перелетела на другое место. Теперь, когда пришло время ехать к Фьорсену, Джип понимала, что поступила опрометчиво, вернувшись к нему. После встреч с девушкой мысль о жизни с ним стала для нее еще более тягостной, чем раньше. Только тоска по ребенку как-то оправдывала ее возвращение к нему. Но вдруг она почувствовала нечто близкое к отвращению. Он - отец ее ребенка! Теперь это казалось ей нелепым. Крохотное существо связывало его с ней не больше, чем если бы ребенок произошел от случайной встречи, просто от "погони фавна за нимфой". Нет, ребенок принадлежит ей, только ей! И лихорадочная жажда снова увидеть девочку пересилила в ней все другие чувства.

На следующий день Уинтон увез Джип обратно в Лондон. Усаживая ее в машину, он сказал:

- У тебя сохранился ключ от моего дома? Отлично! Помни, Джип, в любое время дня и ночи - дом к твоим услугам.

Она еще раньше дала Фьорсену телеграмму и приехала домой в начале четвертого. Его не было дома. Телеграмма лежала в прихожей нераспечатанной. Она побежала наверх в детскую. И сразу услышала жалобный плач ребенка, не умеющего объяснить, что у него болит. Она вошла в детскую с каким-то смутным, торжествующим чувством: может быть, крошка плачет о ней!

Бетти, вся красная, качала колыбель и с озадаченным, нахмуренным лицом всматривалась в ребенка. Увидев Джип, она ахнула.

- О боже милосердный! Душенька моя! Я так рада! Я с самого утра ничего не могу поделать с ребенком. Только проснется, сразу начинает плакать. До сегодняшнего дня все было просто чудесно.

Джип взяла ребенка. Темные глаза девочки на несколько мгновений с каким-то удовлетворением уставились в лицо матери. Но при первом же движении ребенок снова начал свою грустную жалобу. Бетти продолжала:

- Вот так ода с самого утра, когда приходил мистер Фьорсен. Что и говорить, крошка не любит, когда он приходит. Он так странно смотрит на нее! Сегодня утром я подумала... да, я подумала: "Ведь ты же ее отец, уже пора ей привыкнуть к тебе!" И я оставила их на минутку. А когда вернулась - я только сбегала в ванную, - мистер Фьорсен уже выходил из комнаты, лицо у него было такое злое-презлое, а ребенок кричит!.. Только когда спит, умолкает, а так почти не перестает кричать...

Джип сидела, прижав ребенка к груди и не произнося ни слова.

- Каков он был, Бетти?

Бетти мяла в руках передник; ее круглое, как луна, лицо затуманилось.

- Вот что, - сказала она, - мне кажется, он был пьян. О, я даже уверена - от него пахло спиртным. Это у него началось дня три назад. А прошлой ночью он вернулся домой страшно поздно - я слышала, как он бранился, когда поднимался наверх. О боже! Какая жалость!

Девочка, молча лежавшая на коленях у матери, вдруг снова заплакала. Джип сказала:

- Бетти, мне кажется, у нее что-то с ручкой. Она кричит каждый раз, когда я к ней прикасаюсь. Может быть, булавка или еще что-нибудь. Давай-ка посмотрим! Раздень ее... О Бетти... смотри!

Крошечные ручки были покрыты выше локтей темными пятнами, словно кто-то беспощадно щипал их. Женщины в ужасе уставились друг на друга.

- Он!

Вся кровь бросилась Джип в голову; глаза наполнились слезами и тут же высохли. Увидев ее лицо, бледное, с судорожно сжатыми губами, Бетти перестала причитать. Когда они смазали ручки ребенка мазью и обернули ватой, Джип побежала в свою спальню и, кинувшись на кровать, разразилась горькими рыданиями, уткнув голову в подушку.

Она рыдала от ярости. Зверь! Впиться когтями в ее дорогую малютку! И только потому, что бедная крошка заплакала, когда он

установился на нее своими кошачьими глазами! Зверь! Дьявол! А теперь он придет и начнет скулить: "Моя Джип, я совсем не думал... откуда мне было знать, что я делаю ей больно? Она так кричала... почему она кричит, когда видит меня? Это меня расстроило! Я не думал!" Она словно слышала, как он вздыхает и молит о прощении. - Но она не простит, на этот раз - нет! Она перестала плакать и лежала, прислушиваясь к тиканью часов, перебирая в памяти сотни мелких доказательств его злобного отношения к ее ребенку - к... его собственному ребенку. Как он мог! Неужели он вправду сходит с ума? Ее так трясло от озноба, что пришлось укрыться одеялом. Здравый смысл подсказывал ей, что этот случай, как и оскорбления, которые он нанес мосье Армо, ее отцу и другим, - все это было связано с какими-то неудержимыми приступами нервного расстройства. Но это не смягчило ее гнева. Ее ребенок! Крохотное создание! Наконец-то она по-настоящему возненавидела этого человека! Она лежала, придумывая самые холодные, самые жестокие, самые язвительные слова, которые ему скажет. Слишком долго она страдала!

В этот вечер он не пришел домой, и Джип легла в десять часов. Ей захотелось взять ребенка к себе: все казалось, что оставить девочку одну опасно. Она принесла ее спящую к себе и, заперев дверь, улеглась в постель. Долгое время она лежала без сна, каждую минуту ожидая, что он вернется. Наконец она уснула и проснулась словно от толчка. Снизу доносился неясный шум. Это он! Она не гасила огня и теперь склонилась над ребенком. Девочка спала, ее дыхание было ровным и спокойным. Джип села рядом.

Да, он поднимается вверх и, судя по шуму, нетрезвый: громкий скрип, глухой стук, словно он цепляется за перила, но, не удержавшись, падает; бормотание, потом грохот сброшенных на пол башмаков. У нее промелькнула мысль: "Если бы он был совершенно пьян, он не стал бы снимать башмаки; но он не сделал бы этого и будучи трезвым! Знает ли он, что я вернулась?" Еще скрип, точно он пытается поднятая на ноги, держась за перила, потом шарканье и сопенье за дверью; вот он нащупывает и поворачивает ручку. Наверное, он знает, что она вернулась, - увидел ее дорожное пальто или телеграмму. Ручка задергалась снова. Через некоторое время яростно затряслась ручка другой двери - между его и ее комнатами. Она услышала его пьяный голос, хриплый, тягучий:

- Джип... Впусти меня, Джип!

После этого звуки стали доноситься то от одной двери, то от другой; потом снова послышался скрип, словно он спускался по лестнице, и все затихло.

Добрых полчаса Джип продолжала сидеть неподвижно, напрягая слух. Где он? Что делает? В ее возбужденном мозгу громоздились все новые и новые домыслы. Видимо, он снова спустился вниз. В этом полупьяном состоянии какие фантазии могут зародиться в его голове?.. Вдруг ей показалось, что откуда-то тянет гарью. Запах исчез, потом появился снова; она подкралась к двери, бесшумно повернула ключ и, чуть приоткрыв ее, стала принюхиваться.

На площадке было темно. Никакого запаха гари. И вдруг кто-то схватил ее за ногу. Вся кровь отхлынула у нее от сердца; она подавила крик и попробовала закрыть дверь. Но его рука и ее нога попали в щель, и теперь она уже видела, что он лежит ничком во весь рост. Он держал ее, как в тисках. Потом поднялся на колени, на ноги и ворвался в комнату. Задыхаясь, не произнося ни слова, Джип боролась, пытаясь выставить его вон. Как у всякого опьяневшего человека, его силы то внезапно иссякали, то снова возвращались. А сама она даже не думала, что так сильна. Наконец она с трудом выдохнула:

- Уйди! Вон из моей комнаты - ты... ты... мерзавец!

И тут сердце ее замерло от ужаса - он качнулся в сторону кровати, и вот он уже протягивает руки к ребенку.

Она бросилась на него сзади, схватила за руки и крепко стиснула их. Он извивался в ее руках и наконец рухнул на кровать. Улучив момент, Джип схватила ребенка и помчалась вниз, по темной лестнице, слыша, как он топает и скатывается по ступенькам, ощупывая стены. Она влетела в столовую и заперла за собой дверь. Тотчас же он ударился об эту дверь я, должно быть, свалился на пол. Прижимая к груди девочку, которая снова заплакала, она стала ее качать и убаюкивать, не переставая прислушиваться. Ниоткуда не доносилось ни звука. Она села, съезжившись, у камина, откуда еще веяло слабым теплом. Из диванных подушек и толстой белой суконной прокладки с обеденного стола она устроила постель ребенку, а сама, дрожа, укуталась в скатерть и так сидела, глядя перед собой широко раскрытыми глазами и все еще прислушиваясь. Сначала доносились какие-то шорохи, потом они прекратились. Долго, долго

сидела она неподвижно, затем! осторожно подошла к двери. Нет, больше она не повторит ошибки! Теперь она услышала тяжелое дыхание и стояла до тех пор, пока не убедилась, что это - дыхание спящего человека. Только тогда она украдкой отворила дверь и выглянула. Он лежал у нижней ступеньки лестницы в тяжелом пьяном забытьи. Ей был хорошо знаком этот сон - теперь он не проснется.

Она почувствовала какое-то злорадство при мысли, что прислуга застанет его в таком виде утром, когда ее уже здесь не будет. Взяв ребенка, она с большими предосторожностями прокралась мимо спящего. Снова очутившись в своей комнате, она заперла дверь и подошла к окну. Близился рассвет; сад был окутан серой призрачной дымкой. Она видит его в последний раз!..

Джип привела в порядок волосы и оделась потеплее - ее знобило. Собрала несколько мелких вещей, которые были ей дороги, и положила в сумочку вместе с кошельком. Она все делала быстро, удивляясь своему самообладанию и тому, как хорошо она помнит, что ей надо захватить с собой. Когда все было готово, она написала записку Бетти - взять собак и прийти на Бэри-стрит - и сунула записку под дверь детской. Потом, закутав ребенка в вязаный жакет и в теплую шаль, она опустилась вниз. Уже рассвело, серый свет разливался по прихожей. Благополучно миновав спящего Фьорсена, она на мгновение остановилась, чтобы перевести дух. Он лежал спиной к стене, у нижней ступеньки, подложив под голову локоть, лицо его было немного приподнято вверх. Лицо, которое сотни раз было так близко от ее лица... В этом скорчившемся теле, в спутанных волосах, скулах, запавших щеках, в этих полураскрытых губах под темно-золотыми усами - во всей этой неподвижной фигуре было что-то от прежней одухотворенности, и на секунду сердце Джип сжалось. Но только на секунду. На этот раз все кончено! Навсегда! Осторожно повернувшись, она надела туфли, отперла входную дверь, взяла ребенка, тихо прикрыла за собой дверь и ушла.

* ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *

ГЛАВА I

Джип ехала в Лондон. Всю зиму и весну она провела в Милденхэме, много ездила верхом, продолжала занятия музыкой. Она почти ни с кем не виделась, кроме отца, и этот отъезд в Лондон вызвал у нее такое ощущение, какое бывает в апрельский день, когда

по синему небу плывут белые облака, а на полях впервые солнце прогревает траву. На остановке в Уидрингтоне в вагон вошел носильщик, с рюкзаком, пальто и клюшками для гольфа; через открытую дверь видна была группа людей. Джип заметила высокую женщину с седеющими светлыми волосами, молодую девушку с фокстерьером на поводке и молодого человека с скоч-терьером под мышкой, стоящего спиной к вагону. Девушка целовала скоч-терьера в голову.

- До свидания, старина Осей! Какой он славный... Тамбо, лежать! Ты же не едешь.

- До свидания, милый мальчик! Не утомляй себя работой!

Ответ молодого человека заглушило щебетанье девушки:

- О, Брайан, ты... Прощай, Осей! До свидания! До свидания!

Молодой человек вошел в купе. И тут же поезд тронулся. Джип искоса взглянула на него - он стоял у окна вагона и махал шляпой. Это был уже знакомый ей молодой человек, с которым она встретилась на охоте, тот самый, как назвал его старый Петтенс, "мистер Брайан Саммерхэй", который купил в прошлом году ее лошадь. Наблюдая за тем, как он снимал пальто и устраивал старого скоч-терьера на скамейке по ходу поезда. Джип подумала: "Мне нравятся мужчины, которые заботятся сначала о своих собаках, а потом о себе!" У него была круглая голова, вьющиеся волосы, широкий лоб, четко очерченные губы. Она снова начала вспоминать: "Где же все-таки я видела кого-то, похожего на него?" Он поднял окно и спросил, обернувшись:

- Как вам удобнее? О, здравствуйте! Мы встречались на охоте. Вы, наверное, меня не помните?

- Помню, очень хорошо. И вы купили прошлым летом моего гнедого. Как он?

- В прекрасной форме. Я забыл спросить, как вы его звали; я назвал его Сорванцом: он всегда горячится, когда берет препятствия. Я помню, как вы великолепно скакали в тот день.

Оба улыбнулись и замолчали. Глядя на собаку, Джип сказала:

- Какой чудесный пес! Сколько ему лет?

- Двенадцать. Ужасно, когда собаки стареют.

Они опять умолкли; он смотрел на нее своими ясными глазами.

- Я однажды заезжал к вам с матерью, в позапрошлом году, в ноябре. Кто-то у вас был болен...

- Да, это я болела.

- Тяжело?

Джип покачала головой.

- Я слышал, вы вышли замуж... - Он сказал это с расстановкой, словно стараясь смягчить внезапность своего замечания.

Джип подняла на него глаза.

- Да. Но я со своей маленькой дочуркой теперь живу у отца.

- Вот что!.. А какая охота была тогда, правда?

- Чудесная! Это ваша мать провожала вас?

- Да... И сестра Эдит. Удивительная плушь этот Уидрингтон; я думаю, и Милденхэм не лучше?

- Да, там тихо, но я люблю Милденхэм.

- Кстати, я не знаю вашей новой фамилии.

- Фьорсен.

- Ах, да. Скрипач!.. Вся наша жизнь - чуть-чуть игра, не правда ли?

Джип не ответила на это странное замечание. Он вынул из кармана небольшую красную книжку.

- Вы знаете это? Я всегда беру ее с собой в дорогу. Самое прекрасное, что когда-либо было написано!

Книга была открыта на строках:

Мешать соединенью двух сердец

Я не намерен. Может ли измена

Любви безмерной положить конец?

Любовь не знает убыли и тлена.

Джип продолжала читать:

Любовь - не кукла жалкая в руках

У времени, стирающего розы

На пламенных устах и на щеках,

И не страшны ей времени угрозы - {*}

{* Шекспир. Сонет 116. Перевод С. Маршака.}

Солнце, давно уже склонившееся к западу, бросало почти прямые лучи на широкую светло-зеленую равнину, на пятнистых коров, которые паслись на лугу или стояли у канав, лениво обмахиваясь хвостами. Солнечный луч пробился в вагон, и в нем плясали мириады

пылинок; протягивая маленькую книжку сквозь эту сверкающую полосу, она тихо спросила:

- Вы много читаете, и все стихи?

- Пожалуй, больше книг по юриспруденции. Но я думаю, что самое прекрасное в мире - это поэзия, правда?

- Нет, по-моему, музыка.

- Вы музыкантша? Да, это похоже на вас. И думаю, что вы прекрасно играете!

- Благодарю вас. А вы совсем не увлекаетесь музыкой?

- Я люблю оперу.

- Это гибрид, низшая форма.

- Вот потому-то она мне и нравится. А вы не любите оперу?

- Нет, почему же. Я как раз за этим еду в Лондон.

- Правда? У вас абонемент?

- На этот сезон.

- У меня тоже. Отлично, мы будем: встречаться.

Джип улыбнулась. Уже давно она не говорила с мужчиной своего возраста, давно не попадалось ей лицо, которое могло бы пробудить ее любопытство и вызвать восхищение, и давно уже никто не восхищался ею самой. Солнечные лучи из-за движения поезда к западу изменили направление, и их тепло как бы усиливало в ней ощущение легкости и какого-то счастья.

О многом можно поговорить за два или три часа путешествия по железной дороге. И какая дружеская атмосфера возникает в эти часы! Может быть, оттого, что им было плохо слышно друг друга из-за шума поезда, разговор их становился все более дружеским. Это временное уединение сближало их скорее, чем порой сближает людей длительное знакомство. В этой долгой беседе он был гораздо разговорчивее, чем она. У нее же накопилось много такого, о чем она не могла говорить. Ей нравилось прислушиваться к его слегка медлительной речи, к смелым островам, к неудержимым взрывам смеха. Он, не таясь, рассказывал ей о себе - о школе, о жизни в университете, о его желании вступить в сословие адвокатов, о своих надеждах, вкусах и даже бедах. Слушая эту стихийную исповедь, Джип все время улавливала в ней нотки восхищения ею. Он спросил ее, играет ли она в пикет.

- Мы играем с отцом почти каждый вечер.

- Тогда сыграем партию?

Она знала, что ему хочется играть в карты потому, что тогда он сядет к ней поближе, на коленях они расстелят газету, он будет сдавать ей карты, случайно касаться ее руки, смотреть в лицо. Это не казалось неприятным, потому что и ей тоже нравилось его лицо, в котором было какое-то обаяние что-то легкое и свободное, чего так не хватало многим внушительным, красивым лицам.

Когда, прощаясь, он пожал ее руку, она невольно ответила крепким рукопожатием. Стоя у машины, он любовался ею откровенно и как бы печально; восхищенно глядя на нее, он сказал:

- Мы увидимся в опере, а потом, может быть, и на Роу? Вы ведь позволите мне иногда заходить на Бзристрит, правда?

Джип кивнула, и машина двинулась по душным улицам вечернего Лондона. После долгого пребывания в деревне ее комната показалась ей тесной. Надев халат, она села и принялась расчесывать волосы, чтобы избавиться от паровозной гари.

После того как Джип оставила Фьорсена, она несколько месяцев испытывала только облегчение. И лишь недавно стала задумываться над своим новым положением - замужней и в то же время незамужней женщины; разочарованная, она, однако, втайне уже начинала мечтать о настоящем друге, и с каждым часом сердце ее и красота созревали для любви. И теперь, видя в зеркале свое лицо, такое сосредоточенное и печальное, она ясно понимала, какой бесплодной была ее жизнь. Что толку быть красивой! Все равно ее красота никому не нужна. Ей еще нет двадцати шести, а она живет, как в монастыре. Вздрогнув, хотя ей и не было холодно, она плотнее запахнула халат. В прошлом году в это самое время она еще была в главном потоке жизни. И все-таки насколько лучше жить вот такой заброшенной, чем вернуться к тому, который навсегда запомнился ей наклонившимся над ее спящим ребенком, с протянутыми руками и растопыренными, похожими на когти пальцами.

После того, как она ушла от Фьорсена в то утро, он гонялся за ней неделями - в Лондоне, в Милденхэме и даже в Шотландии, куда увез ее Уинтон. Но на этот раз она не изменила своего решения, и он прекратил преследования и уехал за границу. С тех пор от него не было вестей, кроме нескольких несвязных или плаксивых писем, написанных явно в состоянии опьянения. А потом он и вовсе перестал

писать, и вот уже четыре месяца от него не было ни строчки. Видимо, он наконец как-то "изжил" ее.

Она перестала расчесывать волосы; ей вспомнилось, как тем ранним октябрьским утром она шла с ребенком по тихим, пустынным улицам, как ждала, смертельно усталая, на тротуаре, пока на ее звонок открыли дверь. Она потом удивлялась: неужели только страх побудил ее к этому отчаянному бегству? Отец и тетушка Розамунда уговаривали ее попытаться получить развод. Но все тот же инстинкт запрещал ей делать достоянием других людей свои тайны и горести; она не хотела и неизбежного в бракоразводном процессе притворства, слов о том, что якобы любила его, хотя на самом деле не любила. Это была ее и только ее ошибка, что она вышла за него без любви!..

...Может ли измена

Любви безумной положить конец?

Если бы только знал ее случайный спутник, какой иронией звучали для нее эти строки!

Она встала и обвела взглядом комнату - свою бывшую девичью спальню. Значит, он помнил ее все это время! Встреча в вагоне не казалась уже ей встречей с незнакомым человеком. Теперь-то уж они, во всяком случае, знакомы! И вдруг она увидела его лицо! Ну, конечно! Как это она сразу не вспомнила? На стене в коричневой рамке висела цветная репродукция знаменитой картины Боттичелли или Мазаччо из Национальной галереи "Голова молодого человека". Когда-то Джип влюбилась в эту картину, и с тех пор она висела в ее комнате. Это широкое лицо, ясные глаза, смелый, четко очерченный рот, это мужество во всем облике... Только то, живое лицо принадлежало англичанину, а не итальянцу; в нем больше юмора, больше "породы", меньше поэтичности, зато было что-то "старогеоргианское". Как бы он смеялся, если бы она рассказала ему, что он похож на деревенского церковного причетника с лохматыми волосами и маленьким рюшем вокруг шеи! Улыбаясь, она заплела косы и легла в постель.

Но уснуть она не могла; слышала, как пришел и отправился в свою комнату отец, как часы пробили полночь, потом час, потом два, и все еще до нее доносился глухой шум Пикадилли.

Она укрылась только простыней, но было очень жарко; вдруг ей почудился запах цветов. Откуда цветы? Поднявшись с кровати, она

подошла к окну. Здесь, за занавесью, стояла ваза с цикламенами. Это отец подумал о ней - какой милый!

Нюхая цветы, она вспомнила свой первый бал. Может быть, и Брайан Саммерхэй был там! Если бы его познакомили с ней тогда, если бы она танцевала с ним, а не с тем господином, который поцеловал ее в плечо, может быть, она по-иному относилась бы ко всем мужчинам? И если бы он восхищался ею в тот вечер - а ведь все восхищались ею, - может быть, он ей понравился бы или даже больше чем понравился? Или она смотрела бы на него, как на всех своих поклонников до встречи с Фьорсеном - этих бабочек, летящих на свечу и глупо обжигающих крылья! А может быть, ей было суждено получить этот урок и вот она подавлена и унижена...

Взяв из вазы цикламены и вдыхая их аромат, она подошла к картине. Очертания лица, глаза, устремленные на нее, - все было отчетливо видно; в сердце ее что-то слабо затрепетало - так трепещет раскрывающийся листок или крыло вспорхнувшей птицы. То ли на нее действовал запах цветов, то ли воспоминания о том, что случилось с ней за последние дни, но сердце ее снова задрожало легкой необъяснимой дрожью, и она прижала руки к груди.

Было поздно, вернее, рано, когда она заснула. Ей приснился странный сон. Она скакала на своей старой кобыле по полю цветов. На ней было черное платье, на голове корона из сверкающих острых кристаллов; на лошади не было седла, и она сидела, поджав ноги, едва касаясь спины лошади, держа в руках поводья, свитые из длинных стеблей жимолости. Она мчалась и пела, и глазам ее открывался широкий простор полей до самого горизонта. Она чувствовала себя легкой, как пушинка; все время, пока они неслись вперед, старая кобыла поворачивала голову и откусывала цветы жимолости... Потом вдруг лошадиная морда превратилась в лицо Саммерхэя, с улыбкой глядевшего на нее. Она проснулась. На нее падал солнечный луч, пробившийся через занавесь, которую она отодвинула, чтобы увидеть цветы.

ГЛАВА II

В ту же самую ночь Саммерхэй вышел из маленького дома в Челси, где он жил, и пошел к реке. Иногда у мужчин бывает такое настроение, что их бессознательно тянет на простор - в луга, леса, к рекам, где открыт весь горизонт. Человек одинок, когда любит, и

одинок, когда умирает; никому нет дела до человека, целиком погруженного в собственные переживания; но ведь и ему, Брайану Саммерхэю, ни до кого нет дела, - о нет! Он стоял на набережной и смотрел на звезды, сверкающие сквозь ветки платанов, время от времени вдыхая теплый, неподвижный воздух. Думалось о всяких мелочах, просто ни о чем; но какое-то сладостное чувство поднималось в его сердце, и легкий трепет охватывал все тело. Он сел на скамейку и закрыл глаза - и сразу увидел лицо, ее лицо! Один за другим гасли огни в домах напротив; уже не мчались машины и редко встречался прохожий, но Саммерхэй все сидел, как в полусне; улыбка то появлялась на его губах, то исчезала. Легкий ветерок подымал волны на реке.

Уже рассветало, когда он вернулся домой; и вместо того, чтобы лечь спать, он начал просматривать судебное дело, по которому завтра должен был выступать помощником адвоката, и работал до тех пор, пока не пришло время совершать прогулку верхом, принять ванну и позавтракать. У него была одна из тех натур - не столь необычных я среди адвокатов, - которым длительное напряжение идет на пользу. Человек со способностями, он любил свою работу и был на пути к тому, чтобы создать себе имя; и в то же время мало кто умел так невозмутимо, как он, под влиянием минуты вдруг отдаться течению. В нем было что-то противоречивое; он предпочел жить в маленьком доме в Челси, а не где-нибудь в Темпле или Сент-Джеймсе только потому, что любил одиночество; и в то же время он был прекрасным товарищем, хотя многие друзья, очень к нему привязанные, не во всем могли на него положиться. Женщины считали его безусловно привлекательным, но в общем они не задевали его сердца. Саммерхэй любил карточную игру; как человека порывистого, она брала его за живое; но вдруг после смелой и счастливой игры он бросал ее, чтобы когда-нибудь увлечься ею снова. Отец его был дипломатом и умер пятнадцать лет назад; мать была известна в светских кругах. У него не было братьев, только две сестры, и он имел личный доход. Таков был Брайан Саммерхэй в двадцать шесть лет, когда у него еще не прорезались зубы мудрости.

Утром он направился в Темпл, все еще ощущая необыкновенную легкость, и по-прежнему перед ним стояло это матово-бледное лицо с удивительно гармоничными чертами: темные улыбающиеся глаза,

чуть широко расставленные, маленькие красивые уши, пышные каштановые волосы над высоким лбом. Иногда ему представлялось нечто менее определенное - какое-то излучение, игра света во взгляде, своеобразный поворот головы, свойственная только ей грация, что-то зовущее и трогательное. Этот образ не давал ему покоя, да он и не желал забыть его - таков уж был его характер: если ему приглянется какая-нибудь лошадь на скачках, он непременно поставят на нее, каковы бы ни были ее достоинства; если понравится опера, он станет ходить и смотреть ее снова и снова; если понравятся стихи, он запомнит их наизусть. И пока он шел вдоль реки - это был его обычный путь, - его обуревали самые непривычные чувства, и он был счастлив.

Саммерхэй немного опоздал и прямо прошел в суд. В парике и мантии он сразу приобрел "старогеоргианский" облик. Одна-две мушки, долгополый кафтан, шпага, табакерка да белый парик или что-нибудь в этом роде - и вот уже перед вами восемнадцатый век: сильное, легкое тело, широкое лицо, смуглая бледность, чистый рисунок губ, выражение какой-то вызывающей беспечности, ясный взгляд и брызжущая жизнерадостность. Просто жалко, что человек родился слишком поздно!

Смыв с себя этот застарелый запах судебных мантий, пергамента, клеевой краски, копченых селедок, словом, всего того, что почему-то окружает правосудие, и погрузив кудрявую голову в воду, он насухо вытерся, вышел из дому и зашагал вдоль набережной, покуривая сигару. Было уже около семи. В это самое время он вчера вошел в поезд и увидел ту, образ которой с тех пор не покидал его. Как известно, лихорадка возникает в определенные часы. Но ведь нельзя же явиться с визитом в семь часов вечера! Единственное, что он мог сделать, - это идти в клуб не по обычной дороге, а через Бэри-стрит.

Он миновал обувной магазин, где давно собирался заказать себе обувь, и подумал: "Интересно, где она покупает себе вещи?" Перед ним необыкновенно живо встала ее фигура: вот она сидит в углу купе, вот стоит у машины, и рука ее лежит в его руке. От нее исходил аромат цветов и напоенного дождем ветра! Он застыл перед витриной, не видя своего отражения, - нахмуренного, унылого человека с потухшей сигарой в зубах. Он торопливо двинулся вперед.

На Бэри-стрит он вступил с каким-то странным ощущением слабости в ногах. В этом году цветочные ящики не нарушали строгости фасада дома Уинтона; этот дом ничем не выделялся среди остальных, разве только номером да еще тем, что у Саммерхэя сильно забилось сердце. Завернув на Джермин-стрит, он вдруг приуныл. Клуб его находился в начале Сент-Джеймс-стрит, и он сразу прошел в комнату, где редко бывало много людей. Это была библиотека. Подойдя к французскому отделу, он достал "Трех мушкетеров" и сел спиной к двери и к каждому, кто вошел бы в библиотеку. Его любимый роман всегда вызывал в нем какое-то теплое, дружеское чувство, но он не стал читать. От клуба, где он сейчас сидел, было рукой подать до ее дома; если бы не стены, он мог бы увидеть ее, до нее мог бы, пожалуй, донестись его голос. Что за глупость! Женщина, с которой он встречался всего два раза! Просто нелепо...

"Пять очков! Три дамы - три валета!.. Вы помните, как это у Доусона: "Я по-своему верен тебе, Сюнара!" Это лучшее, чем все, что есть у Верлена, не считая "Les sanglots longs" {"Долгие рыдания" - первые слова стихотворения французского поэта Поля Верлена. (1844-1896) "Осенняя скрипка" (франц.)}. Что у вас?

"Только четверка к даме. Вам нравится имя Синара?"

"Да. А вам?"

"Синара. Синара... Да, это осень, лепестки роз, вороха опавшей листвы".

"Как хорошо!.. Идет. Пойди прочь, Осей, не храпи".

"Бедный старый пес! Не тревожьте его. Перетасуйте, пожалуйста, за меня колоду. А, теперь идет совсем другая карта!.."

Ее колени касались его колен!

Книга упала на пол - Саммерхэй вздрогнул.

К черту! Безнадежно... И, повернувшись, он уселся поглубже в кресле. Через несколько минут он спал. Спал без снов.

Прошло два часа. Его приятель, желая подшутить, подошел к нему и остановился, с ухмылкой глядя на эту кудрявую голову, на это лицо безмятежно спящего ребенка.

Потом приятель слегка толкнул кресло.

Саммерхэй вскочил. "Что? Где я?" - пронеслось у него в голове. Он увидел перед собой улыбающееся лицо приятеля, но сквозь дымку

сна ему чудилось другое - красивое, чарующее. Он встряхнулся. - О, черт побери!

- Не сердись, старина!

- Который час?

- Десять.

У Саммерхэя вырвался какой-то неясный возглас, и он уселся в кресле поудобнее. Но он больше не спал. Он видел ее, слышал ее голос и снова чувствовал прикосновение ее теплой руки в перчатке.

ГЛАВА III

В пятницу вечером в оперном театре давали "Кабаллерию" и "Паяцы". Только эти оперы да еще "Фауста" и "Кармен" Уинтон мог слушать, не засыпая.

Глаза женщины, несмотря на то, что ей не полагается пристально разглядывать публику, обычно охватывают большее пространство, чем глаза мужчины. Джип заметила Саммерхэя раньше, чем он увидел ее; она видела, как он вошел и, прижимая цилиндр к белому жилету, оглядывал зал, словно искал кого-то. В вечернем костюме он выглядел очень элегантно. Когда он сел, ей стал виден только его профиль; рассеянно слушая Сантуццу и толстого Туриду, она спрашивала себя: "Обернется он, если пристально посмотреть на него?" И тут он ее увидел. Поразительно, что после того, как они обменялись взглядами, ей сразу захотелось, чтобы он еще раз посмотрел на нее. Понравится ли ему ее платье? Хороша ли ее прическа? Может быть, не следовало мыть волосы этим утром? Но во время антракта она не оглядывалась, пока не услышала его голос:

- Здравствуйте, майор Уинтон.

Уинтон знал об их встрече в поезде. Ему очень хотелось выкурить сигарету, но он не считал возможным оставить дочь одну. И все-таки, обменявшись с Саммерхэем несколькими фразами, он поднялся.

- Присядьте на минуту здесь, Саммерхэй. Я выйду курить.

Саммерхэй опустил в кресло. Джип показалось, что зал и публика куда-то исчезают, и они оба снова одни, в вагоне. Десять минут - всего-то! чтобы насладиться его взглядом, звуком голоса, смехом. Смеяться самой. Быть приветливой с ним. Они ведь друзья!

- В Национальной галерее есть одна картина, которую мне хотелось бы посмотреть, - сказала она, когда он стал прощаться.

- А вы возьмете меня? Завтра? Когда? В три часа?

Она знала, что краснеет; вот такая, с румянцем на щеках и улыбающимися глазами, она испытывала редкую и приятную уверенность: она красива! А потом он ушел. Отец снова уселся в свое кресло; боясь, что он заметит ее волнение, она тронула его за руку:

- Отец, посмотри ради бога на эту прическу, вон там, через один ряд! Ты когда-нибудь видел такую прелесть?

И пока Уиятон смотрел, оркестр начал увертюру к "Паяцам". Следя за развитием маленькой душещипательной интриги, она почувствовала, что впервые эта опера действует не только на ее эстетическое чувство. Бедная Нэдда! Бедный Канио! Бедный Сильвио! Глаза ее наполнились слезами. В персонажах трагикомедии, живущих двойной жизнью, она, казалось, почувствовала эту любовь - страстную, слишком быстротечную, слишком сильную, слишком бурную, сладостную и пугающую.

Мое тобою сердце пленено. Я твой навеки
Сегодня и навеки твой!

Что остается мне? Разбитое лишь сердце...

La commedia e finita {Представление окончено (итал.)}.

Надевая плащ, Джип отыскала глазами Саммерхэя.

Она попыталась улыбнуться, но не смогла, и, медленно отведя взгляд, повернулась, и пошла вслед за Уиитоном.

Джип опаздывала не из кокетства, она просто боялась, как бы он не подумал, что ей не терпится встретиться с ним. Она сразу увидела его под колоннадой и заметила, как изменилось его лицо, когда она подошла к нему. Она повела его прямо к картине. Цилиндр и модный воротничок Саммерхэя не очень-то помогали сходству, но оно все же было.

- Ну что?

- А чему вы улыбаетесь?

- У меня есть репродукция с этой картины, еще с тех пор, когда мне было пятнадцать лет; так что я знаю вас уже очень давно.

Он удивленно посмотрел на нее.

- Боже милосердный! Неужели я похож на этого?.. Тогда я попытаюсь найти здесь вас.

Джип покачала головой.

- Тут есть еще одна моя любимая картина - "Смерть Прокриды". Это удивление на лице фавна, закрытые глаза Прокриды, собака,

лебедь! И это сожаление о том, что могло быть!

- О том, что могло быть!.. А вам понравились "Паяцы"?

- Мне кажется, опера подействовала на меня слишком сильно.

- И я так подумал. Я следил за вами.

- Гибель от любви - это так страшно!.. Но покажите мне теперь ваши любимые картины. Я могу сказать вам заранее, какие они.

- Да?

- Прежде всего "Адмирал".

- Верно. А еще?

- Две картины Беллини.

- Бог мой! Да вы какая-то волшебница! Джип рассмеялась.

- Вам нравится решимость, ясность, колорит, красивая композиция. Верно? А вот еще одна моя любимая.

Это было небольшое "Распятие" да Мессины - тонкий высокий крест, худой, смиренный, страдающий Христос на фоне светлых сумерек, такой одинокий и такой реальный.

- Это трогает меня больше, чем огромные картины, где он идеализирован. Чувствуешь, что он был таким. О! А эти два Франческо! Разве они не прелесть?..

Он кивнул, но глаза его говорили: "И вы тоже". Они провели два часа среди бесконечных полотен и все время словно были только вдвоем, как тогда, в вагоне. И когда она не разрешила ему проводить ее домой, он так и застыл под колоннадой. Солнце вливалось сюда уже снизу; голуби чистили перышки; по площади проходили люди, темные и маленькие на фоне львов и огромной колоннады. Он ничего этого не замечал. Нет женщины, подобной ей! Она совсем другая, чем эти светские девушки и дамы! И уж вовсе не похожа на людей полусвета. И не из "современных", у которых на уме только высшее образование да избирательное право... Совсем иная! А он так мало знает о ней. Даже не знает, любила ли она когда-нибудь. Ее муж... где он теперь? Что он для нее? "Неповторимая, молчаливая, непонятная - Она!" Когда она улыбается, когда ее глаза... Но глаза ее слишком живые, чтобы он мог заглянуть в них. Как прекрасна она была, когда с улыбкой на губах рассматривала эти картины! Если бы он мог прикоснуться к ним своими губами! Со вздохом он спустился по серым ступеням и вышел на солнце. Лондон, который в это время года

всегда кипит напряженной жизнью, показался ему совершенно пустым. Завтра... Завтра он сможет увидеть ее!

ГЛАВА IV

В воскресенье, после того как к ней приходил Саммерхэй, Джип сидела у вазы с гелиотропами и перебирала в памяти отрывки их разговора...

"Миссис Фьорсен, расскажите мне о себе".

"А что вы хотите знать?"

"О вашем замужестве".

"Я совершила ужасную ошибку... Пошла против воли отца. Мужа я не видела уже несколько месяцев и никогда не увижу его, если это будет зависеть от меня. Ну что, достаточно?"

"Вы не любите его?"

"Нет".

"А разве вы не можете стать свободной?"

"Бракоразводный процесс! Б-рр. Я не смогла бы".

"Да, я знаю. Это противно!"

И он пожал ее руку так крепко!

Она глубоко вдохнула запах гелиотропа и, подойдя к роялю, стала играть. Играла до тех пор, пока не вернулся отец. За эти девять месяцев, что Джип была с ним, Уинтон как бы даже помолодел: он одевался с некоторой щеголеватостью, и его короткие волосы всегда были напомажены.

- Приходил мистер Саммерхэй, отец. Он очень жалел, что не застал тебя.

Наступило долгое молчание.

- Сомневаюсь, моя дорогая, - сказал он наконец.

Значит, стоит ей подружиться с каким-нибудь мужчиной, как это вызовет подобное молчание! Чувствуя, что отец пристально смотрит на нее, она спросила:

- Приятно было в парке?

- Тридцать лет назад там прогуливались аристократы и снобы, а теперь бог знает, кого там только нет!

- А цветы - красивы?

- О! Да! И птицы тоже. Но, боже милосердный, что за люди, Джип! Скажи мне, что за парень этот молодой Саммерхэй?

- Он очень мил.

Она всегда читала мысли отца быстрее, чем! он ее мысли, и знала, что в нем происходит борьба - он, разумеется, рад, если у нее будут какие-то развлечения, но хочет как-то помягче ее предостеречь. Со вздохом он сказал:

- Каких только причуд не бывает у молодых людей летом, Джип!

Есть хитрые и опытные женщины, умеющие держать в определенных пределах мужчину, в котором видят будущего возлюбленного. Джип знала, что одно ее слово сразу все бы изменило, но она не произносила его. И все-таки она виделась с Саммерхэем почти каждый день - на Роу, в опере, у себя дома. С некоторого времени у нее вошло в привычку ходить под вечер в Сент-Джеймский парк и сидеть там у воды. Однажды, возвращаясь домой, Саммерхэй прошел парком, и потом они уже постоянно сидели здесь вместе. Зачем огорчать отца, приглашая Салшерхэя приходить на Бари-стрит? В парке приятно: можно спокойно беседовать, глядеть, как маленькие оборвыши удят рыбу и складывают добычу в стеклянные банки, закусывать, наблюдать в дождливые дни за нравами и обычаями простых людей.

Лето уже близилось к концу, и дни выдались тихие, но во всем чувствовалось ожидание - вот-вот задуют ветры и принесут перемену. И разве это не естественно - сидеть в такое время под деревьями, возле цветов и воды, голубей и уток?

ГЛАВА V

Саммерхэй умел не выдавать своих душевных волнений; когда по окончании судебной сессии он шел на последнее свидание с Джип, лицо у него было таким же, как всегда. Но, по правде говоря, он чувствовал, что попал в тупик. У него был свой собственный моральный кодекс. Быть может, этот кодекс был в какой-то мере слишком "старогеоргианским", но он запрещал причинять страдание женщине. Пока что Саммерхэй держал себя в руках, хотя это стоило ему большего труда, чем он думал сам. Единственным свидетелем его борьбы с самим собой был старый скоч-терьер, ночной сон которого он нарушал уже много раз, расхаживая взад и вперед по гостиной своего маленького дома. Она должна узнать о его чувстве! И если она захочет принять его любовь, ей стоит только шевельнуть пальцем; но она не подает знака. У него кружилась голова, когда он прикасался к ней, когда вдыхал аромат, исходивший от ее платья, когда видел, как

легко и нежно вздымается ее грудь; и вести себя спокойно и дружески было истинной пыткой.

Пока он виделся с ней почти ежедневно, он еще мог кое-как владеть собою; а теперь они вот-вот расстанутся на несколько недель, и сердце у него буквально разрывается от тоски. Нелегко было ему и прятать свою любовь от светских знакомых. Человек, страстно любящий, жаждет уединения; он или с головой уходит в напряженную работу, или, словно одержимый, все время созерцает мысленно образ любимой. Работа у Саммерхэя спорилась, и он был рад этому; но, стараясь избавиться от докучливых расспросов друзей, он невольно вызывал толки: "Что это делается с Брайаном Саммерхэем?" Всегда несколько нелюдимый, он не встречался теперь даже с теми, с кем привык вместе завтракать, обедать, танцевать, заниматься спортом. Он сторонился людей своего круга и уходил куда-нибудь, где можно было рассеяться, не привлекая ничьего внимания. В конце концов ему стало ясно, что завладевшая им любовь потребует отказа от многого. И все-таки ни разу он не задал себе вопроса, достойна ли Джип его любви. Она была нужна ему такая, как есть; он не взвешивал своего чувства ни на каких весах.

От мыслей о ее прошлом Саммерхэй попросту отмахивался. Он слышал, что она незаконнорожденная дочь Уинтона, но это только усиливало его желание проучить как следует любого сплетника. Даже ее неудачный брак для него ничего не значил - важно было одно: быть с ней вместе столько, сколько она позволит. А теперь она уедет на взморье, а он в Пертшир охотиться на тетеревов. Целый месяц!

Посмеет ли он высказать ей все? Иногда ее лицо напоминало ребенка, ожидающего, что вот-вот ему скажут что-то резкое, пугающее. А ее нельзя было огорчать. Но один или два раза он все же поймал на себе ее ласковый взгляд, правда, очень мимолетный.

Облокотившись на парапет набережной, он глядел, как течет река. Солнце озаряло ее черные омуты и желтоватые водовороты - эта же вода бежит и мимо Эйншема с его ивами, мимо Оксфорда, Клифтона с его церковью, мимо Маулсфорда, Соннинга. Побывать с нею наедине только один день у реки, только один долгий день! Почему он был все это время таким малодушным? Проведя рукой по лицу, он понял, что похудел. Если бы только она знала, как он тоскует, как мучается! Когда он повернул в сторону Уайтхолла, ему попались навстречу двое

знакомых; один из них был женат. Они тоже уезжали в Шотландию двенадцатого числа. Какой скучной и бессмысленной показалась ему эта охота а ведь до этого времени она всегда была для него как бы венцом всего года. Ах, если бы можно было поехать в Шотландию вместе с нею!

Он вошел в Сент-Джеймский парк и вдоль озера направился к знакомой скамейке. И вдруг он увидел, что она уже там. Никаких колебаний больше - он скажет все!

На ней было платье из муслина светло-желтого цвета; она сидела, откинувшись на спинку скамьи и скрестив ноги, рука ее покоилась на ручке зонтика, тень от шляпы падала на лицо. Саммерхэй сразу подошел к ней.

- Джип! Так не может больше продолжаться. Вы ведь знаете, я обожаю вас! Если вы не любите меня, я должен буду расстаться с вами. Джип, ведь вы не хотите этого?

Она сделала легкое движение, словно протестуя, и ответила очень тихо:

- Конечно, не хочу. Разве я могу хотеть этого?

- Значит, вы все-таки любите меня!

- Пожалуйста, подождите. Подождите еще немного. Когда мы вернемся, я скажу вам.

- Ждать так долго?

- Месяц. Это нелегко и для меня. - Она подняла на него глаза. Пожалуйста, не будем сейчас говорить об этом.

Вечером в своем клубе он курил одну сигарету за другой и в облаках дыма видел ее лицо, каким оно было в ту минуту, когда она глядела на него снизу вверх; и он чувствовал себя то на небесах, то в преисподней.

ГЛАВА VI

Домик с верандой на южном берегу, принадлежавший какому-то художнику, знакомому тетушки Розамунды, был окружен садом, где росла одинокая сосна, отбившаяся от ближнего леса. Дом стоял уединенно на невысоком обрыве, под которым тянулся небольшой пляж.

Глядя на все это ночью из окна спальни, Джип чувствовала себя так, словно она единственное живое существо в мире. Отливающая серебром морская рябь, одинокая сосна, холодный лунный свет,

темно-васильковое небо, шум и шорох прибоя на гальке, даже соленый прохладный воздух - все усугубляло ее одиночество. А днем то же самое - знойное марево, когда не шелохнется даже жесткая прибрежная трава, а чайки с криком кружат над самой водой, - она чувствовала себя словно во сне. Она купалась и загорела не меньше своей маленькой дочки; но в ней поднимался какой-то бунт против этой счастливой жизни, против этих летних дней, чаек, яркого солнца, морского прибоя, белых парусов на горизонте; спокойных, согретых солнцем сосен; даже против ребенка, прыгающего, улыбающегося и нежно лепечущего, против Бетти и другой прислуги и всей этой простоты и безмятежности.

Каждый день в определенный час она с нетерпением ждала почтальона. Но письма Саммерхэя начинались, как и ее письма, словами "Мой дорогой друг", и их можно было бы показать кому угодно. Теперь, когда он далеко от нее, разве у него не может возникнуть мысль, что лучше нарушить свои клятвы и забыть ее? Перед ним была вся жизнь; и может ли он соединить свою судьбу с той, у которой нет никакого будущего? Разве не может разлучить его с ней какая-нибудь голубоглазая девушка с золотистыми волосами - она знала, что такие красивее ее! А что тогда? Труднее ли ей станет, чем было до сих пор? Ах, много труднее! Настолько, что она даже боялась думать об этом.

Однажды письма не было целых пять дней. Она чувствовала, как в ней нарастают тоска и ревность, совсем не похожая на ту уязвленную гордость, которую испытала она, застав Фьорсена и Дафну Уинг в студии - как давно все это было! Когда на пятый день почтальон принес только счет за башмаки для маленькой Джип и записку от тетушки Розамунды из Харрогейта, где она ежегодно лечилась вместе с Уинтоном, сердце Джип упало. Что это - конец? В слепом отчаянии она пошла в сторону леса. Ничего не видя вокруг, не разбирая дороги, она шла, пока не очутилась в лесу, вдали от людей, среди серо-коричневых стволов, облитых свежей смолой. Бросившись на землю, она оперлась локтями на опавшую сосновую хвою; у нее, так редко плакавшей, хлынули слезы. Но это не облегчило ее. Она повернулась на спину и долго лежала неподвижно. Как тихо здесь даже в полдень! Шум моря сюда не доносился; насекомых было мало; птицы не пели. Высокие голые стволы сосен стояли, как колонны в

храме, потолком были их темные кроны я небо. В синем небе плыли редкие облачка. Все здесь располагало к покою, но в ее сердце покоя не было!

Меж деревьев мелькнуло что-то темное, потом еще раз; откуда-то появились два ослика; они остановились, облизывая друг другу шеи и морды. Смирные животные, такие ласковые... Ей вдруг стало стыдно. Почему она так жалеет себя - у нее ведь есть все, чего только можно желать в жизни! Нет только любви, но ведь она думала, что никогда ее и не захочет! Ах, но она так хочет любви сейчас - наконец-то! - всем своим существом!

Вздвигнув, она вскочила - на нее напали муравьи, пришлось стряхивать их с шеи и платья. Она побрела в сторону пляжа. Если он в самом деле встретил кого-либо другого, кто заполнил теперь его мысли, если другая вытеснила ее, она ни словом, ни знаком не покажет, что ей его не хватает, что она любит его, никогда! Лучше умереть!

Джип вышла на залитый солнцем берег. Был отлив, И мокрый песок сверкал опаловыми бликами; по поверхности моря тянулись какие-то извилистые полосы, словно змеи. А дальше к западу виднелась бурая, выгнутая аркой скала, она отрезала берег от моря и была похожа на видение из сказки. Да и все было как во сне. И вдруг сердце Джип застучало так, что у нее перехватило дыхание. На краю невысокого обрыва, немного в стороне от тропинки, сидел Саммерхэй!

Он поднялся и пошел к ней навстречу. Она проговорила спокойным голосом:

- Да. Это я. Видели вы когда-нибудь такую цыганку? Я думала, вы все еще в Шотландии. Как поживает Осей? - Но тут самообладание изменило ей.

- Так больше невозможно, Джип. Мне надо знать.

Ей показалось, что сердце ее остановилось. Но она продолжала так же спокойно:

- Давайте присядем на минуту. - Она спустилась вниз по обрыву и пошла в ту сторону, где ее не могли видеть из дома. Пропуская между пальцами жесткие травинки, она оказала:

- Я не старалась влюбить вас в себя. Никогда не старалась.

- Да, никогда.

- Это было бы нехорошо.

- А мне все равно. Для того, кто любит, как я, это безразлично. О Джип, можете ли вы полюбить меня? Я знаю, что я не такой уж замечательный; но вот уже почти три месяца прошло, как мы встретились в поезде, и с тех пор не было минуты, когда я не думал бы о вас.

Джип вздохнула.

- Но что же нам делать? Посмотрите - вон там синее пятнышко в траве, это моя маленькая дочка. Со мной она... и мой отец, и... я боюсь... я боюсь любви, Брайан!

Услышав, что она назвала его по имени, Саммерхэй схватил ее за руку.

- Боитесь? Как - боитесь?

Джип сказала очень тихо:

- Я, должно быть, слишком люблю. Не говорите сейчас ничего. Не надо. Не говорите! Пойдемте в дом, позавтракаем. - И она встала.

Он оставался у нее до вечернего чая, и больше между ними не было сказано ни слова о любви. Когда он ушел, она села под сосной, держа на коленях маленькую дочку. Любовь! Если бы мать отказалась от любви, ее, Джип, не было бы на свете... Уже появилась мошкара, когда она вернулась в дом. Поглядев, как Бетти купает маленькую, она поднялась в свою спальню и стала у окна. Неужели еще сегодня она лежала в лесу и слезы отчаяния катились по ее щекам? Слева от сосны всходила луна, она была едва видна на бледном небе. Какой-то новый мир, словно зачарованный сад.

Весь вечер она просидела с книгой на коленях, не читая; в ней происходил какой-то переворот - это была первая любовь, растворение "я" в "ты", страстное подчинение, неодолимое, бессознательное желание отказаться от своей воли, готовность к полному слиянию.

Она спала без сновидений, но проснулась усталая и подавленная. Ей было лень купаться, и она безучастно просидела все утро на пляже вместе с маленькой Джип. Хватит ли у нее душевных сил встретиться с ним там, под аркой скалы, как она обещала? В первый раз с тех давних пор, когда она была маленькой капризной девочкой, Джип избегала глаз Бетти, боясь, что та поймет, догадается о многом. После чая она направилась к скале; если бы она не пошла, он явился бы сюда. Она не хотела, чтобы слуги видели его здесь два дня подряд.

Последний августовский день - он был каким-то особенно теплым и благодатным. Пшеница была уже убрана, наливались яблоки, пели малиновки, мягкие сонные облака плыли в бледно-голубом небе, море улыбалось. Она шла, удаляясь от моря, перебралась через ручей. В этой стороне сосны не росли, бурая почва была богаче. На клеверной отаве, уже высокой, усердно трудились шмели; белогрудые ласточки стремглав бросались вниз и снова взлетали. Джип собрала букет цветов цикория. Приближаясь к скале, она увидела его под аркой - он оглядывал берег, разыскивая ее. Здесь было очень тихо, не слышно было гудения пчел и жужжания мух, только доносился издали слабый плеск невысоких волн. Он все еще не замечал ее; и вдруг ее словно обожгла мысль: "Если я сделаю еще хоть один шаг - это навсегда!" Она затаила дыхание, прижав к губам букет цветов цикория. Потом она услышала его вздох и, бросившись вперед, сказала:

- Я здесь.

Он подхватил ее под руку, и, не говоря ни слова, они прошли под аркой. Плечо к плечу они шагали по сухому песку, вскарабкались на обрыв и через луг вышли к огороженному выгону. Он распахнул перед нею калитку, и, когда она проходила, он обнял ее и поцеловал в губы. Для нее, целованной тысячу раз, это был первый поцелуй! Смертельно побледнев, она отшатнулась от него и оперлась о калитку; потом ее губы задрожали, глаза потемнели; она смотрела на него, словно обезумев, и вдруг, отвернувшись, закрыла лицо руками. Рыдания сдавили ей горло, ей казалось, что вот-вот у нее разорвется сердце. Он робко, растерянно взял ее за руку, что-то умоляюще шептал ей на ухо, но ничто не помогало, она не переставала плакать. Этот поцелуй словно сломал барьер в ее сердце, стер всю ее жизнь до этой минуты, - это было что-то страшное и прекрасное. Наконец она пробормотала:

- Простите... О, простите... Не смотрите на меня. Отойдите немного в сторону, и я... Сейчас все будет хорошо.

Он молча повинился и, пройдя через калитку, уселся на краю обрыва спиной к ней и лицом к морю.

Джип так сильно вцепилась в дерево калитки, что у нее заболели пальцы. Она смотрела на бабочек, которые в солнечном свете летели к

искрящемуся морю, постепенно превращаясь в белые пятнышки на фоне синего неба.

Она никак не могла поверить, что все это правда. Слишком сильным, сладостным, пугающим было это чувство. И она сказала:

- Позвольте мне уйти домой. До завтра!

- Конечно. Как хотите, Джип.

Он прижал ее руку к своей щеке и, сложив руки на груди, снова уставился на море. Джип не пошла домой, а долго просидела в сосновом лесу, пока не сгустились сумерки и звезды не загорелись в небе - оно было того розовато-лилового цвета, который, как утверждают спириты, есть цвет одежд добрых душ.

Поздно ночью, кончив расчесывать волосы, она открыла окно и вышла на веранду. Ни звука в спящем доме, ни дыхания ветра! Ее лицо, руки, вся она горела, как в огне. Луна гнала от нее сон. На море начался прибой, и волны то вздымались, то спадали. Песчаный обрыв казался заснеженным холмом. Все было необычным, как всегда в лунную ночь. Большая ночная бабочка задела ее лицо. Какой-то ночной зверек завопил в песке. И вдруг тень, падавшая от сосны, шевельнулась - чуть-чуть! Прислонившись к стволу, там стоял Саммерхэй, его лицо уже было заметно теперь на фоне ствола. Луна осветила его руку, которую он приложил к глазам. Потом он каким-то умоляющим жестом протянул к ней эту руку. Джип не двигалась и смотрела прямо на него. С чувством, доселе не изведанным, она увидела, что он идет к ней. Вот он остановился, глядя вверх. Его лицо выражало страсть, мольбу, изумление - она видела все это и слышала его благоговейный шепот:

- Это вы, Джип? Правда, это вы? Вы выглядите такой юной!

ГЛАВА VII

С того времени, как Джип отдалась ему, она чувствовала себя словно заколдованной - она ведь никогда не верила в любовь, никогда не думала, что может полюбить так, как любила сейчас! Дни и ночи проходили для нее как во сне. Если раньше она считала невозможным посвящать посторонних в секреты своей замужней жизни, то теперь для нее вообще не существовало никого. Только мысль об отце тяготила ее. Он вернулся в Лондон, и она знала, что обязана рассказать ему все.

Она уехала еще до конца месяца, который должна была провести у моря, приказав Бетти вернуться вместе с маленькой Джип двумя днями позже. Уинтон, побледневший за время лечения, застал ее дома, когда вернулся из клуба.

Она надела вечернее платье. Золотистые от загара лицо и шея подчеркивали белизну ее плеч. Он никогда не знал ее такой, никогда не видел, чтобы ее глаза так сияли. У него вырвался вздох удовлетворения. Она напоминала цветок, который долго не распускался и вдруг расцвел во всем великолепии. Джип отвела от него взгляд и весь вечер откладывала свою исповедь. Ей было нелегко, очень нелегко! Наконец, когда он уже закурил свою сигару "на сон грядущий", она опустилась на ковер возле его кресла и прислонилась к его колену, чтобы он не видел ее лица, - совсем так, как после ее первого бала, когда она слушала его исповедь.

- Отец, помнишь, ты говорил мне однажды, что я не понимаю чувства, которое ты и моя мать испытывали друг к другу?

Уинтон молчал, и она закончила:

- Теперь я знаю, как это бывает; скорее умрешь, чем откажешься от него.

- От кого? От Саммерхэя?

- Да. Я думала, что никогда не полюблю, но ты оказался прав.

Прав! В горестном молчании он поспешно размышлял: "Что же делать? Что я могу сделать? Добиваться для нее развода?"

То ли его смутил звук ее голоса, то ли встревожила серьезность положения, но он почему-то не почувствовал возмущения, как в те дни, когда он потерял ее из-за Фьорсена. Любовь! Такая же, как та, что застигла врасплох ее мать и его самого! Любовь к этому юноше? Приятный молодой человек, хороший наездник - ее можно понять! Вот только знать бы, как поступить! Он положил руку ей на плечо и сказал:

- Тогда, Джип, нам надо заняться разводом, а уж потом...

- Слишком поздно. Пусть тот разводится со мной, если хочет!

Слишком поздно? Неожиданно он вспомнил, что не вправе сказать ей хоть одно слово укора. И он замолчал. Джип продолжала:

- Я люблю его всем своим существом". Мне все равно, как это будет открыто или тайно. Мне все равно, что бы об этом ни подумали.

Она повернулась к нему. Такой он никогда еще не видал Джип! Вся пылающая, почти задыхающаяся, с настороженным взглядом, каким смотрит кошка или львица, когда что-то угрожает ее детенышам. Он вспомнил, какое у нее бывало напряженное лицо, когда еще девочкой она брала на лошади слишком высокие для нее препятствия. Наконец, он нарушил молчание:

- Жалею, что ты не сказала мне этого раньше.

- Я не могла. Я сама еще не знала. О, отец, я всегда огорчаю тебя! Прости меня.

Она приложила его руку к своей горячей щеке. И он подумал: "Простить? Разумеется, я прошу. Дело не в этом, а дело в том..."

Перед ним встала картина: о его любимой Джип начинают поговаривать, о ней идет молва из уст в уста? ей, как и ему, приходится скрываться от всех, встречаться украдкой, урывками, оберегать эту тайну даже от собственной маленькой дочери. Ах, только не это! И все-таки даже это лучше, чем злые языки, любопытствующие глаза, люди, которые подмигивают или смотрят на тебя с благородным негодованием! Саммерхэй принадлежал примерно к тому кругу, в котором вращался он сам; в замкнутом мире всегда особенно пышно расцветают сплетни, их можно уподобить ползучим паразитическим растениям. Его мозг стал поспешно, но уже хладнокровно искать какого-то выхода. На лице у него снова было выражение охотника, заметившего лису, выбегающую из чащи.

- Никто этого не знает, Джип?

- Никто.

Это уже кое-что! С раздражением, которое поднималось из самой глубины его души, он пробормотал:

- Я не вынесу, если тебе придется страдать, а этот тип Фьорсен выйдет сухим из воды. Можешь ты отказаться от встреч с Саммерхэем, пока мы не добудем для тебя развода? Это необходимо уладить, пока никто ничего не знает. Я думаю, ты можешь пойти на это ради меня, Джип?

Джип поднялась и долго стояла у окна, не отвечая. Уинтон пристально следил за ее лицом. Наконец она сказала:

- Нет, не могу. Мы можем отказаться от встреч, дело не в этом. А дело в том, что я перестала бы себя уважать. Ах, отец, разве ты не

понимаешь, что Фьорсен на свой лад действительно любил меня? Как могу я притворяться? Создавать для себя юридическое оправдание, рассказывать о Дафне Уинг, о его пьянстве, о ребенке; делать вид, будто я хотела, чтобы он меня любил, в то время как я ненавидела его, и мне было безразлично, верен он мне или нет. И пойти на это, зная, чувствуя каждую минуту, что для этого, другого, я - все! Лучше уж рассказать все Фьорсену и попросить его, чтобы он развелся со мной.

- А если он не захочет?

- Тогда моя совесть будет по крайней мере чиста; и мы будем жить так, как сможем.

- А маленькая Джип?

Глядя прямо перед собой, словно желая проникнуть в будущее, Джип медленно проговорила:

- Когда-нибудь и она поймет. А возможно, все это кончится, прежде чем она узнает. Разве счастье бывает долговечным?

Она наклонилась к нему, поцеловала в лоб и вышла. Осталось тепло ее губ, ее аромат, словно пахнувшие на Уинтона откуда-то из далекого прошлого.

Значит, ничего нельзя сделать? Люди его склада обычно не слишком глубоко вникают в переживания даже своих близких; теперь он вдруг яснее, чем когда-либо раньше, постиг натуру дочери. Бесцельно принуждать Джил действовать наперекор ее собственным чувствам! И все же сидеть и просто наблюдать все это - видеть, как его собственная страсть с ее испепеляющей силой теперь возродилась в ней, и, возможно, на многие годы! Старая народная пословица промелькнула в его голове: "Яблоко от яблони недалеко падает". Она теперь отдала всю себя, и будет отдавать полными пригоршнями - без меры, без оглядки! Как он сам, как ее мать!.. Пусть так! Джип все-таки выпала лучшая доля, чем той, покойной. Не надо заранее напрашиваться на неприятности. А слезами горю не поможешь!

ГЛАВА VIII

Джип лежала без сна. Мозг ее сверлила мысль, что надо все рассказать Фьорсену. Захочет он развестись с ней, если она об этом попросит? Презрение к тому, что он называл "этой буржуазной моралью", его безволие, грубость, наконец, уязвленное самолюбие - все это, конечно, помешает ему быть уступчивым. Нет, он не даст ей

развода! Она в этом уверена - разве что случайно, если ему самому понадобится узаконить свою свободу; но это маловероятно.

Что она выиграет от развода? Успокоит свою совесть? Но вправе ли она думать о собственной совести, если это может причинить боль любимому? И не смешно ли говорить о совести по отношению к человеку, который менее чем через год после женитьбы взял себе любовницу, не постеснялся даже встречаться с ней в доме, который содержит и оплачивает его жена?

Нет, сказать обо всем Фьорсену - это только потешить свою уязвленную гордость, ведь ей приходилось делать то, чего она не хотела.

Она спустилась к завтраку, ни на шаг не приблизившись к решению; ни она, ни отец не упоминали о вчерашнем разговоре.

Потом Джип вернулась в свою комнату, чтобы после месячного отсутствия привести в порядок платье. Было уже за полдень, когда, услышав легкий стук, она открыла дверь и увидела Марки.

- Прошу извинения, мэм.

Джип впустила его. Марки закрыл за собой дверь.

- Мистер Фьорсен в прихожей, мэм. Он пролез в дверь, когда я открыл ее на его звонок; он почти оттолкнул меня, и я не смог удержать его.

- Отец дома?

- Нет, мэм. Майор отправился в клуб фехтовать.

- Что вы сказали Фьорсену?

- Сказал, что я посмотрю, но, насколько могу судить, никого нет дома. Может быть, попробовать как-нибудь отделаться от него, мэм?

Джип покачала головой.

- Скажите, что его никто не может принять.

Вальдшнепы глаза Марки под черными кустистыми бровями смотрели на нее с грустным сочувствием. Он открыл дверь, собираясь выйти. За дверью стоял Фьорсен, он быстро, рывком проник в комнату. Она увидела, как Марки поднял руки, словно желая обхватить его сзади, и сказала спокойно:

- Марки, пожалуйста, подождите там.

Когда дверь закрылась, она отошла к туалетному столу и остановилась, глядя на мужа; сердце ее билось так, словно готово было выскочить вон.

Он отрастил себе бородку, щеки у него слегка округлились, глаза казались еще более зелеными; в остальном он был таким же, как запомнился ей. И первой ее мыслью было: "Почему я жалела его? Он не будет мучиться, не сопьется до смерти - у него жизненных сил хватит на двадцать человек".

Неестественная улыбка, с которой он вошел, исчезла с его лица. Он оглядел комнату с тем же наполовину злобным, наполовину трусливым выражением, которое ей было знакомо.

- Ну, Джип, - сказал он, и голос его слегка дрогнул. - Наконец-то! Ты не хочешь поцеловать меня?

Как глупо! Джип вдруг почувствовала себя совершенно спокойной.

- Вы хотите поговорить с моим отцом? Его нет дома.

Фьорсен возмущенно пожал плечами.

- Послушай, Джип! Я вчера вернулся из России. Я заработал кучу денег. Вернись ко мне! Я исправлюсь, клянусь тебе! Ах, Джип, вернись ко мне, и ты увидишь, как все будет хорошо! Я увезу тебя за границу, тебя и bambina {Девочку (итал.)}. Мы поедем в Рим, словом, куда захочешь, мы будем жить так, как тебе нравится. Только вернись ко мне!

Джип ответила с каменным лицом: - Вы говорите бессмысленные вещи.

- Джип, клянусь, я не встретил женщины, которая может сравниться с тобой. Будь добра ко мне еще раз. Теперь я не собьюсь с пути. Испытай меня! Испытай меня! Моя Джип!

Эти трагические, умоляющие интонации показались ей сейчас особенно фальшивыми и ребяческими; Джип поняла, как сильно то, новое чувство, которое живет в ее сердце. И чем больше оно о себе заявляло, тем жестче становились ее лицо и голос.

- Если это все, что вы пришли сказать, - пожалуйста, уходите. Я никогда не вернусь к вам. Раз и навсегда поймите это, пожалуйста.

Его молчание произвело на нее больше впечатления, чем его мольбы; своей обычной крадущейся походкой он приблизился к ней вплотную, чуть не касаясь лицом ее лба.

- Ты моя жена, - сказал он. - Я требую, чтобы ты вернулась. Ты должна быть у меня. Если ты не вернешься, я убью тебя или себя.

И вдруг он обнял ее и рванул к себе. Она подавила крик и очень тихо, не двигаясь, сказала:

- Отпустите меня, мне больно. Сядьте спокойно. Я вам кое-что расскажу.

Ее тон заставил его разжать руки и отодвинуться, чтобы увидеть ее лицо. Джип отвела его руки, села на старый дубовый сундук и указала ему на подоконник. Сердце у нее болезненно колотилось, она ощущала почти физическую тошноту: когда он стоял близко, она чувствовала сильный запах коньяка. Все выглядело так, словно она попала в клетку дикого зверя или в одну палату с сумасшедшим! Она вспомнила о его растопыренных пальцах, готовых, как когти, впиться в ее ребенка. Вспомнила так живо, что она едва видела его сейчас, сидящего на подоконнике и ждущего, что она скажет. Пристально глядя прямо ему в глаза, она тихо сказала:

- Ты говоришь, что любишь меня, Густав. Я тоже старалась тебя любить, но не могла никогда, с самого начала. Я очень старалась. Я думаю, для тебя все-таки имеет значение, что чувствует женщина, даже если это твоя жена.

Она увидела, как дрогнуло его лицо, и продолжала:

- Когда я поняла, что не могу любить тебя, я почувствовала, что у меня нет на тебя прав. Я не настаивала на своих правах, правда?

Снова его лицо дрогнуло, но она торопливо продолжала:

- Но не мог же ты требовать от меня, чтобы я всю свою жизнь прожила без любви - ты, который любил столько раз? - Крепко сжав руки, сама себе удивляясь, она проговорила: - А теперь я люблю. Я отдалась другому.

Он издал какой-то странный, скулящий звук и закрыл лицо руками. У Джип промелькнуло в голове: "Прием попрошайки: пожалейте, дорогой сэр, будьте милосердны!" Что же, он сейчас вскочит и задушит ее? Броситься к двери, позвать на помощь? Несколько долгих и страшных мгновений она смотрела на него; он сидел на подоконнике, раскачиваясь из стороны в сторону, все так же закрыв лицо руками. - Вдруг, не глядя на нее, он прижал руку ко рту и выбежал из комнаты.

Через открытую дверь Джип увидела фигуру Марки - он сделал движение, когда мимо него пробежал Фьорсен. Заперев дверь, она

легла в постель. Сердца ее стучало, как молоток. Если от этого потрясения Фьорсен снова запыет, мало ли что может еще случиться?

Он говорил дикие вещи; но какое у него право на ревность, на гнев? Какое право? Она вскочила, все еще дрожа, подошла к зеркалу и машинально стала поправлять волосы. Просто чудо, что она осталась невредимой!

Она уговорилась с Саммерхэем встретиться в три часа на скамейке в Сент-Джеймском парке. Но теперь все стало другим, стало трудным и опасным. Подождать, посоветоваться с отцом? Но если бы она не пришла на это свидание, Брайан стал бы беспокоиться, думать, что с ней что-то случилось; или ему пришлось бы в голову - о, глупость! - что она забыла о свидании или даже раскаялась в своей любви! А что бы подумала она сама, если бы он не пришел на свидание после стольких дней блаженства? Она, конечно, решила бы, что он раздумал, разлюбил, понял, что она недостойна его, что женщине, которая способна отдаться так легко, он не может посвятить свою жизнь.

В этих жестоких сомнениях Джип провела следующие два часа, пока стрелка не подошла к трем. Если она не пойдет, он явится сюда, на Бэри-стрит, а это еще опаснее. Она надела шляпу и быстро пошла в сторону Сент-Джеймского дворца. Убедившись, что ее никто не преследует, она почувствовала себя смелее. Она опоздала на десять минут и сразу увидела, что он прохаживается взад и вперед, оборачиваясь через каждые несколько секунд, чтобы не упустить из виду скамейку.

Поздоровавшись с той трогательной небрежностью любовников, которая мало кого обманывает, они пошли по аллее в Грин-парк. Она передала ему разговор с отцом. И только когда он крепко сжал ее руку под зонтиком, лежавшим у нее на коленях, она заговорила о Фьорсене.

Он убрал руку и спросил:

- Он прикасался к тебе, Джип?

Этот вопрос потряс ее. Прикасался ли? Да! У Саммерхэя вырвалось что-то вроде стоны, он стиснул зубы. Она воскликнула:

- Брайан! Не надо! Я никогда не позволила бы ему поцеловать меня.

Он с усилием заставил себя поглядеть на нее.

- Ничего! Все хорошо, - сказал он наконец.

Она сидела неподвижно, уязвленная в самое сердце. Для него она загрязнена, запятнана. Ну, конечно! Но ведь сердце ее никогда не было затронуто; оно принадлежит только ему одному, навсегда! Видимо, этого мало для мужчины. Он хочет, чтобы осталось в неприкосновенности и тело. Но это непоправимо; надо было думать об этом раньше, а не сейчас. Убитая, она сидела, глядя прямо перед собой.

Возле них остановился маленький мальчик - он глядел на них круглыми неподвижными глазами. В руке он держал ломоть хлеба, намазанный джемом, рот и щеки у него были перепачканы. Женский голос позвал: "Джекки! Иди сюда сейчас же!" Мальчик бросился прочь, но все оглядывался, держа в руках хлеб с джемом, словно предлагая кусочек Джип. Саммерхэй обнял ее.

- Все прошло, дорогая. Это не повторится. Обещаю тебе!

Да, конечно, он может обещать, может даже выполнить это обещание. Но он будет страдать, всегда будет страдать, когда подумает о том человеке. И она сказала:

- Я могу быть только такой, какая я есть, Брайан. Я не могу стать иной для тебя. Я хотела бы этого, о, как я хотела бы этого!

- Не думай об этом, - ответил он. - Идем ко мне, выпьем чаю. Там никого нет. Прошу тебя!

Он взял ее за руки. И Джип забыла обо всем, осталась только радость оттого, что она с ним.

ГЛАВА IX

Пробежав мимо Марки, словно слепой, Фьорсен вышел на улицу; не пройдя и сотни шагов, он бросился назад. Он забыл шляпу. Слуга, все еще стоявший в дверях, протянул ему его широкополый головной убор и захлопнул дверь перед самым его носом.

Фьорсен направился в сторону Пикадилли. Если бы не это выражение лица Джип, чего бы он не натворил! Вместе с приступом мучительной ревности он чувствовал какое-то облегчение, словно избавился от чего-то ужасного. Так, значит, она никогда не любила его! Никогда? Невозможно! Немыслимо, чтобы женщина, которую он любил так страстно, не почувствовала бы никогда такой же страсти! Перед ним вставал ее образ - она уступала, всегда уступала. Не могло же это быть сплошным притворством! Он ведь не какой-нибудь заурядный человек - у него есть обаяние, или... это только другие

женщины так думают? То, что она сказала, - ложь; нет, она, безусловно, солгала!

Он вошел в кафе и заказал коньяку. Ему принесли графин, на котором были отмечены порции. Он просидел долго. А когда встал и вышел, было выпито ровно девять порций; он чувствовал, что кровь его бурлит от гнева, а душа полна благородства. Что ж, пускай себе любит! Но уж позвольте и ему добраться до плотки ее любовника! Вдруг он замер на месте. На доске, которую нес человек-реклама, стояли слова:

"Дафна Уинг. Пантеон. Дафна Уинг. Пластические танцы. Поэзия движения. Сегодня в три часа. Пантеон. Дафна Уинг".

Вот кто действительно любил его - маленькая Дафна! Шел уже четвертый час. Войдя в зал, он с каким-то чувством горького удовлетворения занял место в партере, поближе к сцене. Какова ирония судьбы!.. Ага, вот она вышла на сцену. Пьеретта в короткой юбочке из прозрачного муслина, лицо, под стать костюму, сильно набелено. Она встала на пальцы и медленно вращается, подняв руки в виде арки над шелковистыми кудрями.

Идиотская поза! Но на лице ее было прежнее кроткое выражение, напоминающее голубку. Эта ее одухотворенность в танце потрясла Фьорсена, хотя позы были нелепы. Она порхала из конца в конец сцены, делая пируэты, на мгновение ее подхватывал затянутый в черное трико Пьеро с таким же набеленным лицом. Он поднимал ее вверх ногами, потом она снова, соединив аркой руки над головой, стояла на одной ноге, согнув в колене другую и прижав к щиколотке опорной ноги. Затем Пьеро обхватывал ее за талию, и она, продолжая стоять на пальцах и подняв другую ногу вверх, вся трепетала, и трепетание ее тела должно было показать зрителю, как все это невероятно трудно; наконец, встав на всю стопу, она понеслась за кулисы и тут же выбежала обратное застывшим на лице одухотворенным выражением заблудившаяся голубка! Ее точеные ноги сверкали белизной. Да, на сцене она была восхитительна! Высоко подняв руки, Фьорсен принялся аплодировать и крикнул "Bravo!" Он заметил, как глаза ее внезапно округлились, но только на мгновение, не больше. Она увидела его. "Меня не так-то легко забыть!" подумал он.

Потом она выступила во втором танце. На этот раз зрители могли увидеть еще и отражение ее фигуры в маленьком, покрытом водорослями искусственном пруду, устроенном посредине сцены. "Последний танец Офелии", - ухмыльнулся Фьорсен. Она была в легкой тунике цвета морской волны, с разрезами в нескольких местах, чтобы обязательно показать великолепные ноги; с маргаритками и васильками в рассыпавшихся волосах, она кружилась вокруг своего отражения в воде, томная, бледная, безутешная; затем, изображая горестное отчаяние, что нужно было для раскрытия образа, она испуленно стала носиться по сцене и, наконец, под сверкающими огнями рампы, погрузилась в искусственный пруд и поплыла среди бумажных водяных лилий. Она была все так же очаровательна - эти блестящие глаза, полураскрытые губы, распущенные волосы!

Фьорсен снова высоко поднял руки, захлопал и снова крикнул: "Bravo!"

Занавес опустился, но Офелия не вышла на вызовы - оттого ли, что она увидела его, или ей хотелось сохранить иллюзию, что она утонула? Такая "театральность" всегда была ей свойственна.

Громко сказав "тьфу!" двум клоунам в ситцевых костюмах, которые хлопали друг друга по животам, он встал и вышел вон. Нацарапав на карточке: "Хотите видеть меня? Г. Ф.", - он передал ее через артистический вход. Ему ответили:

- Мисс Уинг может принять вас через минуту, сэр.

Прислонившись к оштукатуренной стене, Фьорсен стоял на сквозняке в коридоре и спрашивал себя: какого черта он здесь и какого черта она ему скажет?

Она уже надела шляпу, а костюмерша застегивала на ней лакированные ботинки. Дафна Уинг протянула руку через ее голову и сказала:

- О мистер Фьорсен, как поживаете?

Фьорсен взял ее маленькую влажную руку и окинул девушку взглядом, опасаясь, однако, встретиться с ней глазами. Лицо ее осталось таким же и все-таки было новым. В нем чувствовалось больше твердости, больше уверенности; только безупречная гибкая фигурка не изменилась. Костюмерша пробормотала: "До свидания, мисс" - и ушла.

Дафна Уинг слабо улыбалась.

- Я так долго не видела вас.
- Да. Я был за границей. Вы танцуете, как всегда, прекрасно.
- О да; то, что случилось, не помешало моим танцам!

Сделав над собой усилие, он посмотрел ей прямо в лицо. Неужели это та самая девушка, которая так цеплялась за него, надоедала своими поцелуями, слезами, мольбами о любви, хотя бы самой маленькой? Сейчас она была привлекательнее, намного привлекательнее, чем прежде! И он сказал:

- Поцелуй меня, маленькая Дафна!

Дафна Уинг не пошевелилась. Белыми зубками она прикусила нижнюю губу и ответила:

- О нет, благодарю вас! Как поживает миссис Фьорсен?

Он сказал отрывисто:

- С ней покончено.

- О! Она развелась с вами?

- Нет. Довольно о ней, я сказал - довольно!

Дафна Уинг, не двигаясь с места, стояла посреди своей маленькой, заполненной всяким хламом артистической. Она произнесла деловым тоном:

- Не очень-то вы вежливы, не правда ли? Это просто забавно. Не знаю, рада ли я видеть вас. Мне было очень тяжело, вы сами понимаете; а миссис Фьорсен вела себя, как ангел. Зачем вы пришли ко мне?

В самом деле! Зачем он пришел? Молнией мелькнула мысль: "Она поможет мне забыть". И он тихо проговорил:

- Я поступил жестоко, Дафна. Я пришел, чтобы заладить свою вину.

- О нет! Вы ничего не можете исправить; нет, спасибо! - Она стала натягивать перчатки. - Знаете ли, вы меня многому научили, я даже должна быть вам благодарна. О, вы отрастили бородку? Вы думаете, это вам идет? Нет, вы скорее напоминаете Мефистофеля.

Фьорсен пристально смотрел на это прекрасное лицо - сквозь удивительную белизну кожи едва пробивался слабый румянец. Что ж, она смеется над ним? Дафна Уинг - и такой деловой тон!

- Где вы теперь живете? - спросил он.

- Я живу отдельно, в своей студии. Можете прийти и посмотреть, если желаете. Но только поймите сразу: любви мне не надо, я больше

не хочу.

Фьорсен ослабился.

- Даже с другим? - спросил он.

Дафна Уинг ответила спокойно:

- Прошу вас обращаться со мной, как с леди.

Фьорсен прикусил губу.

- Могу я иметь удовольствие пригласить вас на чашку чая?

- Благодарю вас. Я очень голодна. Я не завтракаю, когда у меня дневное выступление. Я считаю, что так лучше. Вам понравилось, как я танцую Офелию?

- Весьма искусно,

- Это делается с помощью зеркал, и еще там есть сетка из проволоки. Но у вас создалось впечатление, что я безумная? - Фьорсен кивнул. - Я очень рада. Так пойдемте? Мне очень хочется чаю.

Она повернулась, взглянула на себя в зеркало, поправила обеими руками шляпу, на секунду показав замечательные линии своей фигуры, взяла сумочку, висевшую на спинке стула, и сказала:

- Я думаю, вам лучше пройти вперед, если не возражаете. Так мы не обратим на себя внимания. Встретимся у "Раффеля", там у них очень вкусные вещи. Au revoir {До свидания (франц.)}.

Совершенно сбитый с толку, раздосадованный, странно притихший, Фьорсен пересек Ковентри-стрит, вошел в пустой ресторан "Раффеля" и занял столик у окна. Образ Джип, сидящей на дубовом сундуке у кровати, начисто вытеснил танцовщицу. Но, подняв глаза, он увидел Дафну Уинг - она стояла на улице и внимательно рассматривала выставленные в витрине пирожные. Потом она вошла.

- А! Вы уже здесь? Знаете, мне хотелось бы кофе-глясе, орехового торта и сладких марципанов; о, и чуточку сбитых сливок к тарту! Вы не возражаете? - Усевшись на стул, она принялась разглядывать его.

- Где вы были за границей?

- В Стокгольме, Будапеште, Москве и других местах.

- Великолечно! Как вы думаете, был бы у меня успех в Будапеште или Москве?

- Возможно. Вы типичная англичанка.

- О! Вы думаете, что я типичная англичанка?

- Безусловно. Ваш тип... - Он едва удержался, чтобы не сказать: "Ваш вульгарный тип едва ли возможен в какой-либо другой стране".

- Мой тип красоты? Фьорсен усмехнулся и кивнул.

- Пожалуй, это - самое приятное из того, что вы когда-либо мне сказали. Но все-таки мне хочется думать, что я скорее греческого типа, языческого.

Ее профиль на фоне яркого света был удивительно чист и нежен. Он сказал:

- Вы, наверно, ненавидите меня, маленькая Дафна. Ведь вы должны ненавидеть меня.

Круглые серо-голубые глаза Дафны Уинг смотрели на него с тем же выражением, с каким она только что разглядывала марципаны.

- Нет. Теперь у меня уже нет ненависти к вам. Конечно, если бы я все еще любила вас, я бы вас ненавидела. Это странно, правда? Но ведь можно думать о человеке, что он дрянь, и не чувствовать ненависти к нему?

- Значит, вы думаете, что я дрянь?

- А разве нет? Иначе вас и не назовешь! Подумайте только, что вы сделали со мной!

- А вы все-таки не отказались выпить со мной чашку чая!

Дафна Уинг принялась за торт и сказала с набитым ртом:

- Видите ли, я теперь независима и знаю жизнь. А поэтому я вас не боюсь.

Фьорсен схватил ее руку в том месте, где ровно бился пульс. Она взглянула на него, переложила ложечку в другую руку и продолжала есть. Фьорсен отдернул свою руку, как ужаленный.

- Вы переменялись, это безусловно!

- А вы не ожидали, правда? Знаете, такие испытания не проходят даром. Думаю, что я была ужасной дурочкой... - Она подняла ложку и перестала есть. - И все же...

- Я все еще люблю вас, маленькая Дафна! У нее вырвался слабый вздох.

- Прежде я многое бы отдала, чтобы услышать это. Она отвернулась, выбрала большой орех из торта и положила в рот.

- Вы придете посмотреть мою студию? Она у меня довольно приятная и к тому же новая. Я зарабатываю двадцать пять фунтов в неделю, а по следующему контракту буду получать тридцать. Мне

хотелось бы, чтобы миссис Фьорсен знала об этом... О, я забыла, что вам не нравится, когда я говорю о ней. А почему? Мне хотелось бы, чтобы вы ответили на этот вопрос. - Посмотрев на его разъяренное лицо, она продолжала: - Я ни капли вас не боюсь теперь. Раньше боялась. А как поживает граф Росек? Все такой же бледный? А почему вы ничего не заказываете себе? Вы совершенно ничего не едите. Знаете, что бы я еще съела? Шоколадный эклер и малиновое мороженое с сельтерской водой и ломтиком мандарина.

Когда она медленно высосала напиток через соломинку и воткнула ее в ломтик мандарина, они вышли из ресторана и сели в машину. По дороге Фьорсен пытался завладеть ее рукой, но она, сложив руки на груди, спокойно проговорила:

- У вас дурные манеры - как можно вести себя так в машине!

Сердито отдернув руку, он искоса наблюдал за ней. Неужели она играет с ним? Или она действительно утратила интерес к нему? Ему это казалось невероятным. Машина, проехав по лабиринту улиц Сохо, наконец, остановилась. Дафна Уинг зажгла свет в коридоре и прошла к зеленой двери направо; открывая ее ключом, она говорила:

- Мне нравится, что я живу на убогой улочке. Это как-то всерьез, по-профессиональному. Конечно, это не студия, а задняя комната картонажной мастерской. Но ведь приятно отвоевать для искусства хотя бы маленькое местечко?

Они поднялись по нескольким ступенькам, покрытым зеленой дорожкой, и вошли в большую комнату с верхним! светом; стены были затянуты японским шелком цвета желтой азалии. Дафна Уинг с минуту стояла молча, словно пораженная убранством своего жилища; потом, показывая на стены, сказала:

- Это заняло у меня много времени. Я все сделала сама. И посмотрите на мои маленькие японские деревья - разве это не прелесть?

На высоком подоконнике, куда достигал верхний свет, были аккуратно расставлены шесть карликовых деревьев.

- Я думаю, графу Росеку понравилась бы эта комната, - сказала она вдруг. - В ней есть что-то оригинальное, правда? Понимаете, мне хотелось окружить себя всем этим... словом, вы понимаете. Чтобы и в моей работе появилось что-то оригинальное. В наше время это так важно. Но здесь у меня есть и спальня, и ванна, и кухонька, все под

рукой, по-домашнему, всегда горячая вода. Моим родителям эта комната кажется странной. Они иногда приходят, стоят и смотрят и никак не могут привыкнуть; конечно, в этом районе очень убого. Но я думаю, что артист должен стоять выше этого.

Внезапно растрогавшись, Фьорсен сказал:

- Да, маленькая Дафна.

Она мельком взглянула на него и еле заметно вздохнула.

- Почему вы так поступили со мной? - спросила она. - Как жаль, что теперь я уже не могу любить! - И вдруг она провела тыльной стороной ладони по глазам. По-настоящему растроганный, Фьорсен шагнул к ней, но она отстранила его, и слезинка сверкнула у нее на ресницах.

- Пожалуйста, сядьте на диван. Хотите курить? Вот у меня русские. - Она вынула коробочку розоватых папирос из столика золотистой карельской березы. - У меня здесь почти все русское и японское. Я думаю, это лучше, чем что-либо другое, создает атмосферу. У меня есть балалайка. Вы умеете играть на ней? Нет? Как жаль! Вот если бы у меня была скрипка... Я бы очень хотела снова послушать вас. - Она сжала руки. - Вы помните, как я танцевала для вас перед камином?

Фьорсен очень хорошо помнил это! Папироса задрожала у него в пальцах, и он оказал хрипло:

- Потанцуйте сейчас, Дафна!

Она покачала головой.

- Я не верю вам ни на грош, и никто не стал бы верить, правда?

Фьорсен вскочил.

- Зачем же вы позвали меня сюда? Что вы из себя разыгрываете, вы, маленькая...

Глаза ее округлились, но она сказала, не повышая голоса:

- Я думала, вам будет приятно увидеть, что я стала хозяйкой своей судьбы, вот и все. Но если это неприятно, вам незачем здесь оставаться.

Фьорсен снова опустился на диван. Понемногу у него начало складываться убеждение, что она действительно говорит правду. Он выпустил клуб дыма и засмеялся.

- Чему вы смеетесь? - спросила она.

- Я только подумал, маленькая Дафна, что вы такая же эгоистка, как и я.

- Я хочу стать эгоисткой. Это ведь так важно в жизни, не правда ли?

Фьорсен засмеялся снова.

- Не старайтесь, пожалуйста, вы всегда были эгоисткой.

Она присела на скамеечку и сказала серьезно:

- Нет, я не была эгоисткой, когда любила вас. Но от этого я ничего не выиграла, так ведь?

- Это сделало из вас женщину, Дафна. У вас другое лицо. Ваш рот стал красивее. Вы вся стали красивее. - На щеках Дафны Уинг проступил румянец. Заметив это, он продолжал горячо: - Если бы вы полюбили меня сейчас, вы бы мне не наскучили. О, можете верить мне! Я...

Она покачала головой.

- Не будем говорить о любви, хорошо? Вы имели большой успех в Москве и Петербурге? Это ведь чудесно - настоящий, большой успех!

Фьорсен ответил мрачно:

- Я заработал много денег.

- Значит, вы очень счастливы?

"Неужели она способна даже иронизировать?"

- Я несчастен.

Он встал и подошел к ней. Она подняла голову и взглянула ему в лицо.

- Как жаль, что вы несчастны. Я-то знаю, каково быть несчастным!

- Вы можете мне помочь, маленькая Дафна. Помочь мне забыть.

Он замолчал и положил руки ей на плечи. Не двигаясь, она сказала:

- Наверное, вы хотите забыть миссис Фьорсен?

- Да, словно она умерла! Пусть снова все будет по-прежнему, Дафна! Вы повзрослели. Вы теперь женщина, артистка...

Дафна Уинг обернулась к двери.

- Кажется, звонок. Может быть, это мои родители? Они всегда приходят в это время. Ах, как неудобно...

Фьорсен отпрянул к окну, на котором стояли японские деревца, и принялся кусать ногти.

- У матери есть ключ, и бесполезно прятать вас где-нибудь: она всегда осматривает все углы. Но, может быть, это не они? Знаете, я теперь их не боюсь; совсем другое дело, когда живешь самостоятельно.

Она исчезла. Фьорсен услышал резкий женский голос, потом голос мужчины, хриплый и густой, звук поцелуя. Он чувствовал себя, как в западне. Попался! Проклятый бесенок в образе голубки!

Он увидел даму в зеленом шелковом платье со свекольным отливом и приземистого, грузного господина с круглой седеющей бородой, в сером костюме и с маленьким георгином в петлице. За ними стояла Дафна Уинг, раздумавшаяся, с округлившимися глазами. Фьорсен сделал шаг вперед, собираясь без лишних слов скрыться. Господин сказал:

- Познакомь нас, Дэйзи! Я не расслышал... Кажется, мистер Доусон? Как поживаете, сэр? Полагаю, вы один из импрессарио моей дочери? Рад с вами познакомиться. Очень рад.

Фьорсен поклонился. Свиные глазки мистера Уэгга остановились на японских деревцах.

- У нее здесь приятное местечко для работы, спокойное, нешаблонное, я бы сказал. Надеюсь, вы хорошего мнения о ее таланте, сэр? Вам ведь могла попасться и не такая хорошая балерина?

Фьорсен снова поклонился. - Вы можете гордиться ею, - сказал он. - Она восходящая звезда.

Мистер Уэгг откашлялся.

- Гм! - произнес он. - Да! Когда она еще была крошкой, мы видели, что в ней что-то есть. Я проявил большой интерес к ее занятиям. Это не по моей части, но она настойчива, а я люблю таких. Если человек настойчив, это уже половина успеха. Некоторые молодые считают, что жизнь - просто игра. Наверно, в вашей профессии много такой молодежи, сэр?

- Роберт! Его фамилия... совсем не Доусон! - сказала миссис Уэгг.

Наступило молчание. С одной стороны стояла, вытянув шею, эта женщина, похожая на взъерошенную курицу; с другой - Дафна, с вытаращенными глазами, горящими щеками и скрещенными на великолепной груди руками, а между ними широкоплечий седобородый господин с побагровевшим! лицом, злобными глазками и хриплым голосом:

- Так это ты, мерзавец! Ты... проклятый негодяй!

Он шагнул вперед, подняв увесистый кулак. Фьорсен выскочил из комнаты, окатился по лестнице, одним рывком распахнул дверь и выбежал на улицу.

ГЛАВА X

В тот самый вечер, стоя на углу Бэри-стрит, Саммерхэй смотрел вслед Джип, которая быстро шла к дому отца. Исчезла. Он чувствовал, как растет в нем тоска по ней, как все сильнее становится желание, чтобы она всегда была с ним. Ведь ее муж все знает - зачем же медлить? Этот субъект не оставит их в покое. Им надо немедленно уехать за границу, пока все окончательно не выяснится; а потом он найдет какое-нибудь местечко, где они смогут жить, где она будет счастлива и спокойна. Но для этого ему надо привести в порядок собственные дела. Он подумал: "Нельзя делать дело наполовину. Надо рассказать матери. Чем раньше, тем лучше!" Хмурый и задумчивый, он подошел к дому своей тетки на Кэдоган-гарденс, где всегда останавливалась мать, когда приезжала в Лондон.

В ожидании обеда леди Саммерхэй читала книгу о сновидениях. Лампа с красным абажуром бросала мягкий свет на ее серое платье, розоватую щеку и белое плечо. Это была представительная дама, со светлыми, едва начинающими седеть волосами; вышла она замуж рано и уже пятнадцать лет была вдовой. Вольнодумство, когда-то ей свойственное, давно зачахло от долгого общения с людьми, занимающими солидное положение в обществе. Душа ее, погрузившись в пучину жизни, уже не могла подняться до прежних высот, хотя в ней иногда еще пробуждались некоторые прежние порывы. Ей не чужд был некоторый либерализм, но теперь ее мнения определялись все теми же ее знакомыми с солидным общественным положением: спорить - сколько угодно, но никаких изменений в принятом укладе жизни! Различные общественные течения, которыми интересовались она и ее друзья, вопросы эмансипации и всеобщего блага - все это было для нее чем-то вроде отдушины, дававшей выход избытку врожденной доброжелательности и постоянной склонности поучать других. Она всегда думала, что действует в общих интересах, но руководствовалась все-таки тем, что влиятельные люди обычно говорят на завтраках и обедах. Конечно, это была не ее вина, что

такие люди имеют обыкновение завтракать и обедать. Когда сын поцеловал ее, она протянула ему книгу и сказала:

- Я считаю, что книга этого человека позорна; он просто помешался на вопросах пола. Мы совсем не так уж одержимы ими, как ему кажется. Автора надо было бы посадить в его собственную лечебницу для умалишенных.

Саммерхэй сказал:

- У меня дурные новости для тебя, мама.

Леди Саммерхэй испытующе посмотрела на него. Она знала это выражение его лица, наклон головы, словно он собирается боднуть. Так он выглядел, когда приходил к ней после карточного проигрыша.

- Ты знаешь майора Уинтона из Милденхэма и его дочь? Так вот, я люблю ее... Она моя возлюбленная.

Леди Саммерхэй ахнула.

- Брайан!

- Тот субъект, за которого она вышла замуж, пьет. Год назад ей пришлось уйти от него и забрать с собой ребенка; были к тому и другие причины. Послушай, мама, это неприятно, но ты должна знать: на развод нет никакой надежды. - Он повысил голос: - И не пытайся переубедить меня. Это бесполезно.

С приятного лица леди Саммерхэй словно упала маска; она сжала руки.

Уж очень внезапно обрушилась на Брайана жизнь, которая до сих пор была для него лишь серией "юридических казусов"! Это слишком жестоко. Видимо, сын сам чувствует это, хотя и не понимает, в чем тут дело. Какая неприятная, ужасная новость!

Он взял ее руку и поднес к губам.

- Не унывай, мама! Она счастлива, и я тоже.

Леди Саммерхэй пробормотала:

- Но разве... но разве... это грозит скандалом?

- Надеюсь, что нет; во всяком случае, этот скрипач обо всем знает.

- Общество не прощает таких вещей.

- Что ж, я очень огорчен за тебя, мама.

- О Брайан!

Это восклицание задело его.

- Нет нужды кому-нибудь рассказывать об этом, мама! Мы не знаем еще, что будет дальше.

Леди Саммерхэй почувствовала боль и пустоту в сердце. Женщина, с которой она не знакома, само происхождение которой было сомнительным, а замужество, видимо, тоже запятнало ее, - какая-то сирена, это ясно! Как все это тяжело! Она верила в сына, мечтала, что он займет положение в обществе, надеялась, что он, безусловно, достигнет многого!

Она спросила слабым голосом;

- Этот майор Уинтон - светский человек?

- Вполне. Но она будет достойной парой для кого угодно. И самая гордая женщина, какую я встречал. Если ты не знаешь, как тебе держаться с ней, - не беспокойся! Ей ничего ни от кого не нужно, могу заверить тебя. Она не примет подачек.

- Это очень мило! - Но, взглянув на сына, леди Саммерхэй вдруг почувствовала, что ей грозит опасность быть вытесненной из его сердца. Она сказала холодно: - Вы собираетесь жить вместе, открыто?

- Если она захочет.

- Ты еще не знаешь?

- Я скоро узнаю.

Книга о сновидениях упала с ее колен. Она подошла к камину и стала там, глядя на сына. Куда девалась его веселость? Лицо его казалось ей чужим. Она вспомнила, как однажды в Уидрингтонском парке, разозлившись на своего пони, он промчался мимо нее, и лицо у него было такое же, а вьющиеся волосы стояли дыбом, как у чертенка. Она печально сказала:

- Но не мог же ты думать, что я буду довольна всем этим! Брайан, даже если она такая, как ты говоришь, - не кроется ли здесь какая-нибудь интрига?

- Чем больше людей будет против нее, тем больше я буду ее любить.

Леди Саммерхэй вздохнула.

- А как собирается поступить тот скрипач? Я однажды слышала его игру.

- С точки зрения морали и по закону его нельзя привлечь к суду. Я только молю бога, чтобы он сам поднял дело о разводе, и тогда я смогу жениться на ней. Но Джип говорит, что он не захочет.

- Джип? Это ее имя? - Ее охватило вдруг желание, отнюдь не дружественное, увидеть эту женщину. - Ты приведешь ее ко мне? Я здесь одна до среды.

- Я не думаю, что она придет. Мама, какая она чудесная!

Улыбка пробежала по губам матери. "Ну, конечно! Афродита! А дальше что?"

- Майор Уинтон знает?

- Да.

- Что же он говорит?

- Он так же, как и ты, считает, что все это очень неприятно. Но в ее положении - все неприятно!

В сердце леди Саммерхэй словно открылся шлюз, и она разразилась потоком слов:

- Ах, голубчик, не можешь ли ты положить этому конец? Я знаю много случаев, когда такие вещи кончались плохо. Ведь не напрасно же существуют законы и правила приличия, поверь мне! Их влияние слишком велико. Разве что какие-нибудь особенные люди в каких-то особых условиях добиваются своего. Не думай, что я буду тебе препятствовать, но трудности все равно возникнут. Другое дело, если бы ты был писателем или артистом, который может работать где угодно и жить даже в пустыне. Но твоя работа - здесь, в Лондоне. Непременно подумай как следует, прежде чем пойти против общества! Это легко сказать, что никому нет до тебя дела, но ты увидишь, что это не так, Брайан! И сумеешь ли ты в конце концов сделать ее счастливой?

Заметив выражение его лица, она умолкла.

- Мама, ты, должно быть, не понимаешь. Я так предан ей, что для меня не существует ничего, кроме нее.

- Может быть, ты околдован?

- Я сказал то, что есть. Спокойной ночи!

- Разве ты не пообедаешь со мной, мой мальчик? Но он ушел; досада, тревога, тоска одолевали леди Саммерхэй. Она обедала в одиночестве, печальная и безутешная.

Саммерхэй пошел прямо домой. Фонари ярко горели в сумерках ранней осени; пронизывающий ветер то там, то здесь срывал желтые листья с платанов. Это был час, когда вечерняя синева меняет облик города, когда резкие очертания предметов смягчаются, становятся

более зыбкими, таинственными, когда печаль, окутывающая людей и все эти деревья и дома, спускается на крыльях фантазии и наполняет душу поэзией. Но Саммерхэй все еще слышал голос матери и впервые почувствовал, что идет против всех. Ему уже казалось, что на лицах у прохожих какое-то другое выражение. Сейчас уже ничего не придется принимать как должное! А он принадлежит к той среде, где все принимается за должное. Он еще неясно понимал все это. Но уже начинал, как выражаются няньки, "смыслить": ему предстоит защищаться от общества.

Вставляя ключ в замочную скважину, он вспомнил тот день, когда впервые открывал эту дверь Джип, которая вошла словно украдкой и в то же время с каким-то вызовом. Теперь все будет вызовом! Он разжег камин в гостиной и принялся выдвигать ящики, раскладывать, рвать и жечь бумаги, составлять списки, упаковывать. Покончив с этим, он сел и закурил. В комнате было тихо, и казалось, образ Джип незримо наполняет ее собой,

Закрыв глаза, он увидел ее у камина - там она стояла, повернувшись к нему лицом, собираясь уходить. Чем больше она любит его, тем больше будет любить ее он! И он сказал вслух: "Клянусь богом!" Старый скоч-терьер Оссиан вышел из угла и ткнулся длинным черным носом в руку хозяина.

- Иди сюда, Осей! Добрый пес Осе! - И, успокоенный теплом этого лохматого тела, примостившегося рядом с ним в кресле, Саммерхэй заснул у камина, в котором тлело его прошлое.

ГЛАВА XI

Хотя Джип всегда ходила по улицам не оглядываясь, она совершенно ясно чувствовала, что Саммерхэй стоит там, где они расстались, и смотрит, как она идет к дому на Бэри-стрит. Она сама удивлялась силе своего чувства, как купальщица, прыгнувшая в море, удивляется, когда волна уносит ее и ноги не достают дна.

Уже вторую ночь подряд Джип почти не спала; час за часом прислушивалась она к звону Большого Бэна. За завтраком она сообщила отцу о том, что вновь появился Фьорсен. Услышав эту новость, он окинул дочь проницательным взглядом.

- И что же, Джип?

- Я рассказала ему.

Любопытство, осуждение, на которое у него не было права, восхищение ее мужеством, боязнь за последствия, беспокойство за нее, захваченную бурным истоком любви, - все эти чувства читались на его лице.

- Как же он это принял?

- Выбежал вон. Я уверена, что он не даст мне развода.

- Боюсь, что так. Наглости у него на это хватит. - Уинтон замолчал. Что ж, - сказал он внезапно, - теперь одному богу известно, чем это кончится. Но будь осторожна, Джип.

Около полудня с взморья вернулась Бетти и привезла серьезную темноглазую щебечущую маленькую Джип, загорелую, как поджаренное кофейное зерно. Когда ее накормили всем, чем можно кормить ребенка после путешествия, Джип взяла ее в свою комнату, уложила в кровать, закутала шалью и легла вместе с ней. Несколько раз сладко зевнув, маленькая Джип удалилась в царство сна. Джип лежала рядом и с какой-то особенной нежностью глядела на ее черные ресницы. Она никогда оде отличалась любовью к детям, но эта крошка, с ее нежной смуглой кожей, пухленькая и хрупкая, с открытым взглядом и воркующим голоском, постоянно выпрашивающим что-либо у "дорогой мам", этот ребенок был восхитительным, неотразимо очаровательным! Девочка быстро развивалась, обретая грациозную округлость маленького зверька и совершенную форму цветка. Итальянская кровь ее прапрабабушки еще сильно сказывалась в ней. Ее волосы, уже не такие черные, как в младенчестве, вились и кольцами падали на шею и лоб. Маленькая загорелая ручка выскользнула из-под шали и крепко уцепилась за ее край. Джип смотрела на розоватые ноготки, на их невероятно крохотные лунки, вслушивалась в спокойное дыхание, такое же легкое, как трепетание лепестков розы в безветренный день; и губы Джип вздрагивали, тянулись к этим черным ресницам, - она заставила себя откинуть голову назад, чтобы не поддаться своему чувству.

В тот же вечер за обедом Уинтон невозмутимо сказал:

- Ну, сегодня я видел Фьорсена и предостерег его. Нашел его у этого типа Росека. Встретил там и девушку, танцовщицу. Она спускалась по лестнице, когда я собирался войти; я дал ей понять, что очень хорошо ее заметил. Я думаю, что Фьорсен больше не будет беспокоить тебя.

- Как выглядела она, отец?

Уинтон улыбнулся. Как передать впечатление от этой особы, вытаращившей на него глаза и разинувшей рот?

- Она выглядела, как обычно, только, увидев меня, очень удивилась. В белой шляпе, весьма элегантно. В своем роде привлекательна, но вульгарна все-таки! Когда я вошел, те двое занимались музыкой: один играл на скрипке, другой аккомпанировал ему на рояле. Они пытались не впустить меня. Подозрительное у них там местечко!

Джип ясно видела перед собой эту картину. Черные стены, серебряные статуэтки, гравюры Ропса, аромат вянущих роз, сигареты, эти двое за роялем и ее отец, такой холодный и сдержанный.

- С подобными субъектами церемониться не приходится. Я не забыл, как этот поляк вел себя с тобой, дорогая!

Джип вздрогнула.

- Я уже почти жалею, что ты ходил туда, отец. Ты не сказал чего-нибудь такого?

- Почему же? Я думаю, что был совершенно вежлив. Правда, я не поклянусь, что не назвал одного из них негодяем. А они сказали нечто вроде того, что я себе это позволяю только потому, что я калека.

- О! Родной мой!

- А этот поляк...

Снова Джип почувствовала страх. Бледный, вкрадчивый Росек, его глаза, в которых так много скрыто, чувственные губы... О, этот никогда не простит!

Но Уинтон улыбался. Ему доставила удовольствие эта встреча, она успокоила его.

Джип весь вечер писала свое первое настоящее любовное письмо. Но когда на следующий день, выполняя обещание, она пришла к Саммерхэю в его маленький дом, сердце ее упало: шторы были опущены, в доме словно никто не жил, А он должен был дожидаться ее у окна! Значит, он не получил ее письма? Или не был дома со вчерашнего дня? Тревога, которая вползает в сердца любовников, когда не состоялось свидание, охватила ее впервые в жизни. В треугольном садике стояла полуразвалившаяся статуя Эроса со сломанным луком в руках; воробей сидел на его зеленоватом плече;

над головой статуи склонились листья сирени, а у ног лежал, посапывая, старый скоч-терьер.

- Осей!

Старый пес подошел и слабо завилял хвостом.

- Хозяин? Где твой хозяин, милый?

Оссиан ткнулся длинным носом в ее ногу. Она отошла от опустевшего дома и вернулась к себе: ее продолжали осаждать тревожные мысли. Куда он уехал? Почему не известил ее? Привычный скептицизм проснулся в ней. Что она знает о нем, кроме того, что он уверял ее в своей любви? Куда он уехал? Ревность, вспыхнувшая в ней там, на взморье, когда от него перестали приходить письма, сейчас охватила ее с удвоенной силой. Наверно, есть женщина, имеющая на него какие-то права, или девушка, в которую он влюблен. Джип удивлялась тому, что способна ревновать. Ей всегда казалось, что она слишком горда, чтобы испытывать ревность, это темное, гнилое и недостойное, но - увы! - такое страшно реальное и неотвязное чувство.

Уинтон был в клубе, и ей пришлось наскоро пообедать одной. Потом она поспешно оделась и выскользнула на улицу. Джип направилась в сторону церкви Сент-Джеймс, прошла по Пикадилли, по более оживленной стороне улицы и двинулась к парку. Она шла с неясной улыбкой на лице, насмехаясь над собственным безрассудством. Несколько проституток, вышедших из боковых улиц, двигались с заученной, нарочитой медлительностью. Их растерянные, испытующие, почти враждебные взгляды, наруганные и напудренные лица доставляли Джип какую-то злобную радость. Ее вид раздражал и ранил их, а ей этого и хотелось.

С ней поравнялся какой-то господин в вечернем костюме и распахнутом пальто. Зная, что он озадачен и нерешительно следует за ней, она продолжала идти вперед все с той же полуулыбкой. Наконец он увидел выражение ее лица и отскочил в сторону; она снова ощутила это злобное веселье.

Она пересекла улицу и, миновав парк, повернула в сторону Сент-Джеймс-стрит; теперь она вся погрузилась в глубокую, темную печаль. Если бы он, любимый, был с нею - в этот прекрасный теплый вечер, среди огней, среди теней деревьев! Почему его нет в этой толпе прохожих? Одной улыбкой она могла бы привлечь к себе любого

мужчину, но она не может, как по волшебству, вызвать того единственного, кто ей был нужен в этой огромной пустыне столицы. На углу Сент-Джеймс-стрит она остановилась. Здесь был его клуб. Может быть, он играет сейчас в карты или на бильярде, всего в нескольких шагах от нее, но уже словно в другом мире? Вот сейчас он выйдет, направится в какой-нибудь мюзик-холл или медленно зашагает домой, думая о ней, а может быть, даже и не думая? Она прошла под окнами клуба и торопливо направилась к себе.

На следующее утро пришло письмо. Саммерхэй писал из гостиницы у реки, просил ее приехать одиннадцатичасовым поездом - он ее встретит на станции. Он хочет показать ей дом, который нашел там, и они могут провести целый день на реке! Джип прочла письмо, которое начиналось словами "моя любимая!", с таким восторгом, что ей не удалось его скрыть. Уинтон, внимательно наблюдавший за ней, вдруг сказал:

- Я думаю, мне надо поехать в Ньюмаркет, Джип. Вернусь завтра вечером.

В поезде она сидела в каком-то забытьи. Если бы он даже был рядом с ней, обнимал ее - и тогда он не казался бы ей ближе, чем в эти минуты.

Она увидела его, как только остановился поезд; но они встретились без рукопожатия, без единого слова, только смотрели друг на друга и улыбались.

Саммерхэй где-то разыскал допотопную маленькую коляску - "лошадь, кучер, вот и все", как окрестил ее он, и они поехали по дороге. Под кожаным фартуком руки их сплелись.

День был прекрасный, какие бывают только в начале сентября, когда солнце уже не печет, а ровным светом заливает теряющие свою летнюю пышность деревья, отливающие золотом скошенные поля, серебристо-зеленые взгорья, луга с золотистой горчицей. Временами издали доносился выстрел и падал вдруг лист, как будто сам по себе. Они свернули на проселочную дорогу, миновали буковую рощицу и остановились у ворот старого кирпичного дома, увитого уже желтеющим диким виноградом, - дома с камином и низкими широкими трубами. Перед домом раскинулась огороженная лужайка - запущенный садик с тополями и одной крупной орешиней. Казалось, все солнце собралось в садике, оттуда доносилось мощное гуденье

пчел. За деревьями виднелись холмы, где, как говорили, проводились рысистые испытания лошадей. У Саммерхэя был ключ от дома, и они вошли. Для Джип это было что-то вроде детской игры - она воображала, что вот они будут здесь жить вместе, станут распределять комнаты, обставлять каждую. Ей не хотелось портить этот великолепный день какими-либо спорами или снова думать о том, что надо принимать какое-то решение. И когда он спросил:

- Ну, дорогая, нравится тебе? - она только ответила:

- О, в своем роде прелестно! Но пойдем к реке и по-настоящему насладимся ею.

Они взяли лодку в гостинице, где остановился Саммерхэй. Ему, оксфордскому гребцу, река была хорошо знакома от Лечлейда до Ричмонда; Джип никогда на ней не бывала, и река просто ошеломила ее своим спокойным очарованием. Плыть в этот сверкающий безветренный день мимо широких, плоских листьев водяных лилий, над зеленоватыми омутами, слушать, как воркуют голуби, плядеть на пролетающих стрекоз, на ленивые всплески рыб, даже не касаться руля, а опускать в воду руку и охлаждать ею согретые солнцем щеки и, не отрываясь, смотреть и смотреть на Саммерхэя - все это было как путешествие по реке грез, полнейшее воплощение блаженства! Неужели у нее была какая-то другая жизнь с другим человеком, всего лишь год тому назад?

Когда он привязал лодку в последней заводи и сел рядом с Джип, уже вечерело. Ею стала овладевать смутная грусть, навеваемая затененной вечерней рекой. У нее замерло сердце, когда он сказал:

- Джип, мы должны уехать вместе. Нам не вынести этой жизни врозь, когда приходится ловить часы для встреч.

- Почему же, милый! Разве сегодня не было хорошо? Что может быть для нас прекраснее этого? Это - настоящий рай!

- Да, но расставаться каждый день! Целые дни и ночи без тебя! Джип, ты должна, должна согласиться! Разве ты мало меня любишь?

- Люблю очень. Но желать перемены - это значит искушать Провидение. Пусть будет так, как есть, Брайан.

- Ты чего-нибудь боишься?

- Нет. Оставим все по-прежнему и не будем рисковать.

- Рисковать? Значит, ты боишься людей, общества? А я думал, что тебе это безразлично.

Джип улыбнулась.

- Общество? Нет, я его не боюсь.

- Кого же тогда - меня?

- Не знаю. Мужчинам все быстро надоедает. Я во всем сомневаюсь, Брайан, и ничего не могу поделать с этим.

- Как можешь ты надоесть? Ты боишься самой себя?

Снова Джип улыбнулась.

- Во всяком случае, не того, что люблю слишком мало.

- А разве можно любить слишком много? Она притянула к себе его голову и поцеловала.

- Нет, Брайан, пусть будет так, как есть. Нам вес равно будет хорошо вдвоем. Если тебе надоест со мной, я не перенесу этого.

Он долго еще упрашивал, то сердясь, то целуя ее, то стараясь убедить, но на все она отвечала тем же нежным, печальным "нет". Был уже вечер, когда они вернули лодку. Падала роса. Возле самой станции она прижала его руку к своей груди.

- Милый, не сердись на меня. Может быть, я соглашусь когда-нибудь.

И когда она ехала в поезде, ей все хотелось снова очутиться в лодке, среди теней и шепчущихся камышей, среди всего этого спокойного очарования реки.

ГЛАВА XII

Дома она украдкой прошла прямо в свою комнату. Она уже снимала блузку, когда вбежала Бетти; слезы катились по ее щекам.

- Бетти! Что случилось?

- Ах, милочка, где же вы были? Они украли ее! Это злой человек - ваш муж - выхватил ее прямо из коляски и увез с собой в большой машине, а с ним был тот, другой! Я чуть не помешалась! - Джип глядела на нее в ужасе. Майора не было дома. Что же мне оставалось делать? Я ведь только отвернулась, чтобы закрыть калитку парка. Я и в глаза его не видела до того, как он протянул свою длинную ручищу и выхватил крошку из коляски! - Бетти в изнеможении села на кровать и дала волю слезам.

Потрясенная Джип застыла на месте. О, этот мстительный негодяй Росек!

- Ах, Бетти! Девочка, наверно, плакала?

В ответ последовал новый взрыв стенаний. Джип вдруг вспомнила, что говорил в прошлом году адвокат. По закону Фьорсен имеет право на ребенка. Она могла бы получить девочку, если бы возбудила тогда этот ужасный процесс; но теперь, пожалуй, ей и не выиграть его! Чего же они добиваются? Чтобы она вернулась к Фьорсену? Или отказалась от любимого человека? Она подошла к зеркалу и сказала:

- Мы сейчас же поедem, Бетти, и уж как-нибудь возьмем ребенка. Умойте лицо.

Пока Бетти готовилась, Джип старалась отогнать две страшных мысли: она может потерять ребенка, может потерять возлюбленного! Но лучше не думать, а действовать, быстро и решительно. Она вспомнила, что у нее был где-то маленький стилет, подаренный ей очень давно. Она достала его, вынула из красных кожаных ножен и, наколов на острие маленькую пробку, спрятала на груди. Если они могли украсть ребенка, они способны на все! Она оставила записку отцу, объяснив, что случилось, и сообщив, куда едет. Потом они с Бетти взяли такси. Холодная вода и самообладание хозяйки помогли Бетти как-то оправиться. Но она все время крепко держала Джип за руку и тяжело вздыхала.

Джип старалась не думать о ребенке. Если бы она представила себе свою плачущую крошку, она сама не сдержала бы слез. В ней все нарастал гнев против этих людей, которые нанесли ей трусливый удар из-за угла. Она вдруг решила и спокойно сказала:

- Все из-за мистера Саммерхэя, Бетти. Вот почему они украли нашу малютку. Я думаю, вы знаете, что мы любим друг друга. Они украли ребенка, чтобы заставить меня сделать то, чего они хотят.

Ответом был только глубокий вздох. В душе этой женщины с круглым, как луна, лицом шла борьба между добродетельностью и верой в Джип, между боязнью за нее и желанием видеть ее счастливой, между преданностью верного слуги и страхом старой няньки за ребенка.

- Ах, милая моя, он очень славный молодой человек! Сказать правду, я никогда и не считала вас по-настоящему замужем за этим иностранцем. Да и свадьба была не настоящая в этом ужасном регистрационном бюро - без музыки, без цветов, без благословения, без всего. Я просто выплакала тогда, все глаза.

- Да, Бетти. Мне только казалось тогда, что я влюблена. - Она почувствовала судорожное рукопожатие и какие-то хлюпающие звуки, после чего Бетти снова разразилась слезами. - Не плачьте, мы подъезжаем! Подумайте о нашей крошке!

Машина остановилась. Ощупав на груди клинок, Джип вышла из машины и, держа Бетти под руку, поднялась по ступенькам. Она вспомнила о Дафне Уинг, Росеке, о той пышной даме - как ее звали? - о многих других; об унылых часах, проведенных здесь; о том, как поздно ночью спускалась по этой широкой лестнице и садилась в машину рядом с Фьорсеном; вспомнила и его широкоскулое мрачное лицо, смутно маячившее в углу машины или близко склонившееся к ней. Однажды на рассвете они долго шли пешком, и Росек шел с ними. Смутные, безжизненные воспоминания! Взяв крепче Бетти за руку, она позвонила.

- Мистер Фьорсен здесь, Форд?

- Нет, мэм; мистер Фьорсен и граф Росек уехали днем в деревню. У меня сейчас нет их адреса. - Она, должно быть, очень побледнела, потому что слуга добавил: - Может быть, что-либо подать вам, мэм?

- Когда они уехали?

- В час дня, мэм, в машине. Граф Росек сам вел ее. Я полагаю, они недолго будут в отъезде. Взяли с собой только сумки. Я могу сообщить вам, как только они вернутся, мэм, если вы будете любезны оставить мне ваш адрес.

Она протянула ему карточку и пробор мотала:

- Благодарю вас, Форд; очень вам благодарна. - Она схватила Бетти под руку и, тяжело опираясь на нее, спустилась по ступенькам.

Теперь это был уже самый настоящий смертельный страх. Потерять беспомощное дитя, зная, что ничем не можешь помочь, как бы оно ни страдало! Быть в полном неведении, когда в ушах стоит плач твоего ребенка, - весь этот ужас Джип переживала сейчас. И ничего нельзя предпринять! Ничего, только лечь в постель и ждать. К счастью, ей помогло то, что целый день она провела на воздухе - она забылась наконец глубоким сном. Потом она услышала стук в дверь и на подносе с чаем увидела письмо Фьорсена.

"Джип,

Я не похититель детей, как твой отец. По закону я имею право на моего ребенка. Поклянись, что ты откажешься от своего любовника, -

и ребенок будет тут же возвращен тебе. А если ты не откажешься, я увезу девочку из Англии. Пришли мне ответ до востребования и скажи отцу, чтобы он не вздумал пускаться на всякие подлости против меня.

Густав Фьорсен".

На письме был адрес вест-эндского почтового отделения. Джип на мгновение почувствовала, что у нее помутилось в голове, но способность спокойно рассуждать быстро вернулась к ней. Пьян он был, что ли, когда писал это? Ей даже показалось, что от бумаги пахнет коньяком. Она перечитала письмо еще раз. Если бы он писал сам, он не устоял бы перед искушением посмеяться над законами, подшутить над собой - он-де оберегает ее добродетель! Нет, все продиктовано Росеком. И гнев вспыхнул в ней с новой силой. Зачем ей быть щепетильной? Она встала с кровати и написала Фьорсену:

"Как вы посмели поступить так жестоко! Во всяком случае, с девочкой должна быть ее няня. Это не похоже на вас - заставлять страдать ребенка. Бетти готова приехать, как только вы пошлете за ней. А мне нужно время, чтобы решить. Я дам вам знать в течение двух дней.

Джип".

Отослав записку Фьорсену и отправив телеграмму отцу в Ньюмаркет, она в третий раз перечитала письмо Фьорсена и теперь окончательно убедилась, что его составлял Росек. И вдруг она вспомнила о Дафне Уинг. Через нее можно что-нибудь узнать! Ей почудилось, что она снова видит эту девушку - смерть отняла у нее только что рожденного ребенка, и она лежит бледная, утратившая всякую надежду. Да, стоит попытаться!

Через час машина остановилась возле двери квартиры Уэггов. Она уже собиралась позвонить, когда услышала позади себя голос:

- Разрешите, у меня ключ. Ах, это вы!

Она обернулась. Мистер Уэгг в своем профессиональном облачении стоял перед нею.

- Войдите же, прошу вас, - сказал он. - Я все думал: неужели мы вас не увидим больше после того, что произошло.

Повесив черный цилиндр, почти доверху повязанный крепом, он хрипло проговорил:

- А я-то думал, что все уже кончилось. - И он открыл дверь в столовую.

В хорошо памятной ей комнате стол был покрыт грязной белой скатертью, на нем стояла бутылка с уорчестерским соусом. Маленькой синей вазы не было, и ничто теперь не нарушало гармонии красного и зеленого. Джип сказала быстро:

- Разве Дафна... Дэйзи больше не живет дома? На лице мистера Уэгга подозрительность, облегчение, хитрость смешались с тайным восхищением, которое Джип, по-видимому, всегда вызывала в нем.

- Должен ли я понять, что вы... э...

- Я пришла спросить Дэйзи, не может ли она сделать кое-что для меня.

Мистер Уэгг высморкался.

- А вы не знаете, что...

- Знаю. Скажу прямо: она встречается с моим мужем. Но мне все равно, он для меня не существует.

В выражении лица мистера Уэгга появился еще один оттенок рассудительность отца семейства.

- Ну, - сказал он, - возможно, тут нечему и удивляться при подобных обстоятельствах. Я всегда думал...

Джип перебила его:

- Прошу вас, мистер Уэгг! Вы можете дать мне адрес Дэйзи?

Мистер Уэгг глубоко задумался. Затем сказал отрывисто:

- Комрэйд-стрит, 73, Сохо. У меня, должен сказать, были большие надежды на лучшее будущее для Дэйзи до того, как я его встретил там однажды. Теперь я жалею, что не ударил его - он оказался слишком проворен для меня... - Он поднял руку в черной перчатке и взмахнул ею. - А все эта ее проклятая независимость! Прошу извинения. Но как тут не сказать крепкого словца? закончил он неожиданно.

Джип пошла мимо него к двери.

- Как тут не выругаться? - слышала она позади его голос. - А я-то думал, что она наконец стала на верный путь! - И пока Джип возилась с замком двери, его красное одутловатое лицо с круглой седой бородой торчало над ее плечом. - Если вы повидаетесь с ней, я надеюсь, что...

Сидя в машине, Джип вся дрожала. Однажды она завтракала с отцом в ресторане на Стрэнде. Ресторан был полон вот таких мистеров Уэггов.

ГЛАВА XIII

Найти дом номер семьдесят третий на Комрэйд-стрит в Сохо было нелегко; но с помощью мальчишки - разносчика молока Джип наконец обнаружила переулок и нужную дверь. Пухленькая, белая рука высунулась в дверь, взяла банку с молоком; послышался голос Дафны Уинг:

- А где же сливки?

- Нету.

- О, я же вас всегда просила! Ровно в двенадцать на два пенса.

- На два пенса? - Мальчик вытаращил глаза. - Может быть, вы желаете поговорить с этой леди, мисс? - Он постучал в закрытую дверь. - Леди желает поговорить с вами. Доброго утра, мисс!

Дафна Уинг в белом кимоно показалась в двери. Ее глаза впились в Джип.

- Ах! - воскликнула она.

- Можно войти?

- О да! О, конечно! Я репетировала. Я так счастлива видеть вас!

Посреди комнаты стоял столик, накрытый на двоих. Дафна Уинг подошла к нему, держа в одной руке банку с молоком, а в другой короткий нож, которым она, видимо, открывала устрицы. Потом она обернулась к Джип. Лицо ее и шея в треугольном вырезе кимоно стали пунцовыми. Круглые, словно блюдца, глаза встретились с глазами Джип.

- О миссис Фьорсен, я так рада! Право же, рада. Мне так хотелось, чтобы вы посмотрели мою комнату, - нравится она вам? Откуда же вы узнали, где я живу? - Она опустила глаза и добавила: - Я думаю, лучше сказать вам. Мистер Фьорсен был здесь, а потом я виделась с ним у графа Росека - и... и...

- Мне понятно. Не трудитесь рассказывать все это.

Дафна Уинг поспешно продолжала:

- Конечно, я теперь сама себе хозяйка. - Вдруг нелепая маска "светской дамы" словно упала с ее лица и она схватила Джип за руку. - О миссис Фьорсен, я никогда не буду такой, как вы!

- Надеюсь, что нет.

Как может она просить о чем-либо эту девушку? Но Джип подавила это чувство и сказала с каменным лицом:

- Вы помните моего ребенка? Хотя нет, конечно, вы никогда не видели мою девочку. Так вот, он и граф Росек только что отняли ее у меня.

Дафна Уинг судорожно сжала ей руку.

- О, какая гадость! Когда?

- Вчера днем.

- Как я рада, что не видела его с тех пор! О, я убеждена, что это гадость! Вы, наверно, в ужасном отчаянии?

На губах Джип промелькнула усмешка. Дафна Уинг продолжала:

- Вы знаете... я думаю... я думаю, что в вашем самообладании есть что-то страшное! Оно пугает меня. Если бы мой ребенок был жив и его украли бы, как вашего, я, наверно, была бы сейчас полумертвой.

Джип сказала все с тем же каменным видом:

- Так вот, я хочу вернуть мою девочку, и мне казалось...

Дафна Уинг всплеснула руками.

- О, я думаю, что смогу заставить его... - Смутившись, она замолчала, потом торопливо добавила: - А вы действительно... ничего не имеете против?

- Я ничего не имела бы против, будь у него даже пятьдесят любовных историй. Возможно, у него столько и есть.

Дафна Уинг досадливо прикусила нижнюю губу.

- Я думаю, что могу заставить его теперь делать то, что я хочу, а не то, что он хочет. Когда любишь, иначе нельзя. О, не улыбайтесь так, пожалуйста; из-за вашей улыбки я чувствую себя как-то... неуверенно.

- Когда вы его увидите?

Дафна Уинг покраснела.

- Возможно, он придет сюда завтракать. Видите ли, ведь он мне теперь не чужой! - Подняв глаза, она добавила: - Он даже не позволяет мне произносить ваше имя; это приводит его в ярость. Поэтому-то я уверена, что он все еще любит вас; только любовь его такая странная. - Она снова схватила руку Джип. - Я никогда не забуду, как вы были добры ко мне. Я надеюсь... что вы... полюбите кого-нибудь другого. - Джип пожала ее влажные, липкие пальцы, а Дафна Уинг поспешно продолжала: - Я уверена, что ваша девочка - прелесть. Как вы должны страдать! Вы так побледнели. Не надо мучить себя, от этого нет никакой пользы. Я это хорошо знаю.

Джип наклонилась и коснулась губами лба девушки.

- До свидания. Моя крошка поблагодарила бы вас, если бы умела.

И она повернулась, собираясь уходить. Вдруг она услышала подавленное рыдание. И прежде чем Джип успела сказать слово, Дафна Уинг сжала себе пальцами горло и заговорила прерывающимся голосом:

- Это... это кошмар! Я... я с того времени не плакала... С того времени, как... вы знаете! Я... я... полная хозяйка себе. Только я... только... вы мне напомнили... Я никогда не плачу!

Эти слова и подавленные рыдания провожали Джип чуть ли не до самой машины.

Вернувшись на Бэри-стрит, она увидела, что Бетти все так же сидит в прихожей, не сняв шляпы. За ней никто не прислал, никакого ответа не было и из Ньюмаркета. Джип не могла есть, не могла ничем занять себя. Она поднялась в спальню, чтобы не попадаться на глаза прислуге. Каждую минуту она прислушивалась к звукам, которые ничего не означали, сто раз подходила к окну. Бетти была в детской; Джип слышала, как она что-то передвигает там. Но и эти звуки прекратились. Джип заглянула в детскую и увидела, что толстуха, так и не сняв шляпы, сидит на сундуке спиной к двери и тяжело вздыхает. Джип, вся дрожа, неслышно вернулась в свою комнату.

А что если... ради ребенка ей придется пожертвовать своим чувством? Что если это жестокое письмо было его последним словом, и ей придется выбирать либо то, либо другое? От кого же она должна отказаться - от любимого или от ребенка?

Она подошла к окну, чтобы плотнуть свежего воздуха - сердце у нее болело нестерпимо. Она снова почувствовала, что у нее мутится в голове: слишком жестока была эта борьба, эта немая, невыразимая словами схватка двух инстинктов, каждый из которых был невероятно силен, настолько силен, что она раньше и представить себе этого не могла.

Глаза Джип остановились на картине, напоминавшей ей Брайана; теперь ей показалось, что сходства нет никакого. Брайан слишком настоящий, слишком любимый, желанный. Еще вчера она оставалась глуха к его мольбам, отказывалась уйти к нему навсегда. Как странно! Разве она не помчалась бы к нему сейчас, не пошла бы с ним, куда он захочет? О, если бы она могла сейчас быть в его объятиях! Никогда

она от него не откажется, никогда! Но тут в ее ушах зазвучал воркующий голосок: "Дорогая мам!.." Ее девочка, ее драгоценная крошка!.. Как может она от нее отказаться, не прижимать больше к себе, не целовать это пухленькое, прелестное тельце, не видеть это серьезное темноглазое личико!

Гул Лондона врывался через открытое окно. Так много жизни, так много людей - и ни одной души, которая могла бы помочь! Она отошла от окна и села к пианино, которое привезла из Милденхэма. Но она только сидела, сложив руки и глядя на клавиши. Ей опять вспомнилась песня, которую пела на концерте Фьорсена та девушка, - песня о разбитом сердце.

Нет, нет! Она не может, не может! Она останется с ним, со своим любимым! И слезы катились по ее щекам.

Внизу остановилась машина, но она не поднимала глаз, пока в комнату не вбежала Бетти.

ГЛАВА XIV

Когда Джип, едва владея собой, вошла в столовую, возле буфета стоял Фьорсен, держа на руках девочку. Он шагнул к Джип и передал ей ребенка.

- Возьми ее, - сказал он, - и делай, что тебе угодно. Будь счастлива.

Прижимая к себе девочку, Джип молчала. Она не могла бы вымолвить ни слова, даже если бы от этого зависела ее жизнь; благодарная, ошеломленная, смущенная, она все-таки инстинктивно чувствовала что-то неуловимо коварное за этим человеколюбием Фьорсена. Дафна Уинг! Какая сделка состоялась между ними?

Фьорсен, должно быть, почувствовал холодок, которым веяло от Джип, и понял эту ее невысказанную мысль. Он крикнул:

- Ты никогда не верила в меня! Ты никогда не верила, что я способен на что-либо хорошее!

Джип склонилась над ребенком, чтобы Фьорсен не увидел, как дрожат ее губы.

- Мне очень жаль... Очень, очень жаль.

Фьорсен подошел ближе и посмотрел ей в лицо.

- Клянусь богом - боюсь, что я никогда тебя не забуду, никогда!

На глазах у него появились слезы. И Джип смотрела на него растроганная, взволнованная, но все еще с глубоким недоверием.

Он провел рукой по глазам. "Хочет, чтобы я заметила его слезы", подумала она.

Фьорсен понял и это и неожиданно пробормотал:

- Прощай, Джип! Не такой уж я плохой!

С этими словами он исчез.

Это патетическое "не такой уж я плохой" спасло Джип от приступа слабости. Нет, даже в самый высший момент самопожертвования он не способен забыть о себе!

Когда приходит такое полное избавление, его трудно сразу постигнуть. Джип казалось теперь, что она должна закричать на весь мир об охватившем ее пьянящем счастье. Как только ребенок очутился на руках Бетти, она села и написала Саммерхэю:

"Любовь моя,

Я пережила ужасное время. Он украл мою девочку, когда я была с тобой. Он написал мне, что вернет девочку, если я откажусь от тебя. Но я почувствовала, что не могу отказаться от тебя, даже ради ребенка. А потом, всего несколько минут назад, он привез девочку, здоровую и невредимую. Завтра мы все уезжаем в Милденхэм; но если я еще тебе нужна, я уеду с тобой, куда захочешь. Отец и Бетти будут заботиться о моей дорогой крошке, пока мы вернемся. А потом, возможно, уединимся в Красном домике, который ты показывал мне. Но именно теперь у тебя еще есть время передумать. Не позволяй глупой жалости или чувству чести повлиять на твое решение; постарайся проверить себя до конца, умоляю тебя! Теперь я еще смогла бы перенести все, если только это пойдет тебе на пользу.

Какое было бы горе, если бы я сделала тебя несчастным! О, проверь, проверь себя... Я все пойму. Я чувствую это всем! своим существом. А теперь покойной ночи, и, может быть, прощай.

Твоя Джип".

Она перечла письмо. Неужели она на самом деле думает, что сможет перенести, если он уйдет от нее, если он вдруг, заглянув в далекое будущее, решит, что игра не стоит свеч?

Она запечатала письмо. Ах, почему у нее такое мягкое сердце?

Через десять дней на станции Милденхэм Джип держала руку отца, почти не видя его - какой-то туман застилал ее глаза.

- До свидания, родная! Береги себя; телеграфируй из Лондона, потом из Парижа. - И, улыбаясь ей, Уинтон добавил: - Саммерхэю

повезло, а мне нет.

Туман, застилавший ее глаза, превратился в слезы, они падали на его перчатку.

- Не слишком задерживайся там, Джип!

Она нежно прижала его лицо к своей мокрой щеке. Поезд тронулся. И пока могла видеть, она все смотрела на него, машущего ей своей серой шляпой; потом, забившись в уголок купе, она сидела почти ослепшая от слез, опустив вуаль. В роковой день своей свадьбы, покидая отца, она не плакала; а теперь, оставляя его, чтобы пойти навстречу своему невообразимому счастью, она не могла удержать слез.

Но душою она созрела за это время.

* ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ *

ГЛАВА I

Маленькая Джип, которой в этот первый день мая было уже около четырех с половиной лет, стояла, нагнувшись над клумбой с тюльпанами, куда забрались две индюшки и копошились там среди цветов. Она была удивительно похожа на мать - такое же овальное лицо, черные изогнутые брови, большие и ясные карие глаза; но у нее был облик ребенка наших дней, живущего на открытом воздухе. Ее волосы, вьющиеся на концах, были коротко подстрижены, блестящие загорелые ножки - голые до колен.

- Индюшки! Вы негодницы, вот что! За мной! - И, вытянув вперед руки с поднятыми вверх ладонями, она стала пятиться от клумбы. Индюшки, осторожно переступая длинными ногами и нежно-вопросительно покрикивая, двинулись за ней в надежде получить что-нибудь из ее загорелых ручек. Солнце освещало это маленькое шествие: темно-голубое платье маленькой Джип, золотые отблески на ее каштановых волосах, усыпанную маргаритками траву, черных птиц с полупрозрачными красными сережками и полосатыми хвостами - и все это на фоне тюльпанов, оранжевых, красных, желтых. Заманив индюшек в открытую калитку, маленькая Джип выпрямилась и сказала:

- Вы бездельницы, голубушки! Кы-ш-ш! - И захлопнула калитку перед носом индюшек. Потом она побежала туда, где под ореховым деревом - единственным большим деревом в саду - лежал дряхлый скоч-терьер.

Усевшись на землю возле него, она стала гладить его белую морду, приговаривая:

- Осей, Осей, ты любишь меня?

И тут же, увидев на крыльце мать, она вскочила и, крикнув: "Осей! Осей! За мной!" - бросилась к Джип и обняла ее колени; старый скоч-терьер медленно плелся за ней.

За три года Джип несколько изменилась. Лицо ее стало мягче и, пожалуй, серьезнее, она чуть пополнела, волосы у нее потемнели, и причесывала она их иначе - вместо крупных волн они были гладко зачесаны и уложены мягкими прядями наподобие шлема, такая прическа подчеркивала форму ее головы.

- Детка, походи скажи Петтенсу, пусть положит свежий кусок серы в кормушку Осей и помельче нарежет ему мясо. А ты можешь дать Сорванцу и Брауни по два кусочка сахара. Потом мы пойдем гулять.

Опустившись на колени, она осторожно раздвинула шерсть на спине старой собаки и принялась рассматривать пораженную экземой кожу, думая: "Ах, милый, от тебя не очень-то хорошо пахнет! Ну-ну, только не лижи мне лицо!"

В воротах появился почтальон. Джип распечатала телеграмму с легким трепетом, как всегда, когда Саммерхэя не было с ней.

"Задержался. Приеду последним поездом. Завтра в город не нужно. Брайан".

Когда почтальон ушел, она снова опустилась на колени и погладила голову собаки.

- Хозяин завтра целый день дома, Осей! Целый день!

- Прекрасный вечер, мэм, - слышался чей-то голос с дорожки.

Перед ней стоял "старый плут" Петтенс; ноги его уже совсем не гнулись, лицо покрыла густая сетка морщин, зубы выпали, темные маленькие глазки стали тусклыми. За Петтенсом в выжидательно-серьезном молчании стояла маленькая Джип, выставив вперед одну ножку, как делала когда-то ее мать.

- А, Петтенс! Мистер Саммерхэй будет дома весь завтрашний день, и мы с ним совершим далекую прогулку верхом; когда будете делать лошадям проминку, зайдите в гостиницу, если нам с Джип не удастся туда попасть, и скажите майору Уинтону, что я жду его сегодня обедать.

- Хорошо, мэ. А я нынче утром высмотрел пони для маленькой мисс Джип, мэ. Мышиной масти, пяти лет. Здоровый, спокойного нрава, очень красивый мелкий аллюр. Я говорю этому человеку. "Не вздумайте меня перехитрить, говорю. - Я родился на лошади. Двадцать фунтов за такого пони! Десять - и считайте, что вам повезло". "Ладно, Петтенс, - говорит он, - с вами вилять не приходится. Пятнадцать!" "Я вам накину один фунт, - сказал я. Одиннадцать. Берите, и кончим на этом". "А! - говорит он. - Петтенс, вы-то уж умеете покупать лошадей! Ладно, двенадцать!" А пони стоит все пятнадцать, мэ, и майору он понравился. Так что, если желаете, можете его получить!

Джип посмотрела на маленькую дочку, которая только один раз возбужденно подпрыгнула и теперь стояла молча, только глаза ее перебегали от матери к конюху и губы полуоткрылись. Джип подумала: "Прелесть моя! Никогда ни о чем не просит".

- Ну что ж, Петтенс, купите пони.

- Да, мэ, очень хорошо, мэ. Прекрасный вечер, мэ!

Он удалился, ковыляя: ему приходилось ставить ступни чуть ли не под прямым углом к голени. На ходу он думал: "Два-то фунта у меня в кармане!"

Через десять минут Джип в сопровождении дочери и Оссиана вышла на обычную вечернюю прогулку. Но пошли они не наверх, к холмам, как всегда, а в сторону реки, к тому месту, которое у них называлось "пустошь". Это были два покрытых осокой луга, разгороженные насыпью, на которой росли дубки и ясени. У перекрестка, где сходились луга, стоял старый каменный сарай с проломом! в стене, который зарос плющом до самой тростниковой крыши. Это место, затерянное среди полей пшеницы, лугов и буковых зарослей, казалось, жило какой-то собственной жизнью; его любили звери, птицы, и маленькая Джип недавно видела здесь двух зайчат. На дубе с еще негустой листвой сидела кукушка и куковала; они остановились и смотрели на серую птичку, пока та не улетела. Птичий гомон среди безмятежного покоя, золотисто-зеленые листья дубков и ясеней, вылядывающие из травы полевые цветы - болотная орхидея, сердечник, кукушкин цвет - все это наводило Джип на размышления: как непостижим тот дух, который кроется за плотью природы, за этой прозрачной улыбкой жизни, то и дело угасающей и

снова возникающей из небытия! Пока они стояли у сарая, какая-то птица пролетела над ними, делая широкие круги и пронзительно крича. У нее был длинный клюв и острые крылья, казалось, птицу тревожило их присутствие. Маленькая Джип сжала руку матери.

- Бедная птичка, правда, мам?

- Да, детка. Это каравайка. Может быть, ее друг ранен.

- А что такое друг?

- Птица, с которой она живет вместе.

- Она боится нас?

- Давай пойдем, посмотрим, что с ней приключилось.

Каравайка все летала над ними с пронзительным криком. Маленькая Джип предложила:

- Мам, давай поговорим с ней. Мы ведь не хотим ее обидеть, правда?

- Конечно, нет, милая. Но боюсь, что бедная птичка совсем дикая.

Попробуй, если хочешь.

Нежный голосок маленькой Джип присоединился к крикам каравайки, таким жалобным в тихом спокойствии вечера.

- О, гляди! - сказала Джип. - Она опускается к самой земле - у нее там гнездышко. Не станем подходить, хорошо?

Маленькая Джип отозвалась приглушенным голосом:

- Там у нее гнездышко.

Они тихонько отошли к сараю, а каравайка все летала и кричала у них за спиной.

- А нам хорошо, мам: наш друг ведь не ранен, правда?

Джип ответила, вздрогнув:

- Да, дорогая, нам очень хорошо. Ну, а теперь пойдем пригласим дедушку к нам обедать.

Маленькая Джип запрыгала. Они спустились к реке. Уинтон уже два года жил в гостинице у реки. Он отказался поселиться вместе с Джип - он только хотел всегда "быть под рукой", когда понадобится ей. Он вел простой образ жизни в этой простой сельской местности: ездил верхом с Джип, когда Саммерхэй оставался в Лондоне, размышлял над тем, как укрепить положение дочери, посещал фермеров и, наконец, подчинил себя целиком прихотям маленькой Джип. Его внучке уже пора было начать учиться верховой езде момент, в некотором роде священный для человека, жизнь которого

была почти лишена смысла без лошадей. Глядя на отца и маленькую Джип, которые шли, держась за руки, Джип подумала: "Отец любит ее не меньше, чем меня".

Обедать в одиночестве в гостинице было сущим наказанием для Уинтона, хотя он тщательно скрывал это от Джил; поэтому он охотно принял их приглашение.

В Красном доме, кроме рояля, не было ни одной из вещей, которые окружали Джип в доме мужа. Здесь были белые стены, мебель старого дуба, висели репродукции с любимых картин Джип. Отношения с Саммерхэем сложились у Уинтона хорошие, но ему было приятнее всего оставаться с дочерью наедине. В этот вечер он был особенно доволен - с некоторого времени она казалась ему какой-то необычно печальной и рассеянной.

- Мне хотелось бы, чтобы ты больше встречалась с людьми, - сказал он.

- О, нет, отец!

Увидев ее улыбку, он подумал: "Нет, это не "зелен виноград". В чем же тогда дело?"

- Ты ничего не слышала за последнее время о Фьорсене?

- Нет, ничего. Кажется, он снова выступает в Лондоне в этот сезон.

- Ну и пусть его... - "Значит, и это ее не волнует! Но что-то тут все-таки есть". - Я слышал, Брайан делает успехи. Мне говорили о нем на прошлой неделе как о наиболее обещающем молодом кандидате во всей адвокатуре.

- Да. Он прекрасно работает. - Уинтону почудился подавленный вздох. Как по-твоему, отец, Брайан очень изменился с тех пор, как ты его знаешь?

- Пожалуй, он стал чуть менее веселым.

- Да. Он разучился смеяться.

Эти слова были сказаны ровным, тихим голосом, но они поразили Уинтона.

- Трудно сохранить способность смеяться, - ответил он, - когда день за днем приходится выворачивать наизнанку людей, большинство которых - дрянь.

Шагая домой при лунном свете, он снова вернулся к своим мыслям и пожалел, что не поговорил с ней начистоту. Надо было

сказать: "Послушай, Джип, ты всерьез беспокоишься насчет Брайана? Или, как многие люди, сама придумываешь себе неприятности?"

За последние три года Уинтон, сам того не сознавая, стал более неприязненно относиться к собственному классу и более дружелюбно, чем прежде, к беднякам. Он посещал батраков, мелких фермеров, лавочников, оказывал им при случае маленькие услуги, одаривал детей монетками. Он, разумеется, не догадывался, что они не могли позволить себе проявлять бескорыстие. Он видел только одно - они были уважительны и приветливы с Джип, и это располагало его к ним в той же мере, в какой его все больше раздражали два или три богатых местных землевладельца, не говоря уж о тех выскочках, которые жили в собственных виллах вдоль реки.

Когда Уинтон впервые появился здесь, самый богатый из землевладельцев человек, с которым он был знаком много лет, - пригласил его на завтрак. Он принял приглашение, заведомо рассчитывая выяснить обстановку; при первой же возможности он упомянул о дочери.

- Она увлекается цветами, - сказал он, - и возле Красного дома теперь великолепный сад.

Жена его приятеля пробормотала с нервной усмешкой:

- О, да! Да, да, разумеется...

Последовало неловкое молчание. С тех пор Уинтон, встречая своего друга и его жену, здоровался с ними с ледяной учтивостью. Разумеется, он приезжал к ним в гости не за тем, чтобы добиться их визита к Джип, а для того, чтобы дать им понять, что нельзя безнаказанно относиться с пренебрежением к его дочери! Светский человек с головы до ног, он прекрасно знал, что женщину, которая живет с мужчиной, не будучи его женой, никогда не признают люди, претендующие на роль хранителей устоев; для них Джип останется даже за пределами того сомнительного круга, к которому причисляются люди, разведенные и заново вступившие в брак. Но даже светский человек не застрахован от некоторого донкихотства; и Уинтон был готов ради дочери сражаться с любой ветряной мельницей. Докуривая последнюю сигару на сон грядущий, он подумал: "Много бы я отдал, лишь бы вернуть старые добрые времена и иметь возможность потрепать этих добродетельных выскочек".

ГЛАВА II

Последний поезд прибывал только в одиннадцать тридцать, и Джип прошла в кабинет Саммерхэя, над которым была их спальня. Она ужаснулась бы, если бы узнала о переживаниях отца. У нее не было никакого желания встречаться с людьми. Условия ее жизни часто казались ей идеальными. Она была избавлена от людей, которые ее не интересовали, от пустых светских обязанностей. Все, что у нее есть, - настоящее: любовь, природа, верховая езда, музыка, животные, общение с простыми людьми. Чего еще можно желать? Часто ей казалось, что книги и пьесы о страданиях женщин, оказавшихся в ее положении, фальшивы. Если любишь, чего еще хотеть? Либо эти женщины лишены гордости, либо они любят не по-настоящему! Недавно она прочла "Анну Каренину" и после этого не раз говорила себе: "Что-то здесь не так - словно Толстой хочет заставить нас поверить в то, что Анна втайне мучилась угрызениями совести. Кто любит, тот не испытывает укоров совести".

Она даже радовалась тому, что любовь принуждает ее к уединению; ей нравилось быть одной и жить только для него. Кроме того, уже сами обстоятельства ее рождения поставили ее вне так называемого общества; а теперь и ее любовь - вне законов этого общества, совершенно так же, как в свое время любовь ее отца. Гордость ее бесконечно выше, чем их высокомерие. Как могут женщины ныть и жаловаться только потому, что их изгнали из общества, и пытаться снова войти в него, хотя их туда не пускают? А если бы Фьорсен умер, - вышла бы она замуж за своего возлюбленного? Что бы это принесло нового? Она не стала бы любить его больше. Она предпочитает, чтобы все оставалось, как есть. А что касается его, то она не уверена, думает ли он так же, как она. Он ничем не связан, может оставить ее если она ему надоест! И все-таки разве он не чувствует себя даже более связанным, чем если бы они поженились, - несправедливо связанным? Такие мысли, или скорее тени мыслей, делали ее в последнее время необычно печальной, и это было замечено ее отцом.

В освещенной только лунным светом комнате она села перед письменным столом Саммерхэя, за которым он так часто засиживался допоздна над своими судебными делами, оставляя ее одну. Опершись голыми локтями на стол, она смотрела в окно на луну, и мысли ее

уносились в потоке воспоминаний, которые начинались с того года, когда Саммерхэй вошел в ее жизнь.

Так много воспоминаний - и почти все счастливые! Как искусен был тот ювелир, который гранил человеческую душу! Он снабдил ее способностью забывать все темное и помнить только яркий солнечный свет! Полтора года жизни с Фьорсеном, пустые месяцы, которые последовали за ее уходом от него, - это был туман, который рассеялся в радужном сиянии последних трех лет. Единственным облачком набегало сомнение: действительно ли Саммерхэй любит ее так, как любит его она? Мозг ее всегда неотступно работал над решением этого вопроса. Она сравнивала дни и ночи прошлого с днями и ночами настоящего. Ее предчувствие, что она, полюбив, будет любить безоглядно, исполнилось. Он заполнил всю ее жизнь. Гордость - ее сила, но одновременно - и слабость; и не удивительно, что ее обуревают сомнения.

Для своего первого путешествия они выбрали Испанию - эту сумрачную, неевропейскую страну с удивительными цветами и громкими криками "Агуа!" {Вода! (испан.).} на улицах; страну, где мужчины в широченных черных шляпах кажутся вросшими в седло и слившимися с лошадьё, где одетые в черное женщины с прекрасными глазами до сих пор выглядят так, словно им не хватает восточной чадры. То был месяц веселья и блеска - последние дни сентября и начало октября; то была оргия чарующих блужданий по улицам Севильи, объятий и смеха, странных ароматов и странных звуков, оранжевого света и бархатных теней, всего этого тепла и глубокой серьезности Испании. Алькасар; продавщицы сигарет; цыганки-танцовщицы Трианы; древние, цвета пепла руины, к которым они ездили верхом; улицы и площади; люди, сидящие на солнцепеке и ведущие серьезные беседы; продавцы воды и дынь; мулы, мрачные, словно из сновидений; оборванцы, подбирающие окурки; вино Малаги; гроздь Аликанте! Обрато они возвращались через выжженные нагорья Кастилии в Мадрид, к Гойе и Веласкесу, и жили там, пока не поехали в Париж, отпуск кончался, надо было успеть к началу судебной сессии в Лондон. В Париже они прожили неделю в маленькой забавной французской гостинице. О ней у Джип осталось много приятных воспоминаний и одно тяжелое. Однажды после театра они ужинали в ресторане, и вдруг Джип увидела в зеркале, как

вошли трое и уселись за столик позади них, - Фьорсен, Росек и Дафна Уинг! Пока они заказывали ужин, она сохраняла спокойствие, потому что Росек был gourmet {Лакомка (франц.)}, а девушка, наверно, была голодна. Но потом ей стало ясно, что спасения нет: ее все равно увидят. Притвориться, что ей нехорошо, и уйти? Или сказать Брайану? Или остаться на месте, смеяться и разговаривать, есть и пить, словно никого и нет за ее спиной?

В зеркало она видела свое раздумывавшееся лицо, блестящие глаза. Пусть посмотрят, как она счастлива, как уверена в своей любви! Она коснулась кончиком туфли ноги Саммерхэя. Как великолепно он выглядит - загорелый, здоровый - по сравнению с этими бледными горожанами! И смотрит он на нее так, как будто только сейчас открыл для себя ее красоту. Как она только могла терпеть этого человека с бородкой, с бледным лицом и злыми глазами!.. Потом она увидела в зеркале, как глаза Росека, обведенные темными кругами, остановились на ней, и по неожиданному огоньку, вспыхнувшему в его глазах, сжатым губам и слабому румянцу, выступившему на щеках, она поняла, что он узнал ее. Что он станет делать? Девушка сидела к ним спиной и ела. Фьорсен плядел прямо перед собой с тем недовольным видом, который она хорошо помнила. Все теперь зависело от этого опасного человечка, который однажды поцеловал ее в шею. Болезненное ощущение охватило вдруг Джип. Если бы ее возлюбленный знал, что всего в пяти шагах от него сидят эти два человека! Росек заметил, что она их видит. Он наклонился к девушке и что-то шепнул ей; Дафна Уинг обернулась, рот ее раскрылся, у нее вырвалось приглушенное: "О!" Джип перехватила ее беспокойный взгляд, брошенный на Фьорсена. Конечно, девушка захочет уйти, прежде чем Фьорсен увидит ее. Да, она встает - и с каким видом, прямо-таки хозяйка положения! Манто накинуто ей на плечи, она идет к двери и только оттуда бросает испуганный взгляд. Ушли!

И Джип сказала:

- Пойдем, милый.

У нее было такое чувство, словно они оба избежали смертельной опасности; не потому, что эти двое могли бы причинить ему или ей какое-нибудь зло; они избежали еще одного тяжелого переживания, может быть, вспышки ревности к ее прошлому, которую мог испытать Саммерхэй при виде этого человека.

Первые недели их совместной жизни Джип проявляла мудрую настороженность. Саммерхэй был совсем еще мальчиком по жизненному опыту она убедилась в этом. И хотя по характеру он был решительнее, деятельнее и настойчивее ее, она видела, что именно ей на долю выпало прокладывать курс их жизни и избегать отмелей и подводных камней. Пока приводили в порядок дом, который они наняли у Беркширских холмов, они поселились в Лондоне в гостинице. Она настояла, чтобы он никому не рассказывал об их связи. Она решила сначала устроиться как следует - с маленькой Джип, Бетти и лошадьми, создать, насколько это возможно, обстановку добропорядочной семейной жизни. Но однажды, в первую неделю после их возвращения в Лондон, ей принесли карточку: "Леди Саммерхэй".

Когда мальчик-слуга исчез, она подошла к зеркалу и с сомнением оглядела себя. Она ясно представила, что думает о ней эта высокая женщина, которую она видела однажды на станционной платформе, - о ней, такой мягкой, пассивной, такой неподходящей для него, будь она даже его законной женой. Поправив волосы и чуть надушив брови, она пошла вниз по лестнице, внутренне вся дрожа, но внешне спокойная.

В маленьком холле этой старой гостиницы, которая всегда была "заново отремонтирована", Джип увидела гостью - та быстро перелистывала страницы иллюстрированного журнала, как это делают люди в приемной зубного врача, занятые мыслями о предстоящей неприятной лечебной процедуре. И Джип подумала: "Она, пожалуй, меня боится больше, чем я ее".

Леди Саммерхэй протянула ей руку, затянутую в перчатку.

- Здравствуйте, - сказала она. - Надеюсь, вы простите меня за мой приход.

- Вы очень добры, что пришли. Жаль, Брайана еще нет дома. Не хотите ли чаю?

- Я уже пила чай; давайте сядем. Нравится ли вам эта гостиница?

- Здесь очень мило.

Они уселись рядом на бархатном диване, который каким-то чудом пережил все ремонты, и принялись разглядывать друг друга.

- Брайан рассказывал мне, как приятно вы провели время за границей. По-моему, он выглядит прекрасно. Я ведь его обожаю.

Джип ответила мягко:

- Да, это естественно. - Но она вдруг почувствовала, как каменеет ее сердце.

Леди Саммерхэй бросила на нее быстрый взгляд.

- Я... я надеюсь, что вы не станете возражать, если я буду совершенно откровенна?.. Я так беспокоюсь. Во всем этом мало приятного, не правда ли? И если я могу вам чем-нибудь помочь, я буду просто рада. Представляю себе, как вам тяжело!..

Джип поспешно перебила ее:

- О, нет! Я как нельзя более счастлива.

Леди Саммерхэй пристально посмотрела на нее.

- Вначале люди ни в чем не отдают себе отчета - должно быть, как и вы оба; но потом вам придется убедиться, что общество отвергает вас.

Джип улыбнулась.

- Отвергнуть можно только того, кто напрашивается на это. Я никогда не стала бы иметь дело с людьми, которые не принимают меня такой, как я есть. И потом я не вижу, что особенного произошло с Брайаном? У большинства мужчин его возраста есть кто-то где-либо.

В Джип поднималась ненависть к этой светской женщине, которая, как бы она этого ни скрывала, в душе - ее враг и видит в ней поработорительницу, испортившую карьеру ее сыну, Далилу, готовящую ему гибель. И она сказала еще спокойнее:

- Ему нет нужды рассказывать кому бы то ни было о моем существовании; можете быть уверены, если он когда-нибудь почувствует, что я стала ему в тягость, он меня больше не увидит.

Она встала. Леди Саммерхэй тоже поднялась.

- Надеюсь, что вы не думаете... Я, право же... Мне только хотелось...

- Я думаю, лучше всего - полная откровенность. Вы никогда не полюбите меня и не простите мне, что я... заманила Брайана. Поэтому будет лучше, если вы станете считать меня просто его любовницей. Лучше для нас обеих. Все же вы очень добры, что пришли. Благодарю вас и прощайте.

Леди Саммерхэй, шатаясь, с трудом! пробиралась между маленькими столиками и вычурными креслами, пока ее высокая

фигура не исчезла за колонной. Джип снова опустилась на диван и прижала руки к пылающим ушам. Демон гордости обуревал ее, гордость в эту минуту была в ней даже сильнее, чем любовь. Она все еще сидела на диване, когда ей принесли другую карточку - ее отца. Обрадованный тем, что наконец видит ее после такой долгой разлуки, он сразу принялся рассказывать о Милденхэме и маленькой Джип. Потом, посмотрев на нее внимательно, сказал:

- Теперь вы можете ехать туда или на Бэри-стрит, если захотите. Я смотрю на это, как на настоящий брак. Я соберу слуг и разъясню им это.

Джип представила себе: слуги выстроились в ряд, как на домашней молитве, и отец, прямой и подтянутый, говорит: "Вы будете столь добры в дальнейшем помнить, что..."; "Я буду весьма обязан, если вы..." и так далее. Она видела круглое недовольное лицо Бетти, обиженной тем, что ее вызвали наравне со всеми; кроткое непроницаемое лицо Марки; притворно скромное любопытство миссис Марки; кроличьи мордочки горничных; язвительную ухмылку старого Петтенса: "А, мистер Брайан Саммерхэй! Он купил ее лошадь, а теперь она сама перешла к нему!"

- Родной мой, я не знаю! - сказала Джип. - Ты очень добр ко мне. Но подождем, посмотрим!

Уинтон погладил ее руку.

- Нам надо не сдавать позиций, Джип, ты знаешь это.

Джип рассмеялась.

В ту же ночь она сказала в темноту, разделявшую их кровати:

- Брайан, обещай мне одну вещь!

- Смотря что. Я тебя слишком хорошо знаю.

- Нет! Это очень разумно и вполне возможно. Обещай!

- Ну хорошо, если так.

- Я хочу, чтобы ты разрешил мне записать на себя аренду Красного дома. Пусть он будет моим - позволь мне заплатить за все.

- Но в чем же тут дело?

- Просто я хочу иметь свой дом. Я не могу объяснить, но после сегодняшнего визита твоей матери я почувствовала, что это мне необходимо.

- Дитя мое, но как же я могу жить на твой счет? Это нелепо.

- Ты будешь платить за все остальное - жизнь в Лондоне, путешествия, платья, если хочешь. Мы все это решим. Дело не в деньгах, конечно. Я только хочу чувствовать, что если когда-нибудь стану больше тебе не нужна, ты сможешь просто перестать ко мне приходить.

- Это жестоко, Джип!

- Нет, нет. Сколько женщин теряют любовь мужчин именно потому, что требуют от них многого! Я не хочу потерять твою любовь. Вот и все.

- Это плуто, милая!

- Нет, не плуто. Мужчины, да и женщины тоже, всегда влечат за собой цепи. А когда нет цепей...

- Ну что ж, тогда разреши мне взять дом на себя, а ты сможешь уехать, когда я тебе надоем. - Его голос звучал приглушенно и обиженно. Она слышала, как он ворочается с боку на бок, словно сердится на подушки.

- Нет. Я не могу этого объяснить, но так лучше.

- Мы только начинаем нашу совместную жизнь, а ты говоришь так, словно хочешь ее разорвать. Это обидно, Джип. Вот и все.

Наступила мертвая тишина, оба лежали тихо в темноте, как бы стараясь победить друг друга одним молчанием. Прошел почти час, прежде чем он вздохнул, и, почувствовав его губы на своих, она поняла, что победила.

ГЛАВА III

Она сидела в кабинете, и лунный свет падал на ее лицо. Снова нахлынули воспоминания о днях, которые они провели вместе в этом старом доме.

В первую зиму Саммерхэй сильно расшибся на охоте. Вспоминать о том, как она его выходила, было удивительно приятно, хотя с тех пор прошло уже два года. Чтобы ускорить выздоровление, они поехали в марте в Пиринеи, в Аржелес-цветущий миндаль, синева неба, чудесные две недели! Когда они возвращались домой, в Лондоне произошла первая неприятная встреча. Однажды вечером, выходя из театра, Джип услышала женский голос:

- О! Брайан! Как давно мы не виделись! Он ответил нерешительно, словно обороняясь:

- Здравствуй! Как поживаешь, Диана?

- Где ты пропадаешь все время? Почему не бываешь у нас?

- Живу в деревне, как-нибудь найду. До свидания.

Высокая девушка, рыжеволосая, с удивительно белой кожей и карими - да, карими! - глазами... Джип видела, как эти глаза с каким-то жгучим любопытством окинули ее с головы до ног. Брайан взял Джип под руку.

- Пойдем, возьмем машину.

Когда они выбрались из толпы, она сжала ему руку и спросила:

- Кто она?

- Троюродная сестра, Диана Лейтон.

- Ты ее хорошо знаешь?

- О, да, мы часто встречались.

- И она тебе очень нравится?

- В общем, да.

Он внимательно посмотрел ей в лицо; в глазах его, обычно серьезных, искрился смех. До сегодняшнего дня эта высокая девушка с ослепительно белой кожей, с жгучими карими глазами и огненно-рыжими волосами была для Джип всего лишь не совсем приятным воспоминанием. Как раз с того вечера они решили больше не скрывать свою связь, стали ходить, куда хотели, не опасаясь встречи с кем-либо из знакомых. Ничто так не помогает пренебрегать обществом, как любовь. К тому же они редко бывали в Лондоне. Но Джип никогда не покидало ощущение, что тот идеал жизни, к которому стремилась она, вовсе не идеал для него. Ему надо бывать в свете, встречаться с людьми. Его нельзя отгородить от светских развлечений и обязанностей; в один прекрасный день он может почувствовать, что прозябает по ее вине. Ездить каждый день в Лондон было утомительно; и она уговорила его нанять меблированную квартиру в Темпле и ночевать там три раза в неделю. Несмотря на все его мольбы, она ни разу не побывала в этой квартире и, приезжая в Лондон, всегда останавливалась на Бэри-стрит. Она боялась вызвать у него ощущение, что висит на нем тяжелым грузом. Быть для него всегда желанной, не будничной, чтобы, уезжая, он стремился поскорее вернуться к ней! Она никогда не спрашивала его, где он бывает, с кем встречается. Но иногда она задавала себе вопрос: любит ли он ее так, как любил раньше? Такая ли его любовь, как ее - страстная, обожающая, заботливая, самоотверженная, отдающая себя

целиком? Но в душе она требовала взамен такой же любви - ибо как может гордая женщина любить человека, который ее не любит? Ее любовь всегда жаждет союза более полного, чем тот, который возможен в этом мире, где все движется и изменяется. Восставать против пут такой любви у нее и в мыслях не было. Она не выдвигала никаких условий: она поставила все на одну карту, как когда-то сделал ее отец.

Лунный свет теперь уже ярко заливал старый письменный стол и вазу с тюльпанами, придавая цветам призрачный оттенок, словно они явились из какого-то другого, недоступного человеческому познанию мира. Луна бросала яркие блики на бронзовый бюст Вольтера, и, казалось, он усмехается уголками своих запавших глаз. Джип немного повернула бюст, чтобы свет упал на другую сторону лица Вольтера. Под бюстом на дубовой доске лежало письмо. Она потянула его к себе:

"Дорогой Брайан!

Но послушай же - ты растрачиваешь себя!"

Джип положила письмо на место и встала, желая побороть искушение прочесть до конца и посмотреть, от кого письмо. Нет! Чужих писем не читают. Потом вдруг до нее дошла вся важность этих нескольких слов: "Дорогой Брайан! Но послушай же - ты растрачиваешь себя!" Почерк женский, но не матери и не сестер, их почерк она знала. Кто же посмел сказать, что он растрачивает себя? Письмо явно не первое. Какая-то близкая ему женщина, имени которой она не знает, потому что... потому что он никогда не говорил о ней. Растрачивает себя - на что? На жизнь с ней здесь? А может быть, так и есть? Она стала рыться в памяти. В прошлое рождество, в те солнечные, холодные, прекрасные две недели, которые они провели во Флоренции, он был полон веселья. А теперь - май. От прежней веселости не осталось и следа... "Но послушай же - ты растрачиваешь себя!" Внезапная ненависть вспыхнула в Джип к этой неизвестной женщине, которая посмела сказать это; ее бросило в жар, уши зарделись. Ей захотелось разорвать письмо в клочки. Но Вольтер словно сторожил ее и смеялся над ней. Она вышла из комнаты и подумала: "Пойду встречу его, я не могу сидеть здесь и ждать".

Она вышла в залитый лунным светом сад и медленно побрела по ярко освещенной дороге к станции. Была волшебная ночь, сухая, без

росы. Лунные блики ложились на деревья, точно инеем покрывая стволы и ветви, одевая в трепещущее призрачное серебро буковую рощицу. Ни один листочек не шевелился, нигде ни живой души. Она подумала: "Я поведу его домой через эту рощицу". И она стала ждать его на дальней опушке, там, где он должен был пройти. Пришел поезд; мимо промчалась машина, за ней велосипедист; потом она увидела первого пешехода, он широко шагал, почти бежал. Она увидела, что это Саммерхэй, и, позвав его, кинулась обратно в тень деревьев. Он бросился за ней.

Они уселись на большой пенёк. Прислонившись к его плечу и глядя на темные ветви, Джип спросила:

- У тебя был тяжелый день?

- Да. Задержался из-за поздней консультации, а потом старый Лейтон пригласил меня обедать.

Джип показалось, будто земля слегка подалась под ее ногами.

- Эти Лейтоны живут на Итон-сквер, да? Званный обед?

- Нет. Были только старики, Берти и Диана.

- Диана? Это та девушка, которую мы встретили, выходя из театра?

- Когда?! О! Ах да!.. Какая у тебя память, Джип!

- Да. Память мне хорошо служит, когда речь идет об интересующих меня вещах.

- Разве Диана интересуется тобой?

Джип пристально посмотрела на него.

- Да. Она умна?

- Я думаю, ее можно назвать умной.

- И она влюблена в тебя?

- Боже праведный! С чего бы это?

- А разве это так невероятно? Вот я же влюблена в тебя.

Он стал целовать ее. Закрыв глаза, Джип думала: "Не потому ли он целует меня, что не хочет отвечать?" Наступило минутное молчание.

- Скажи мне правду, Брайан... Тебе никогда... никогда не приходило в голову, что ты растрачиваешь себя со мной?

Она явно почувствовала, как дрогнула его рука; но лицо его было открыто и безмятежно, а голос такой же, как всегда, немного поддразнивающий.

- Растрачиваю себя! Что за странные мысли, милая?
- Обещай, что ты скажешь мне, когда я тебе уже не буду нужна.
- Отлично! Только не думаю, что сие случится в этой жизни.
- Я не так уверена.
- А я уверен.

ГЛАВА IV

Спустившись на следующее утро вниз, Саммерхэй прямо прошел в свой кабинет; ему было не по себе: "Растрачиваешь себя!.." Куда он девал письмо от Дианы? Он помнил, что Джип вошла как раз в ту минуту, когда он кончил читать его. Он принялся искать на полочках и в ящиках, разбирать все, что лежало наверху, и при этом сдвинул бюст Вольтера - письмо лежало под ним. Он взял его со вздохом облегчения.

"Дорогой Брайан!

Но послушай же - ты растрачиваешь себя! Право, голубчик, это так. Il faut se faire valoir! {Надо знать себе цену (франц.).} Ты можешь сейчас шагнуть только одной ногой; другая - застряла бог весть в какой таинственной дыре. Одной ногой в могиле - и это в тридцать лет! Да ну же, Брайан! Надо с этим кончать. Тебя ждет так много впереди. Нечего дуться и повторять, что я сую нос не в свое дело. Я говорю от имени всех, кто тебя знает. Все мы чувствуем, что за болезнь губит розу. Кроме того, ты всегда был моим любимым кузенком - с тех пор, как мне было пять, а ты был десятилетним маленьким задирой; и мне просто противно думать, что ты медленно катишься вниз вместо того, чтобы быстро подниматься вверх. О, я знаю: - "к черту весь мир!" Но, а как же ты сам? Я скорее думаю, что весь мир посылает тебя к черту. Довольно! Когда ты будешь у нас? Я прочитала ту книгу. Автор, видимо, полагает, что любовь - это только страсть, а страсть всегда что-то роковое. Так ли это? Может быть, ты знаешь лучше?

Не сердись на меня за такое старушечье письмо.

Au revoir.

Преданная тебе кузина

Диана Лейтон".

Он сунул письмо в карман. Оно пролежало, должно быть, два дня под этим бюстом! Видела ли его Джип? Он посмотрел на бронзовое лицо; философ глядел на него глубоко сидящими глазами и словно

говорил: "Что ты знаешь о человеческом сердце, мой мальчик, - о своем, о сердце твоей любовницы, или той девушки и кого бы то ни было? Сердце еще заведет тебя в дебри! Можно положить сердце в пакет, завязать его бечевкой, запечатать сургучом, бросить в ящик и запереть его! А завтра оно как ни в чем не бывало очутится на свободе и будет плясать на этом твоём пакете. Ха-ха!"

Саммерхэй подумал: "Ты, старый козел! У тебя самого никогда не было сердца!" В комнате наверху Джип, наверно, все еще стоит у зеркала и кончает причесываться. Право же, любой человек был бы негодяем, если бы даже в мыслях позволил себе... "Полно! - казалось, говорили глаза философа. Жалость! Это смешно! А почему бы не пожалеть эту рыжеволосую девушку с такой белоснежной кожей и такими жгучими карими глазами?" Старый дьявол! Нет, его сердце принадлежит Джип, и никто в мире его не отнимет у нее! Как он любит ее, как любит! Она всегда останется для него тем, чем была... А рот мудреца искривился, словно выговаривая: "Совершенно верно, дражайший! Но сердце презабавный предмет и очень мстительный!"

Легкий шум заставил его обернуться.

В дверях стояла маленькая Джип.

- Здравствуй, Бэрайн! - Она подлетела к нему, и он подхватил ее и поставил к себе на колени; солнечный луч играл в ее вьющихся пушистых волосах.

- Ну, цыганочка, кто теперь уже большая девочка?

- Я сейчас поеду верхом.

- Ого!

- Бэрайн! Давай сыграем в Хампти-Дампти!

- Давай!

Джип все еще доканчивала одно из тех сотен дел, которые отнимают у женщины четверть часа уже после того, как она заявляет, что "совершенно готова"; маленькая Джип выкрикнула: "Хампти!" - и Джип отложила иглу, чтобы посмотреть этот священный обряд.

Саммерхэй уселся на край кровати, округлил руки, Втянул шею, надул щеки - все это должно было изображать яйцо; а потом неожиданно - хотя и не удивив привычную к этому маленькую Джип - он начал кататься по кровати.

А она, изображая "всю королевскую конницу", бесплодно пыталась поднять его. Эта старинная игра, в которую сама Джип ребенком играла сотни раз, была ей сегодня особенно дорога: если он может быть таким до смешного 'Молодым, чего же стоят все ее сомнения! Она глядела на его лицо, на то, как он мотал головой из стороны в сторону - он был невозмутим и спокоен, несмотря на то, что маленькие кулачки, не переставая, колотили его. Джип подумала: "И эта девушка осмелилась сказать, что он растрчивает себя!" Эта высокая девушка с белой кожей. Диана, которую они встретили в театре и которая вчера обедала с ним, - да, это она написала эти слова. Джип была теперь уверена в этом!..

Когда после долгой скачки по холмам они придержали уставших лошадей, Джип, не глядя на Саммерхэя, внезапно спросила:

- Она - охотница?

- Кто?

- Твоя кузина Диана. Он ответил лениво:

- Ты что же, считаешь, что она охотится за мной? Она знала этот тон, это выражение его лица, знала, что он сердится, но не могла остановиться.

- Да, считаю!

- Значит, ты начинаешь ревновать меня, Джип?

От его холодных, нарочито откровенных слов у нее сжалось сердце. Она пришпорила лошадь. Когда она снова осадилась, он посмотрел ей в лицо и испугался. Оно словно окаменело. И он сказал тихо:

- Я не хотел тебя обидеть, Джип

Но она только покачала головой. Нет, он именно этого хотел - сделать ей больно!

- Видишь это длинное белое облако и зеленоватый цвет неба? - сказала она. - Завтра будет дождь. Надо пользоваться каждым ясным днем, как будто он - последний.

Расстроенный, смущенный, но все еще немного сердясь, Саммерхэй ехал рядом с ней.

Ночью она плакала во сне; когда он разбудил ее, она прижалась к нему и сказала, рыдая:

- Ах, мне снилось, что ты перестал любить меня! Он долго обнимал ее, успокаивал. Никогда, никогда

он не перестанет любить ее!

Но облачко, не больше ладони, может разрастись и сделать хмурым самый ясный день.

ГЛАВА V

Лето шло, а на сердце каждого из них все еще лежал какой-то груз невысказанного. Солнечные дни сначала становились все длиннее, потом, медленно пройдя свой зенит, постепенно стали убывать. По субботам и воскресеньям они катались на лодке - иногда вместе с Уинтоном и маленькой Джип, но чаще всего вдвоем; для Джип река никогда не теряла своего очарования, очарования того первого вечера.

Всю неделю она ждала этих часов, когда сможет остаться наедине с ним, когда окружающая лодку вода будет оберегать ее не только от мира, который может отнять его, но и от тех свойств его собственного характера, которые она уже давно окрестила "старогеоргианскими". Однажды она решилась отправиться одна в суд, чтобы посмотреть на него в мантии и парике. В этих жестких седых кудрях над широким лбом он казался таким суровым и мудрым человеком того блистательного, великолепного мира, к которому она никогда не будет принадлежать. Она знает: ей доступна только одна сторона его существования! На реке он принадлежит ей безраздельно - милый, ленивый, беспредельно любящий, он кладет голову ей на колени, прыгает в воду, плещется возле нее; с засученными рукавами, обнаженной шеей и улыбающимся лицом, сидит за веслами, они медленно плывут по течению, и он поет "Вперед неси меня, волна!". Что может быть радостнее - каждую неделю освобождаться хотя бы на несколько часов от ощущения того, что он никогда не будет принадлежать ей целиком. И все-таки этот груз невысказанного разрастался с каждым днем.

Когда наступили каникулы, она приняла героическое решение: пусть проживет месяц вдали от нее! А пока Бетти будет с маленькой Джип на море, она повезет лечиться отца. Она так неотступно держалась за это решение, что после многих возражений он наконец сказал, пожав плечами:

- Хорошо, если тебе так хочется избавиться от меня.

"Избавиться от него!" Но она заставила себя подавить свои чувства и сказала, улыбаясь:

- Наконец-то! Вот хороший мальчик!

Будь что будет! Только бы он вернулся к ней таким, каким был раньше! Она не задавала ему вопросов - куда или к кому он поедет.

Тэнбриджские источники - это очаровательное чистилище, где люди, ушедшие в отставку, готовят свои души к окончательной отставке, - дремлют на холмах, вытянувшись длинными рядами одинаковых вилл. Здешние луга и леса не настолько выжжены солнцем, чтобы отставные стремились удирать отсюда летом к морю. Они продолжают делать покупки в "Пентайле", разгуливают по холмам или размахивают клюшками для гольфа в травянистых парках, пьют чай в гостях друг у друга и ходят по многочисленным церквям. Все они так или иначе отставлены от жизни и, ожидая преуказанного дня, только стараются оттянуть его подольше.

Джип и ее отец занимали номер в отеле, где он мог принимать ванны и пить воду, не поднимаясь в гору. Это было второе его лечение, при котором она присутствовала после Висбадена - шесть лет назад! Она чувствовала себя другой, совершенно другой! Тогда она как бы пила жизнь маленькими плотками, от каждого напитка понемногу; теперь это был какой-то один долгий плоток, но жажда оставалась неутоленной.

Она жила ожиданием почты, и если, случалось, не было письма, у нее опускались руки. Сама она писала каждый день, иногда даже по два раза, но потом рвала второе письмо, вспомнив, для чего пошла на эту разлуку. В первую неделю его письма были ровными, спокойными; во вторую они стали пылкими, в третью - капризными: он то с надеждой смотрел на будущее, то впадал в уныние; и письма становились все короче. В эту третью неделю приехала тетушка Розамунда. Она стала верной сторонницей Джип в ее новом положении. Насчет Фьорсена она решила твердо: туда ему и дорога! Она была определенно невысокого мнения о мужчинах, а также о брачных законах; на взгляд тетушки Розамунды, всякая женщина, которая наносила удар в этом направлении, была чем-то вроде героини; тетушка забывала, что Джип, по сути дела, была далека от желаний атаковать брачные законы или что-либо подобное. Аристократическая и бунтарская кровь тетушки Розамунды кипела ненавистью к тем, кого она называла "ханжами", кто еще считал

женщину собственностью мужчины. Видимо, именно это и заставило ее остеречься, поставить себя самое в подобное положение.

Она привезла Джип новости.

- Я шла по Бонд-стрит мимо той кондитерской, - ты знаешь, дорогая, где продают эти особые тянучки... И как ты думаешь, кто из нее вышел? Мисс Дафна Уинг и наш друг Фьорсен - он выглядел довольно-таки мрачно! Он подошел ко мне со своей маленькой дамой, которая смотрела на него глазами рыси. Право, милая моя, мне даже стало его жаль. У него был этот его голодный взгляд; а она, видно, ест за двоих! Он спросил меня, как ты поживаешь. "Когда вы ее увидите, - сказал он, - передайте ей, что я ее не забыл и никогда не забуду. Но она была совершенно права: я подхожу только вот для таких". И он так посмотрел на эту девушку, что мне просто стало не по себе. Потом он поклонился, и они ушли, она - сияющая, как медный грош, а он... Право мне стало его жаль.

Джип сказала спокойно:

- Не надо его жалеть, тетушка; он всегда сам себя пожалеет.

Тетушка Розамунда замолчала, она была немного шокирована. Эта славная женщина не испытала жизни с Фьорсеном!

В тот самый день Джип сидела под навесом на лугу и думала все о том же: "Сегодня четверг - еще одиннадцать дней!" Неожиданно перед нею выросли три фигуры - мужчины, женщины и некоего животного, по-видимому, собаки. Любовь человека к красоте и его тираническая власть привели к тому, что нос собаки оказался вывороченным, уши были наполовину обрезаны, хвост стал короче на добрых три дюйма. У собаки была одышка, и ходила она переваливаясь. Послышался голос:

- Здесь хорошо, Мэрайя. Здесь мы можем посидеть на солнце.

Это был голос, навсегда простуженный из-за частого пребывания у открытых могил. Джип узнала мистера Уэгга. Он сбрил бороду, оставив лишь бакенбарды, а миссис Уэгг - та необыкновенно раздобрела. Они устроились рядом с ней.

- Ты сядь здесь, Мэрайя, солнце не будет тебе бить в глаза.

- Нет, Роберт, я сяду тут. А ты сядь там.

- Нет, ты сядешь здесь.

- Нет, я не хочу. Сюда, Дакки!

Но собака, стоявшая на дорожке, не отрываясь, глядела на Джип. Мистер Уэгг посмотрел в ту сторону, куда уставилась собака.

- О! - воскликнул он. - Вот так сюрприз! - И, прикоснувшись рукой к соломенной шляпе, он протянул Джип другую, предварительно отерев ее о рукав. Пока она ее пожимала, собака подвинулась вперед и уселась на ее ногах. Миссис Уэгг тоже протянула руку в залоснившейся перчатке.

- Это... это очень приятно, - пробормотала она. - Кто бы мог подумать, что мы встретим! вас! О, не позволяйте Дакки сидеть так близко к вашему прекрасному платью! Сюда, Дакки!

Но Дакки не двигался и еще плотнее прижался спиной к ногам Джип. Мистер Уэгг внезапно спросил:

- Вы ведь не переселились сюда?

- О, нет! Я приехала с отцом, он принимает ванны.

- Так я и думал, я ни разу не встречал вас. Мы ведь уже год как здесь. Неплохое местечко!

- Да, очень приятное!

- Нам! хотелось поближе к природе. Воздух нам подходит, хотя немножко... э... слишком железист, я бы сказал. Но зато тут можно достичь долголетия. Мы долго искали такого места.

Миссис Уэгг добавила:

- Да, мы думали поселиться в Уимблдоне, но мистеру Уэггу больше понравилось здесь. Он может совершать прогулки. И публика более избранная. У нас есть несколько друзей. И церковь очень славная.

Мистер Уэгг сказал добродушно:

- Я всегда был исправным прихожанином; но - не знаю, почему - в таком месте церковь кажется более значительной, моя жена того же мнения. Я не скрываю никогда своих взглядов.

- Что же, дело в обстановке? Мистер Уэгг покачал головой.

- Нет. Я не люблю ладана. Мы ведь не англиканской церкви. А как поживаете вы, мэм? Мы часто говорим о вас. Вы выглядите прекрасно.

Лицо его стало мутно-оранжевого цвета, у миссис Уэгг, - свекольного. Собака у ног Джип зашевелилась, засопела и снова привалилась к ее ногам. Джип сказала тихо:

- Мне только сегодня рассказывали о Дэйзи. Она ведь теперь звезда, не правда ли?

Миссис Уэгг вздохнула. Мистер Уэгг, глядя в сторону, ответил:

- Это наше больное место. Да, она зарабатывает свои сорок или пятьдесят фунтов в неделю, о ней пишут во всех газетах, она имеет успех, спорить не приходится. Откладывает, наверно, по полторы тысячи в год, я не удивлюсь, если это так. Что ж, в лучшие годы, когда свирепствовала инфлуэнца, я и тысячи не откладывал. Нет, что ни говори, она имеет успех. Миссис Уэгг добавила:

- Вы видели ее последнюю фотографию? Она стоит между двух горшков с гортензиями. Это была ее идея.

Мистер Уэгг промямлил:

- Мне приятно, когда она приезжает сюда в машине. Но я приехал немного успокоиться после той жизни, которую вел, мне не хочется думать об этом, особенно в вашем присутствии, мэм. Не хочется - это факт!

Наступило молчание; миссис и мистер Уэгг сидели, уставившись на свои ноги; Джип смотрела на собаку.

- А! Вот ты где?

Из-за навеса появился Уинтон. Джип не удержалась от улыбки. Обветренное, узкое лицо ее отца, полуопущенные веки, тонкий нос, щетинистые седые усы, не закрывающие твердых губ, прямая сухопарая фигура, его выправка, высокий резковатый голос - все это было полной противоположностью коренастому мистеру Уэггу, его округлой фигуре, толстой коже, грубым чертам лица, низкому, хриплому и в то же время маслянистому голосу. словно судьба нарочно устроила демонстрацию двух различных социальных типов.

- Мистер и миссис Уэгг - мой отец!

Уинтон приподнял шляпу, Джип осталась сидеть, а собака продолжала жаться к ее ногам.

- Счастлив познакомиться с вами, сэр. Надеюсь, воды идут вам на пользу? Говорят, они самые крепкие.

- Благодарю вас. Во всяком случае, они не более смертельны, чем другие. Вы пьете их?

Мистер Уэгг улыбнулся.

- Нет, - сказал он. - Мы здесь живем постоянно.

- Вот как! И у вас есть здесь какое-нибудь занятие?

- Видите ли... Собственно говоря, я здесь отдыхаю. И я хожу в турецкие бани раз в две недели. Это открывает поры, и кожа лучше

дышит.

Миссис Уэгг прибавила мягко:

- Мне кажется, что они очень полезны моему мужу.

Уинтон пробормотал:

- Н-да? Это ваша собака? Смахивает на философа, не правда ли?

Миссис Уэгг ответила:

- О! Она у нас балованная, правда, Дакки?

Пес Дакки, чувствуя себя центром общего внимания, поднялся и, тяжело дыша, уставился в лицо Джип. Она воспользовалась случаем и встала.

- Боюсь, что нам пора. Прощайте. Было очень приятно снова встретиться с вами. Когда увидите Дэйзи, пожалуйста, передайте ей мой сердечный привет.

Миссис Уэгг неожиданно достала из ридикюля носовой платок. Мистер Уэгг гулко откашлялся. Джип смотрела, как пес Дакки ковыляет вслед за ними, и слышала, как миссис Уэгг, не отнимая платка от лица, зовет: "Дакки! Дакки!"

Уинтон сказал тихо:

- Значит, у этой пары - такая красивая девица! Ну, она показала себя не с лучшей стороны, насколько я могу судить. Она все еще с нашим бывшим другом, как мак говорила твоя тетушка.

Джип кивнула.

- Да. И я надеюсь, что она счастлива.

- А он, видимо, не очень. Ну и поделом ему! Джип покачала головой.

- Не надо, отец!

- Да, не надо желать человеку худшего, когда ему, видимо, и так достается. Но когда я вижу людей, которые смеют задирать нос перед тобой, тогда, черт побери...

- Родной, - какое это имеет сейчас значение?

- Для меня - очень большое! - Его рот искривился в мрачной усмешке. Ну, да, все мы одинаковы, когда дело доходит до осуждения ближних.

В эти немногие дни, проведенные на Тэнбриджских водах, они открыли себя друг другу больше, чем за многие годы. Размягчили ли лечебные ванны непроницаемую броню Уинтона или на него произвел действие здешний воздух, который мистер Уэгг находил

"немножко... э... железистым", но он явно отступил от первой обязанности мужчины - скрывать свои переживания.

В последний день их пребывания в Тэнбридже они пошли в один из близлежащих лесов. Джип была растрогана красотой освещенных солнцем деревьев, и ей не хотелось разговаривать. Но Уинтон, которому предстояло расстаться с нею, был чрезвычайно разговорчив. Он начал с того, что в конном спорте происходят зловещие перемены - все стало таким плутократическим, и эти американские седла, и букмекеров развелось видимо-невидимо - словом, положение трагическое; потом он пустился в целую иеремиаду по поводу общего состояния дел: парламент - теперь, когда его членам платят жалованье, утратил всякое уважение к самому себе; города объедают деревни; над охотой нависла угроза; сила и вульгарность печати ужасающи; женщины потеряли голову; и все словно стыдятся своих "хороших манер"... К тому времени, когда маленькая Джип достигнет возраста своей матери, наверно, все они подпадут под власть Наблюдательных Комитетов, будут жить в городах-садах и отчитываться за каждую истраченную полукрону и за каждые полчаса своего существования; лошадь превратится в вымирающий вид животного царства - ее будут показывать только раз в году на церемониях у лорд-мэра. Он надеется, что не доживет до этого времени. И неожиданно Уинтон добавил:

- Как ты думаешь, Джип, что бывает после смерти?

- Ничего, отец. Я думаю, мы просто вернемся обратно.

- А! И я так думаю!

Ни она, ни он не знали, что думал каждый об этом раньше.

Джип пробормотала:

La vie est vaine

Un peu d'amour.

Un peu de haine

Et puis bonjour {*}.

{* Жизнь - пустое дело: немного любви, немного ненависти - и вот уже конец! (франц.).}

Уинтон не то фыркнул, не то засмеялся.

- А то, что называют "богом", - что это такое в конце концов? Просто то лучшее, что человек может извлечь из себя, и ничего больше - насколько я в состоянии судить. Невозможно вообразить

больше того, чем ты можешь вообразить. Но одно меня всегда ставило в тупик, Джип. Всю жизнь мое сердце принадлежало одной женщине. Наступает смерть, и ты уходишь! Зачем же я любил, если мы уже никогда больше не встретимся!

- Может быть, любить кого-либо или что-либо всем сердцем - это и есть главное в жизни?

Уинтон посмотрел на нее.

- Да-а-а, - протянул он, наконец, - я часто думаю, что верующие простачки откладывают деньги, чтобы поставить на лошадь, которая никогда не побежит. Возьми этих йогов в Индии: сидят себе, и весь мир может полететь к черту, а им нипочем, они надеются, что им будет лучше в царстве божьем. Ну, а если оно не наступит?

Взяв его под руку, она крепко прижалась к нему.

- Нет, отец, мы с тобой уйдем из жизни туда, где ветер, солнце, деревья, вода - как Прокрида на моей картине.

ГЛАВА VI

Брайан Саммерхэй сел в ночной экспресс из Эдинбурга с двойственным чувством - печали о девушке, которую он оставил, и тоски по женщине, к которой возвращался. Как могли одновременно жить в его сердце и та и другая? Но, лежа на вагонной полке, он с приятной легкостью вспоминал о Диане, протягивающей ему чашку чая и поглядывающей на него с насмешливой улыбкой, пока он перелистывает страницы ее нот; и тут же в следующую минуту уносился мыслью к Джип, весь охваченный желанием обнять ее, услышать ее голос, глядеть в ее глаза, прижаться губами к ее губам; он знал, что такой любви, такой дружбы, насыщающих душу и тело, он не найдет нигде. И все-таки в глубине сердца притаилась легкая тоска и по той рыжеволосой девушке.

Утомленный этим странным колебанием чувств, он заснул и видел сны-какие человек может только видеть в поезде; потом на какой-то станции проснулся от удивительной тишины, снова проспал, как ему показалось, несколько часов и опять проснулся на той же станции; и опять заснул, пока, наконец, не очнулся в Уилсдэне при ярком свете дня. У него было теперь только одно страстное желание - увидеть Джип! Садясь в такси, он улыбался, радуясь даже лондонскому утреннему туману.

Она стояла в дальнем углу комнаты гостиницы, смертельно бледная, дрожащая с головы до ног; и когда он крепко обнял ее, она глубоко и прерывисто вздохнула и закрыла глаза. Прижимая губы к ее губам, он чувствовал, что она почти в обмороке; да и сам он тоже не сознавал ничего, кроме этого поцелуя.

Наутро они уехали за границу, в маленькое местечко, недалеко от Фекана, в Нормандии. Здесь, в деревне, все было огромных размеров - люди, животные, неогороженные поля, дворы ферм, осененные огромными деревьями, небо, море, даже черника. Джип была счастлива. Но дважды приходили письма с шотландскими марками, написанные тем самым, хорошо памятным ей почерком. В темноте призрак всегда кажется огромным, в тумане - особенно реальным. Ревность коренится не в разуме, а в натуре человека, любящего со всей силой отчаяния и в то же время полного гордости. Ревность вырастает из скептицизма. Если бы гордость даже позволила ей расспрашивать его - что толку? Она все равно не поверила бы его ответам. Конечно, он сказал бы - возможно, только из жалости, - что никогда не позволял себе и думать о другой женщине... Но, в конце концов, может быть, все это - только ее воображение? Было ведь немало часов за эти три недели, проведенных вместе, когда она чувствовала, что он действительно любит ее, и была счастлива.

Они вернулись в Красный дом в начале октября. Маленькая Джип теперь была уже законченной наездницей. Под руководством старого Петтенса она ездила верхом к "пустоши". Ее крепкие, загорелые ножки словно врастали в бока мышастого пони, смуглое личико было полно возбуждения, черные глаза смотрели прямо вперед, она красиво держалась в седле, короткие кудри рассыпались по маленькой стройной спине. Она пожелала ездить на прогулки вместе с дедом, мамой и Бэрайном. И первые дни после их приезда ушли на то, чтобы выполнить это ее новое желание. Потом началась судебная сессия, и Джип ничего не оставалось, как снова делить Саммерхэя с его второй жизнью.

ГЛАВА VII

Старый скоч-терьер Оссиан лежал на дорожке, освещенной бледным ноябрьским солнцем. Он лежал здесь все утро, с той самой минуты, как его хозяин уехал ранним поездом. Оссиану шел уже шестнадцатый год. Он был глух и невесел, и каждый раз, когда

Саммерхэй уезжал, его глаза словно говорили: "Кончится тем, что мы расстанемся навсегда!" Остальные славные люди, которые жили в этом доме, не заменяли ему того, с кем, он чувствовал, ему уже недолго осталось быть вместе. Он с трудом переносил появление во дворе каждого чужого. Джип увидела из окна, как Оссиан выгнул спину и заворчал на почтальона. Опасаясь за его икры, она поспешно сбежала вниз.

Конверт, надписанный все тем же страшным для нее почерком и помеченный "весьма срочно", был переслан сюда с места работы Саммерхэя. Она поднесла письмо к носу. Аромат-чего? Машинально потрогав ногтями край конверта, она тут же положила его на место - слишком уж хотелось ей его вскрыть. Внезапно у нее мелькнула мысль: "А что если я прочту и в нем ничего особенного не окажется?" Пришел бы конец ее ревнивым опасениям, всему тому, что причиняло ей столько огорчений в последние месяцы. Ну, а если там все-таки что-то есть? Тогда она сразу утратит веру и в него и в себя, утратит его любовь, уважение к себе. Может быть, отвезти ему это письмо? Если выехать трехчасовым поездом, она будет на месте в начале шестого. Еще есть время дойти до станции. Она побежала вверх. Маленькая Джип сидела на верхней ступеньке и рассматривала книгу с картинками.

- Я уезжаю в Лондон, деточка. Скажи Бетти, что я вернусь вечером, а возможно, и останусь в городе. Поцелуй меня хорошенько.

Маленькая Джип исполнила ее просьбу.

- Я хочу посмотреть, как ты надеваешь шляпу, ма!

Надевая шляпу и пальто, Джип думала: "Я не возьму с собой сумки. Я ведь всегда могу заехать на Бэриситрит". Она сбежала вниз, схватила письмо и поспешно зашагала к станции.

В поезде она вытащила письмо. Как она ненавидит этот почерк, ненавидит за тот страх, который он вселял в нее в прошедшие месяцы! Если бы эта девушка знала, сколько тоски и страданий она причинила, перестала бы она писать? Джип попыталась вызвать в памяти лицо, которое видела только одну минуту, голос, услышанный только один раз, - голос человека, привыкшего добиваться своего. Нет! Это только побудило бы ее продолжать игру. Честную игру против женщины, не имеющей на него никакого права, кроме любви. Слава богу, она не отняла его ни у какой женщины - разве что у этой девушки! За все эти

годы она не узнала ни одного его секрета... Джип стала у окна пустого купе. Вот и река, а вот - ну, конечно! - та самая заводь, возле которой он умолял ее уйти к нему навсегда. Как все изменилось - голые, унылые деревья, бледно-серое небо!

Поезд опаздывал; темнело, когда она вышла из Пэддингтонского вокзала и, сев в такси, поехала в Темпл. Как странно - она здесь в первый раз! У Темпл-Лейн она оставила машину и пошла по узкой, плохо освещенной многолюдной улице - центру лондонской юстиции.

"Поднимитесь по этим каменным ступенькам, мисс; вдоль перил, вторая дверь". При слабом свете Джип стала рассматривать фамилии. "Саммерхэй. Третий этаж". Сердце ее сильно билось. Что он скажет? Как встретит ее? Не глупо ли она поступила, придя сюда? Может быть, у него на консультации клиент? Или какой-нибудь клерк или истец? Как ей тогда назвать себя? На втором этаже она остановилась, вытащила карточку и написала карандашом:

"Могу я повидать тебя на минутку? Джип".

Потом, глубоко вздохнув, чтобы успокоить бьющееся сердце, она стала подниматься наверх. Вот его фамилия, вот дверь. Она позвонила - никто не откликнулся; прислушалась - ни звука. Все было здесь массивным и мрачным железные перила, Каменные ступени, голые стены, дубовая дверь. Она позвонила снова. Что делать? Оставить письмо? Так и не увидеть его - ее маленькое романтическое приключение кончится ничем, разве что скучным визитом на Бэри-стрит, где не будет никого, кроме миссис Марки, потому что отец на охоте в Милденхэме и не вернется до воскресенья! Она подумала: "Оставлю письмо. Вернусь на Стрэнд, выпью чаю и попытаюсь заглянуть сюда снова".

Она вынула письмо, просунула его в щель и услышала, как оно упало в проволочную сетку; потом тихо спустилась по ступеням и пошла на Темпл-Лейн. Улица была полна людей - кончился рабочий день. Возле Стрэнда ей бросилась в глаза женская фигура. Женщина шла рядом с мужчиной по противоположной стороне улицы; их лица были обращены друг к другу. До Джип донеслись их голоса, и она остановилась, глядя им вслед. Они проходили под фонарем; свет блеснул на волосах женщины, на слегка приподнятом плече Саммерхэя - он всегда приподнимал его, когда спорил; она услышала его звучный, энергичный голос. Джип видела, как они пересекли

улицу, поднялись по каменным ступеням, по которым она только что спустилась, прошли мимо перил каменного перехода, вошли в дверь и исчезли. Ее охватил такой ужас, что она едва могла сдвинуться с места.

"Нет! Нет! Нет!" Это слово проносилось в ее мозгу, как стон, как студеной ветер проносится в дождь среди мокрых деревьев. Что это значит?! В охватившем ее страшном смятении она даже и не подумала о том, чтобы бежать к нему. Она не сознавала, куда идет, пересекала улицы, не обращая внимания на мчащиеся машины. Дойдя до Трафалгар-сквера, она оперлась на парапет у Национальной галереи. Только здесь она смогла кое-как собраться с мыслями. Так вот почему пуста его квартира! Какие уж там клерки! Все подготовлено для того, чтобы они могли оставаться наедине. Наедине там, где она мечтала побыть с ним!.. И только сегодня утром он целовал ее! Странный смешок застрял у нее в горле вместе с подавленным рыданием. Почему, ну почему у нее есть сердце?.. Внизу, у цоколя одного из львов, молодой человек обнимал девушку и прижимал ее к себе. Джип отвернулась и снова пустилась в свое печальное путешествие. Она дошла до Бэри-стрит. Ни огонька, ни признака жизни. Да это и неважно - она не может сейчас войти туда.

На деревьях Грин-парка, по которому она проходила, еще оставалось немного листвы, отливавшей яркой медью, как волосы той девушки. Перед Джип вставали мучительные видения. Эта пустая квартира! Он лгал ей. Он и поступал, как лжец. Нет, она не заслужила этого! Ощущение несправедливости принесло ей первое облегчение, первое прояснение ее мозгу, затуманенному горем. Она ни разу не бросила взгляда ни на одного мужчину, не думала ни о ком, кроме него, - с той ночи на море, когда он пришел к ней через залитый лунным светом сад! Ни одной мысли ни о ком!.. Слабое утешение... Она брела по газону Хайд-парка и уже более спокойно старалась вспомнить, когда он изменился к ней. Она не могла вспомнить. Его отношение к ней не изменилось, совсем нет! Значит, можно притворяться, что любишь? Можно играть в страсть и, целуя ее, думать об этой девушке!

Любовь! Почему она так одержима ею, что страдает, когда видит его, идущего с другой женщиной, а это ведь сущий пустяк!.. Что же ей делать? Надо доползти до дома и залезть в свою нору! На

Пэддингтонском вокзале она застала отходящий поезд и вошла в вагон. В купе сидели дельцы из Лондона, адвокаты из Темпла, где она была только что. Она обрадовалась шелесту газет, этим бесстрастным лицам, любопытствующим взглядам; она была рада тому, что должна снова надеть маску, чтобы скрывать свои чувства. Но мало-помалу соседи по купе, выходили - некоторых ждали машины, других - вечерний моцион; она осталась одна и стала глядеть в темноту, на пустынную реку, которая уже была видна при свете луны, поднявшейся на юго-западе. На одну безумную секунду она подумала: "А что, если открыть дверь и выпрыгнуть? Один шаг и покой!"

От станции она почти бежала. Шел дождь, и она с удовольствием подставляла под холодные струйки воды разгоряченное лицо. Было еще светло, и она различала дорожку, ведущую через буковую рощу. Ветер вздыхал, шелестел, качал темные ветви, срывал с них листья, Какой-то дикой печалью веяло от гнущегося под ветром леса. Она побежала по шуршащим, не совсем еще намокшим листьям, они прилипали к ее тонким чулкам. На опушке она перевела дыхание и оглянулась назад. Потом, подставив голову дождю, вышла в открытое поле.

Добравшись до дома, Джип поднялась к себе никем не замеченная. Она растопила камин и села перед ним, вся сжавшись, прислушиваясь к ветру, который шумел в тополях, И снова пришли ей на память слова той шотландской песни, которую пела девушка на концерте:

Солнце угасло в сердце моем,
Оно замирает в смертной тоске.

Потом она легла в кровать и в конце концов уснула. Утром она проснулась с радостной мыслью: "Суббота! Он приедет сейчас же после завтрака!" И вдруг вспомнила все! Слово бес гордости вселился в нее и с каждым часом все больше подчинял себе все ее мысли. Она не хотела, чтобы Саммерхэй застал ее дома, когда приедет, велела оседлать лошадь и одна уехала к холмам. Дождь перестал, но с юго-запада все еще дул сильный ветер, небо висело рваными серыми полотнищами, и только в редких просветах холодной синевы торопливо проплывали похожие на дым облака.

Перед ней расстилались уитенхэмские рощи, вся долина, нескончаемые леса по ту сторону реки, тянущиеся на восток, юг и запад под этим странным рваным небом, осенняя земля - побелевшая трава лугов, голые поля, сильно поредевшая бурая и золотая листва деревьев. Но ни игра ветра, ни небо, ни свежесть дождя и далекие краски не могли изгнать из сердца Джип безысходную боль и беса, который вселился в нее.

ГЛАВА VIII

Среди людей есть прирожденные игроки. Они не в силах противиться судьбе, когда она их дразнит, толкая на риск.

Саммерхэй любил Джип и не пресытился ею ни физически, ни душой и даже был убежден, что не пресытится никогда; но это не мешало ему вот уже несколько месяцев вести рискованную игру, которая вчера дошла до опасной границы. И теперь, когда он сел в поезд, чтобы ехать к Джип, его стало терзать беспокойство. Оглядываясь назад; он с трудом мог бы сказать, когда именно были прорваны его оборонительные позиции. Его кузина по натуре тоже была игроком. Он меньше уважал ее, чем Джип, и она меньше его волновала; да и не была - о, нет! - и вполнину так привлекательна; но она обладала - черт бы ее взял! - какой-то неуловимой способностью кружить ему голову, каким-то удивительным, обжигающим, хотя и поверхностным очарованием, покоряющей, победительной силой жизни. Сама влюбленная в жизнь, она сумела убедить его в том, что он позволяет жизни проходить мимо. А жадно пить из источника жизни - разве это не свойственно и его натуре? Их отдаленное родство порождало между ними фамильярность, которая не вызывала подозрений, но разрушала преграды к близости, устранение которых в других случаях требует сознательного усилия.

Саммерхэй еще не отдавал себе отчета, насколько велика опасность. Во всяком случае, он не мог предугадать того кризиса, который возник вчера вечером. Во время завтрака он получил телеграмму от Дианы, она просила его выполнить шутовское обещание, данное ей в Шотландии: пригласить ее на чашку чая и показать ей свою квартиру - безобидная, пустяковая просьба! Не мог же он предвидеть, что она будет выплядеть такой красивой, когда удобно усядется в его большом оксфордском кресле, распахнув манто и открыв белоснежную шею; что, беря из его рук чашку чая, она

протянет руки, нагнет его голову, прижмется губами к его губам и скажет: "Теперь ты все знаешь!" У него закружилась голова и даже теперь кружится, когда он вспоминает об этом. Вот и все - в сущности, пустяки. Но какая-то отравка проникла в его кровь. Поцелуй был короткий. Но Саммерхэй замер, глядя на нее, вдыхая ее аромат, напоминающий запах соснового леса. А она взяла со стола перчатки и стала застегивать пальто, словно это он сорвал поцелуй, а не она. Когда они спускались по ступенькам, она крепко оперлась на его руку. И, садясь в машину у Темпл-Стэйшн, оглянулась на него с насмешливой улыбкой, в которой были и вызов, и теплота, и обещание.

Вернувшись к себе, Саммерхэй нашел в почтовом ящике письмо - должно быть, Джип переслала его из Красного дома. Он почувствовал смутную неловкость оттого, что письмо прошло через ее руки. Он провел беспокойный вечер в клубе, играл в карты, проигрывал, поздно вечером занялся дома одним судебным делом; наутро подвернулась трудная работа, и только теперь, по дороге к Джип, он понял, насколько все перестало быть ясным и простым.

Узнав, что она уехала верхом одна, он почувствовал, как растет в нем ощущение неловкости. Почему она не дождалась его, как всегда? Может быть, подумала, что он не приедет обычным поездом? Он переоделся и отправился в конюшню. Петтенс сидел на ящике для овса и изучал старинный справочник Раффа, в который была занесена летопись и его былой славы; соответствующие места были подчеркнуты карандашом: "Июньские Дерби. "Проворный". Э. Петтенс". "Тайдпот, розыгрыш гандикапа. "Доротей". Э. Петтенс". "Кубок Солсбери. "Плум-Пуддинг" Э. Петтенс". Были помечены и другие его триумфы.

- Добрый день, сэр, ветренный денек, сэр. Хозяйка выехала больше двух часов назад, сэр. Не пожелала взять меня с собой.

- Седлайте Сорванца и поскорее!

- Да, сэр; очень хорошо, сэр!

Больше двух часов! Он поскакал к холмам - по дороге, которой они обычно возвращались домой. Но он проездил около часа, не переставая ее искать, и вернулся домой один разгоряченный и встревоженный. В прихожей на столике лежали ее перчатки и хлыст. Облегченно вздохнув, он побежал наверх. Она причесывала волосы и

резко обернулась, услышав его шаги. Он бросился к ней, и ему показалось, что она смотрит на него, как затравленный зверь. Она отшатнулась от него и сказала:

- Нет! Не притворяйся! Что угодно - только не притворство!

Он никогда не видел ее такой - с таким холодным лицом и колючими глазами. И он отодвинулся от нее.

- Что с тобой, Джип?

- Ничего. Только не притворяйся. - И, повернувшись к зеркалу, она снова принялась расчесывать волосы.

Она была прелестна, с лицом, разругавшимся от долгой прогулки верхом, - ему хотелось обнять ее как можно крепче.

Он сказал со страхом и пробуждающимся раздражением:

- Объясни же, в чем дело?

- Объяснить должен ты. Я - в полном неведении.

- Не возьму в толк, о чем ты говоришь.

- Неужто?

Что-то убийственное было в ее пренебрежительном тоне; пальцы ее торопливо двигались, укладывая темные, блестящие волосы; его потрясла эта неожиданная враждебность. Он сел на край кровати. Может быть, письмо? Но каким образом? Оно не было распечатано.

- Ради бога, Джип, что случилось со вчерашнего дня? Говори же, не мучай меня!

Она повернулась и взглянула на него:

- Не притворяйся, будто ты огорчен тем, что не можешь меня поцеловать! Не лукавь, Брайан! Ты ведь знаешь, - это притворство длится уже не один месяц.

Саммерхэй повысил голос:

- Ты, наверно, помешалась. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

- О нет, ты понимаешь! Ты получил вчера письмо с пометкой: "Весьма срочно"?

Так и есть! Он ожесточился и сказал упрямо:

- Да, получил. От Дианы Лейтон. Ты недовольна?

- Нет. Но подумай: как могло оно дойти так быстро отсюда?

Он сказал хмуро:

- Не знаю. Должно быть, почтой.

- Нет! Я сама положила его в твой почтовый ящик в половине шестого.

Саммерхэй привык соображать быстро и сразу понял все значение сказанного. Он пристально посмотрел на нее.

- Тогда ты, верно, видела нас?

- Да.

Он встал, беспомощно развел руками и сказал:

- О, Джип! Не надо! Не будь же так безжалостна! Я клянусь тебе...

Джип коротко засмеялась и повернулась к нему спиной, продолжая убирать волосы. Им овладело ужасное ощущение, что он вот-вот ударится обо что-то головой. Он сказал растерянно:

- Я только угостил ее чаем. Почему бы и нет? Она моя кузина, это ведь пустяки. Зачем думать обо мне самое худшее? Она хотела посмотреть мою квартиру. Я не мог отказать.

- Твою пустую квартиру? Перестань, Брайан, что за жалкая болтовня! Мне и слушать тебя не хочется.

Саммерхэй, вздрогнув, точно от удара хлыстом, резко повернулся к ней и сказал:

- Тебе, значит, доставляет удовольствие думать обо мне самое плохое?

Пальцы Джип на мгновение замерли.

- Я всегда говорила тебе, что ты совершенно свободен. Ты думаешь, я не чувствовала, что это продолжается уже много месяцев? Но наступает час, когда гордость восстает - вот и все. Не лги мне, прошу тебя.

- У меня нет привычки лгать!

Он чувствовал себя так, словно запутался в какой-то сети и не может выбраться из нее. Всему виной эта проклятая фамиллярность в их отношениях с Дианой, о чем он, неизвестно почему, не сказал Джип. Но как заставить ее почувствовать правду, почувствовать, что он любит одну ее, только одну ее?

- Джип, клянусь тебе - не было ничего, кроме одного поцелуя, да и тот...

Она крикнула:

- О, уходи, уходи же!

Он положил руки ей на плечи.

- Только одну тебя я люблю. Клянусь тебе! Почему ты мне не веришь? Ты должна мне верить. Не надо быть такой злой. Это глупо,

глупо! Подумай о нашей любви, подумай обо всем...

Ее лицо оставалось ледяным; он убрал руки и пробормотал:

- Как она ужасна, твоя гордость!

- Это все, что у меня есть. Можешь уходить к ней, когда пожелаешь.

- Уйти к ней? Да я бы не мог... если хочешь, я никогда больше не буду с ней встречаться.

- О, оставь! Какой в этом толк?

Саммерхэй говорил сейчас именно то, что думал. И все-таки он не в силах заставить Джип поверить! Это ужасно! - И так несправедливо, так неразумно! Что он такое сделал, что она потеряла к нему всякое доверие, и он вдруг стал для нее чем-то вроде мелкого негодяя? Разве он виноват в том, что эта девушка поцеловала его? В том, что она в него влюбилась? Или в том, что он мужчина? Неразумно, несправедливо, невеликодушно! И, бросив на Джип разъяренный взгляд, он вышел.

В кабинете он бросился на кушетку и повернулся лицом к стене. Но не прошло и пяти минут, как его гнев показался ему ребяческим и испарился, а на смену гневу пришла ужасная, неотступная тревога. Он почувствовал, что против него - все существо Джип, вся ее гордость и недоверчивость и - да! - вся глубина ее любви. Ей ничего не нужно, кроме него, а он... он готов довольствоваться меньшим... Но все это он признавал как-то смутно, потому что чувствовал себя в тупике и у него было мучительное желание по-бычьему, лбом пробить себе выход из всего этого, каковы бы ни были препятствия... Как долго все это будет продолжаться? Он встал и принялся шагать по комнате, откинув голову, то и дело потряхивая ею, словно стараясь сбросить с себя ощущение, что он зажат в тиски. Диана!.. Он сказал, что больше не увидит ее. После того поцелуя? После взгляда, который она бросила ему на прощание? Можно ли порвать так, вдруг? Он вздрогнул. Ах, как все скверно! Должен же все-таки быть выход? Разумеется, но какой?

В чаще жизни поселилась обреченность; ее смутный, сумрачный облик уже маячит среди деревьев, показывая ему то бледную щеку, то темные глаза - с какой-то пугающей настойчивостью и непонятной реальностью!

ГЛАВА IX

Джип осталась у себя в комнате и занялась всякими мелочами, пришивала ленточки к белью, протираала кольца; так поступает всякая женщина, почувствовав себя несчастной. Бес, вселившийся в нее с самого утра, теперь крадучись отступал, оставляя лишь смутное ощущение обрушившегося на нее несчастья. Она казнила своего возлюбленного, испытав при этом какое-то удовлетворение; а теперь ей было только больно и горько. Какой от этого толк, какое утешение? Можно ли лечить рану, мстительно растравляя ее мелкими уколами, заражая червоточиной самую сердцевину жизни? Можно ли излечить себя, причиняя боль человеку, которого любишь? Если бы он поднялся сейчас к ней и подал хоть какой-нибудь знак, она бросилась бы ему на шею. Но часы шли, он не приходил, а она тоже не опускалась вниз, вконец подавленная и несчастная. Уже стемнело, но она не задвигала штор и не зажигала огня. Луна, сад, шумящие под ветром листья навевали на нее уныние. Вбежала маленькая Джип. Там, в саду, есть дерево, и она забралась на него, и они собрали две корзины желудей - а свиньи их все поели; а потом свинья убежала, и Бетти пришлось ловить ее. А Бэрайн все ходит по кабинету, он так занят - поцеловал ее только раз!

Ветер! Если бы он мог развеять мучительное чувство, что это конец, сколько бы Брайан ни притворялся, что любит ее! У женщин ее склада, сомневающихся и неуверенных в себе, доверие к кому-либо, однажды расшатанное до корней, уже не может быть восстановлено. Не ее гордой натуре, беззаветно отдающей себя любви, довольствоваться полублювью. Она страшилась любви, сопротивлялась ее приходу, а теперь любовь захватила ее целиком; с того времени она живет только для любви и ни для чего другого, отдает все и хочет получить все; но теперь она со всей очевидностью поняла, что всего не получит. Месяцами он думал - пусть даже немного - о другой женщине. Даже если не было ничего, кроме одного поцелуя, - разве этого мало? У этой девушки, его кузины, в руках все: общество, влиятельная семья, обеспеченная жизнь; на ее стороне и нечто большее, намного большее - тоска мужчины по юному, неразбуженному. На Диане он может жениться! Эта мысль неотступно преследовала Джип. Случайный взрыв мужской естественной страсти она могла бы и забыть, о, да! Но эта девушка, его кузина, берет над ним власть, отнимает его у нее! Может ли она,

не поступившись своей гордостью, удерживать его, связывать по рукам и ногам?

Она услышала, как он поднялся в ванную, и, пока он был там, потихоньку спустилась вниз. Жизнь должна идти своим чередом, прислуга не должна ничего замечать. Она открыла рояль и начала играть. Он тут же вошел и молча стал у камина.

Обед, сопровождаемый вымученным разговором, был почти невыносим; как только он кончился, они разошлись: он в кабинет, она к роялю. Она сидела, готовая каждую минуту ударить по клавишам, если кто-либо войдет; слезы падали на ее руки, лежавшие на коленях. Всею душой она рвалась к нему пойти, обнять, крикнуть: "Мне все равно!.. Все равно! Делай, что хочешь, иди к ней, но только люби меня хоть немного!" Да, теперь уже только немного. Разве это возможно? Нет, не для нее!

В полном отчаянии она поднялась наверх и легла. Она услышала, как он поднимается, и - наконец! - вот он, в свете камина, стоит перед ней на коленях.

- Джип!

Она вскочила и судорожно обвила его руками. Так хватается утопающий за своего спасителя. Гордость была отброшена в сторону; только бы еще раз почувствовать его "рядом с собой, еще раз вернуть невозвратимое прошлое! Она долго слушала его оправдания и уверения в вечной любви - все это было каким-то чужим и мучительным и в то же время ребяческим и трогательным. И она сама успокаивала его. В этот час Джип сумела подняться над собой. Что творилось в ее сердце - неважно; лишь бы он был счастлив, лишь бы у него было все, чего он желает - с нею или, если так будет нужно, без нее, даже навсегда без нее...

Но когда он заснул, для нее началось самое страшное; в эти поздние часы ночи, когда все предстает в зловещем свете, она не могла сдержать рыданий и только старалась их приглушить, уткнувшись в подушку. Он проснулся, и все, началось сначала. Она говорила, плача: "Все кончено"; он повторял: "Не кончено!" Как и во всех человеческих трагедиях, оба были правы, каждый по-своему. Она отдала ему всю себя и того же хотела от него, но это оказалось невозможным. Она была нужна ему, но ему нужны были и покой и жизнь без упреков, а

он не мог получить этого. Он не допускал невозможного; она допускала.

Наконец наступило временное затишье. Она долго лежала без сна, плядя в темноту, отчаянно пытаясь найти в себе силы перенести все это, и не находила их. Невозможно оторвать его от второй жизни! А пока он будет жить этой жизнью, невозможно сделать так, чтобы эта девушка не отнимала его у нее. Нельзя вечно следить за ним, расспрашивать его. Но нельзя и жить немой и слепой, нельзя соглашаться на объедки, ничем не выдавая себя. Она прямодушна, он нет. Что бы он ни говорил, она чувствовала, что он не хочет отказаться от этой девушки, даже если та сама оставит его в покое. И понемногу у Джип стал складываться замысел, казавшийся ей самой отвратительным: испытать его!.. Осторожно, отняв у него свои руки, она повернулась на другой бок и, совершенно обессиленная, наконец заснула.

На следующее утро она уже без всяких угрызений совести начала осуществлять свой план, заставила себя улыбаться и разговаривать так, словно ничего не случилось; и она видела по его просветлевшему лицу, что он рад этой перемене в ней; но сердце у нее по-прежнему болело. Она подождала, пока он собрался уходить, и, все так же улыбаясь, сказала:

- Забудь, что было вчера, милый. Обещай мне! Ты не должен ничего терять. Можешь сохранить дружбу с ней. Я не буду возражать; я буду вполне счастлива.

Он опустил на колени и прижался лбом к ее груди. Глядя его волосы, она повторяла:

- Если ты будешь делать все, что тебе по душе, я только буду счастлива. Я нисколько не буду против этого. - И она увидела, что его озабоченность уже почти исчезла.

- Ты и на самом деле так думаешь?

- Да, на самом деле.

- Значит, ты понимаешь, что это пустяки по сравнению с нашей любовью, сущие пустяки?

Он готов был принять ее муки!

- Тебе было бы трудно и неловко отказаться от этой дружбы. Это оскорбило бы и твою кузину.

Она видела по его лицу, что он окончательно успокоился, и вдруг рассмеялась. Он поднялся с колен и растерянно посмотрел на нее:

- О Джип, ради бога, только не начинай все сначала!

Она подавила рыдание, отвернулась и закрыла лицо руками. На все его просьбы и поцелуи она не отвечала ни словом и, наконец, вырвавшись, побежала к двери. Отчаянная мысль завладела ею. Зачем продолжать? Если она умрет, это будет выходом для него - мир, покой для всех! Но он бросился ей наперерез.

- Джип, ради бога! Я откажусь от нее, правда, откажусь... Ты... ты... будь только разумной! Ну что она для меня значит по сравнению с тобой?

И снова пришла передышка, но оба чувствовали: это потому только, что они измучены.

Звонили колокола в церкви, юго-западный ветер утих - в природе тоже наступило временное затишье, которое обычно начинается ночью и длится двенадцать-пятнадцать часов; сад был усеян листьями всех цветов и оттенков от желто-зеленых до медно-красных.

Саммерхэй провел с Джип все утро, стараясь помогать ей во всем. Страх его постепенно улетучивался: она, казалось, тоже успокоилась, а ему, с таким трудом переносившему любую неприятность, хотелось поскорее отделаться и от этой. Но после завтрака душевная буря разразилась снова и с такой силой, что стало ясно: рана глубока и трудно излечима. Он только спросил, нет ли у нее для него поручений в Лондоне. Она помолчала, потом ответила:

- О нет, спасибо. У тебя много других дел, тебе надо видаться с людьми.

Ее голос, выражение лица с новой силой показали ему, какой удар угрожает всей его жизни. Если он не сумеет убедить ее в своей любви, придется жить в постоянной тревоге: вдруг он приедет и увидит, что она уехала или что-нибудь сделала с собой. Он посмотрел на нее с каким-то ужасом и, не произнеся ни слова, вышел из комнаты. Снова ему показалось, что он вот-вот ударится обо что-то головой, и снова, пытаясь избавиться от этого чувства, он принялся расхаживать взад и вперед по кабинету. Такой пустяк - и такие последствия! Куда девалась ясность ее ума, умение владеть собой? Неужели так ужасно то, что он совершил? Разве его вина, что Диана влюбилась в него?

Ночью Джип сказала:

- Ты жесток. Как ты думаешь, есть ли хоть один мужчина на свете, которого я бы не возненавидела, если бы знала, что мои встречи с ним доставляют тебе боль?

Это была правда - он чувствовал, что это правда. Но нельзя же возненавидеть девушку только за то, что она влюблена в него! По крайней мере, он этого не может, как бы ни хотел избавить Джип от страданий. Это просто неразумно, невозможно! Неужели Джип любит его несравненно сильнее, чем он ее, и в этом состоит вообще различие между любовью женщины и мужчины? Почему она не способна видеть жизнь такой, как она есть? Неужели она не в состоянии понять, что мужчине нужны и другие дружеские связи, - и бывает, что они переходят в мимолетную страсть, - но при этом он может по-прежнему любить ту, которой навсегда отдал свое сердце? Она назвала его жестоким, за что? За то, что он ответил на поцелуй девушки? За то, что ему нравится разговаривать с ней или - да! - приятно немножко пофлиртовать? Он жесток? Нет! Джип всегда останется для него первой. Надо заставить ее понять это, но как? Отказаться от всего? Отказаться от... Дианы? Что ж, он готов это сделать. Его чувство к ней вовсе не плубоко - это истинная правда. Но было бы грубо, недостойно, жестоко оттолкнуть ее сразу, навсегда. Правда, он мог это сделать еще до того, как Джип назвала его жестоким. Можно и надо было это сделать!

Но к чему это приведет? Поверит ли ему Джип? Как бы он ни вел себя, она все равно будет подозревать его всегда, каждый раз, когда он уезжает в Лондон. Так что же тогда - сидеть здесь сложа руки? В нем подымался гнев. Почему она обращается с ним, как с человеком, не заслуживающим доверия? Разве он такой? Он перестал шагать по комнате. Когда Диана обняла его, он ответил на ее поцелуй, потому что не в силах был сопротивляться, как не в силах, например, вылететь вот через это окно и пронестись над тополями. Но он не негодяй, не чудовище, не лжец. Единственное, что он мог сделать, - это не ответить на первое письмо Дианы, год назад. Но возможно ли все предвидеть? Это складывалось постепенно и кончилось ничем - почти ничем. И снова приступ гнева сдавил его сердце. Джип, должно быть, прочитала то письмо, которое валялось под этим проклятым бюстом. Значит, отравка действует с тех пор. Какая нелепая случайность! И он ударил изо всех сил кулаком по бронзовому лицу

Вольтера. Бюст упал, и Саммерхэй тупо посмотрел на свою ушибленную руку. Что за идиотство! Гнев его угас. Как же ему быть? Если бы только она поверила! И снова пришло томительное ощущение безысходности: все бесполезно! Разлад только начинается, но конца ему не видать. Как крыса в мышеловке, его мозг, пытаясь вырваться из этого плена, метался в поисках выхода... Ну, ладно! Раз нет никакой надежды, будь что будет! И, пожав плечами, он вышел, отправился на конюшню и велел старому Петтенсу оседлать Сорванца. Пока седлали, он подумал: "Может быть, позвать Джип?" Но он знал, что больше не вынесет ее упреков. Вскочив в седло, он поскакал к холмам.

Сорванцу, рослому, без единой белой отметины гнедому коню, на котором Джип скакала на охоте, когда впервые встретилась с Саммерхэем, было сейчас около девяти лет. Два недостатка его теперешнего хозяина как ездока привычка вырываться вперед в скачке и не очень легкая рука - действовали на Сорванца, и он не упускал случая закусить удила; возможно, что сегодня его взволновало что-либо уже в конюшне, а может быть он почувствовал, как умеют чувствовать лошади, что с ездоком что-то творится неладное. И Сорванец сразу показал свой норов; Саммерхэю строптивость лошади даже доставляла какое-то странное удовольствие. Он добрый час скакал, не разбирая дороги; потом, разгоряченный, с ноющими руками, повернул назад, к дому; ехал он мимо того места, которое маленькая Джип называла "пустошью", где две болотистых луговины сходились у каменного сарая. Живая изгородь, росшая на насыпи, отделявшей два луга, была в одном месте пониже. Саммерхэй послал Сорванца, и тот перелетел через препятствие, как птица; впервые после того, когда его поцеловала Диана, Саммерхэй на мгновение почувствовал настоящую радость. Он повернул лошадь и снова послал ее на ограду, и снова Сорванец великолепно взял ее. Но у животного разыгралась кровь. Саммерхэй с огромным трудом сдерживал лошадь. Бормоча: "Ах, ты, зверь, не смей тянуть!", - он стал скручивать Сорванцу поводьями губы, в голове у него промелькнули слова Джип: "Ты жесток!" И в ярости он ударил упрявившуюся лошадь хлыстом.

Лошадь рванулась галопом к тому углу, где сходились луга, и вдруг Саммерхэй понял, что ему уже не сдержать животное - словно под ним был паровой двигатель. Доскакав до сарая, Сорванец вдруг

ринулся вперед. "Господи! Он убьется!" - мелькнуло у Саммерхэя. Сорванец несся прямо на увитый плющом сарай - прямо в него! Саммерхэй пригнул голову - поздно! - под плющом был брус! Страшный удар! Выброшенный из седла, Саммерхэй отлетел назад и упал на спину, в лужу, полную опавших листьев и грязи. Сорванец, Поскользнувшись, всем корпусом уперся в стену сарая и, невредимый, остановился, храпя от испуга; потом он выскочил из сарая и, сверкнув одичавшими глазами на хозяина, который не шевелился, рысью побежал в поле, высоко задрал голову.

ГЛАВА X

Когда Саммерхэй, услышав последние слова Джип, вышел из комнаты, сердце ее упало. Все утро она так старалась подавить в себе слепую отчаянную ревность - и вот при первом же напоминании ревность прорвалась снова. Все это свыше ее сил! Жить день за днем, зная, что он в Лондоне либо встречается с этой девушкой, либо с трудом удерживается от встреч с ней! А потом, когда он возвращается сюда, быть с ним такой, как всегда, не показывать вида разве это возможно? Если он ее любит, как смеет он колебаться хотя бы одну секунду? Да сама мысль об этой девушке должна быть ему ненавистной! Он должен был сам сказать ей это вместо того, чтобы заниматься пустыми уверениями. Чего стоят слова, если они противоречат поступкам? Для нее, любящий его каждой частицей своего сердца, непостижимо, как может мужчина по-настоящему любить и желать одну женщину и в то же время увлекаться другой!

Станет ли ее жизнь еще более несчастной, если она уйдет от него и вернется в Милденхэм? Но... жить без него? Это невозможно. Жить с ним? Видимо, и это невозможно тоже. И тут в ее душевной муке наступали минуты, когда разум отказывался служить ей, и она беспомощно металась от одного исхода к другому, уже не пытаясь больше решать. И она все старалась чем-нибудь заняться: то штопала его перчатку, то расчесывала и смазывала мазью старого Осей, то просматривала счета и письма.

В пять часов маленькая Джип должна была вернуться с прогулки; чувствуя себя не в силах слушать ее веселую болтовню, Джип незаметно выскользнула из дома и пошла к реке. Затишье в природе кончилось; юго-западный ветер уже снова сотрясал деревья, и величественные тучи сгрудились на горизонте, заслоня бледную

синеву неба. Она стояла у реки и смотрела, как серая холодная волна уносит сломанные ветки и облетевшие листья, слушала, как ветер порывами сгибает растрепанные верхушки ив. Джип вдруг затосковала по отцу; только он один мог бы хоть немного помочь ей своим спокойствием, любовью, самым своим присутствием.

Она отвернулась от реки и в тяжком раздумье медленно пошла по дороге. А что, если им уехать путешествовать вокруг света? Но откажется ли он ради этого от своей работы? Осмелится ли она предложить ему этот выход? Или это все равно будет только отсрочкой. Если уже теперь ему мало ее одной, не станет ли еще хуже, если она оторвет его от работы? И все-таки это была какая-то искра надежды. Она дошла до дальнего конца луговины, до того места, которое они окрестили "пустошью". Розоватый свет уже окрасил гряду белых облаков, громящихся к востоку от реки; над тучами, похожими на вершины гор, стояла луна, призрачная на бледно-голубом, как лепестки цветущего льна, небе. Все краски были необычны. С дубов, возвышавшихся над живыми изгородями, еще не облетели листья, и, омытые дождем, они сверкали в меркнувшем свете заходящего солнца старым золотом с оттенком густой зелени. Полуобнаженные буки пламенели красной медью. Рдели красноватые кисти рябины. Мимо Джип пролетел сорванный ветром лист, он парил, вращаясь на лету, подымался в разгулявшемся ветре все выше, выше, к небу, пока наконец не исчез вдали.

Дождь обрызгал густую траву, и Джип повернула назад. Рядом с сараем, у ворот, стояла лошадь. Увидав Джип, она заржала. Сорванец! Оседланный, взнузданный, но без ездока! Почему? Где же он тогда?.. Она, не помня себя, вбежала внутрь сарая и увидела Саммерхэя, лежащего в грязи на спине с широко открытыми глазами. Лоб и волосы его были в крови, он был весь усеян опавшими листьями. Боже! О боже! Его глаза не видели, он не дышал, сердце его не билось. Листья закрыли его лицо, кровь на его бедной голове. Джип приподняла его - застывшего, холодного, как лед. Она только раз вскрикнула и упала, обнимая его окаменевшее тело, целуя губы, глаза, разбитый лоб. Она прижимала его к себе, согревала, пытаясь вдохнуть в него жизнь; и, наконец, тихо легла сама, прижав губы к его холодным губам, тело к его холодному телу, распростертому в грязи, среди опавших листьев. Ветер шуршал в плюще и уносился дальше,

пропитанный свежестью дождя. Рядом стоял гнедой; беспокойно вытянув голову, он обнюхал Джип, потом, попятившись, заржал и пошел кружить по лугу...

Старый Петтеяс, дожидавшийся возвращения Саммерхэя, чтобы запереть на ночь конюшню, услышал далекое ржание, вышел к садовым воротам и приложил руку козырьком к маленьким глазкам, щурясь на заходящее солнце. Он увидел лошадь без седока, она носилась галопом возле "пустоши", где не должно было быть лошадей. Он подумал: "Вот тебе и на! Этот хитрый дьявол вырвался и убежал от хозяина. А теперь придется ловить его!" Он вернулся в конюшню, взял немного овса и вышел за ворота, стараясь шагать побыстрее негнушиться ногами. Старый лошажник, как это часто бывает, и не подумал о каком-либо несчастье.

Просто хозяин спрыгнул с седла - вероятно, чтобы отворить засов в тяжелых воротах. А этот гнедой - просто наказание божье! Петтенсу было не так-то легко простить беды, причиненные ему этим животным.

Через полчаса он вбежал в освещенную кухню, шатаясь и задыхаясь, и слезы текли по его морщинистым щекам к уголкам рта.

- О господи! Зовите фермеров, доставайте носилки. О мой бог! Бетти, кухарка! Я не мог оторвать ее от него. Она не говорит ни слова. Я пощупал ее - вся холодная. Скорее вы, девчонки, скорее! О боже! Бедный хозяин! Лошадь, наверно, на скаку влетела в сарай, и убила его. Я видел следы царапины на спине этого дьявола Сорванца, он ободрал кожу о стену. Живее, вы! Берите носилки, а то она умрет там с ним в грязи. Уложите ребенка, бегите за доктором, пошлите телеграмму в Лондон майору - пусть едет немедленно. О, черт бы вас побрал, шевелитесь же! Что толку выть и пускать пузыри?

В том углу, где сходятся луга, свет луны и фонаря падал на старый каменный сарай, на плющ и сломанные ворота, на грязную лужу с золотистыми листьями и на два неподвижных тела, прижавшихся друг к другу. Джип была без сознания, и, казалось, между обоими нет никакого различия.

Потом по смятой траве двинулось назад в ветре и лунном свете маленькое шествие: первые носилки несли двое мужчин, вторые - две женщины и мужчина, а сзади шел старый Петтенс и вел под уздцы лошадь.

ГЛАВА XI

Когда Джип пришла в себя, первым, еще бессознательным ее движением было приподняться в кровати и убедиться, что Саммерхэй рядом. Еще не открывая глаз, она, как обычно, протянула руку, чтобы коснуться его, а потом снова заснуть. Но рядом не было тепла, не было жизни; в ее мозгу, все еще отуманенном морфием, мысли текли смутно и сиротливо: "Ах да, он в Лондоне".

И она повернулась на спину. В Лондоне... Что-то случилось? Она открыла глаза. Ах, значит, огонь горел в камине всю ночь... Кто-то сидит в кресле, или это ей снится? И вдруг, сама не зная почему, она начала задыхаться. Фигура в кресле зашевелилась, повернула лицо к огню камина. Бетти! Джип закрыла глаза. Все ее тело покрылось холодным потом.

- Бетти!

- Да, моя милочка?

- Что случилось?

- Не думай об этом! Твой отец сейчас будет здесь, моя радость. Широко открытыми глазами Джип смотрела на огонь, на покачивающуюся фигуру в кресле, на тонкий луч света, едва пробивающегося сквозь неплотно задернутую штору. Она провела языком по губам, сложила руки под одеялом и прижала их к сердцу... Так значит... значит, она не умерла вместе с ним - не умерла! Не ушла вместе с ним в землю - нет!.. Сразу в ее мозгу вспыхнуло: они хотят, чтобы она осталась в живых!

- Бетти, мне так хочется пить. Принеси мне чашку чая.

- Да, моя милочка, сейчас. Это тебе полезно. Вот и прекрасно!

- Да...

Как только за Бетти захлопнулась дверь, Джип соскочила с постели. Вся ее душа теперь была сосредоточена на одном - перехитрить их! Она подбежала к гардеробу, схватила длинное меховое пальто, сунула голые ноги в туфли, обмотала голову куском кружева и открыла дверь. Всюду было темно и тихо. Стараясь ступать неслышно, она спустилась с лестницы, сняла цепочку с входной двери, открыла ее и побежала. Как тень, скользила она по траве, миновала садовую калитку и понеслась по дороге под темными деревьями, с которых падали дождевые капли. Бледный свет зари пробивался сквозь темноту; она уже могла видеть отражение своих

ног в лужах на дороге. Потом она услышала гудение въезжающей на холм машины и спряталась в тени ограды. Вспыхнул призрачный, словно нащупывающий свет фар; они выхватили из темноты верхушки кустарника, стволы деревьев, легли блестящей полосой на дорогу. Джип увидела, как шофер повернул к ней голову, потом кузов машины промелькнул и пропал в темноте, мигнув светом заднего фонарика. Может быть, в этой машине проехал в Красный дом отец и привез с собой врача, чтобы помочь ей остаться в живых. Она побежала дальше. Из ворот вышел человек с собакой, он крикнул ей вслед: "Эй!" Джип уже потеряла туфли и бежала босая, не чувствуя камней и сучьев на дороге, бежала все дальше, к тропинке, которая немного левее гостиницы вела прямо к реке, туда, где берег был всегда пустынен.

Она свернула на тропинку: в ста или более шагах она уже смутно различала среди и в широкую серую полосу реки. Река!.. На ней прошли самые счастливые часы ее жизни! Его уже нет, но она найдет его там, где он лежал, положив голову ей на грудь, где она мечтала, наслаждалась красотой, любила его! Она добежала до берега. Холодная и молчаливая река текла, казалось, быстрее, чем обычно, и ее берег медленно светлел в первых проблесках зари. Джип стояла неподвижно, часто дыша после долгого бега. Колени ее дрожали и подгибались. Она уселась на мокрую траву, подтянула колени к подбородку и, обхватив их руками, стала раскачиваться взад и вперед; рассыпавшиеся волосы закрыли ей лицо, кровь шумела в ушах. Сердце готово было остановиться. Она сидела, словно ожидая, когда можно будет глубоко вздохнуть и побольше набрать воздуха, прежде чем броситься в свинцовую воду. Странная отрешенность - свойство всякой лихорадки овладело Джип, и ей казалось, что она видит себя со стороны, сидящей здесь и ждущей. У нее мелькнуло в голове: "Я буду видеть себя мертвой, плывущей среди камышей. Я буду видеть птиц, которые станут удивляться мне".

И вдруг она вся затряслась от сухих рыданий. Все вокруг словно растаяло, - ничего не осталось, кроме ее собственного тела, прерывистого дыхания и этого страшного шума в ушах. Ее мальчик - ее мальчик, бедный его лоб! Она задрожала и упала лицом вниз, хватаясь руками за землю и мокрую траву.

Солнце уже легло светлыми полосами на реку. Запела малиновка, лист упал на голую лодыжку Джип.

Уинтон в субботу охотился и, вернувшись в Лондон в воскресенье вечерним поездом, отправился прямо в клуб ужинать. Он заснул с сигарой в зубах, и его разбудили, когда клуб уже закрывался. Был третий час, когда он добрался до Бэри-стрит и там нашел телеграмму: "Что-то ужасное случилось с мистером Саммерхэем. Немедленно приезжайте. Бетти".

Никогда он так не проклинал себя за то, что у него одна рука, как в эти минуты, пока Марки одевался, помогал одеться хозяину, укладывал вещи и вызывал такси для дальней поездки. Они выехали в половине четвертого. Всю дорогу Уинтон кутался в меховое пальто и сидел, наклонившись вперед, словно собираясь сунуть голову в окошечко и командовать шофером. Это была сумасшедшая ночь. Он не позволил слабогрудому Марки вылезать и показывать дорогу. Дважды этот молчаливый человек заговаривал с ним:

- Это очень плохо для мисс Джип, сэр?

- Да, плохо. Ужасно. И второй раз:

- Вы думаете, это значит, что он умер, сэр?

Уинтон отвечал мрачно:

- Бог знает, Марки. Будем надеяться на лучшее.

Могла ли судьба нанести еще более жестокий удар ей, такой любящей, такой нежной!

Бетти и горничная уже стояли в полумраке, у открытой калитки, ломая руки. Выскочив из машины, Уинтон крикнул:

- В чем дело, женщина? Быстро!

- О сэр! Моя милочка исчезла. Я оставила ее на минуту, чтобы принести чашку чая, а она убежала на холод!

Уинтон стоял несколько секунд, словно окаменев. Потом, схватив Бетти за плечо, он тихо спросил:

- Что случилось с ним?

Бетти не могла говорить. Ответила горничная:

- Лошадь убила его у сарая, сэр, там, в лугах. А хозяйка была без сознания и очнулась всего четверть часа назад.

- Какой дорогой она ушла?

- Вот отсюда, сэр; дверь и калитка были открыты, а какой дорогой, я не знаю.

Река!

- Разверните машину! Не выходите, Марки. Бетти и вы, девушка, бегите к лугам, ищите ее там... Да? В чем дело?

Шофер высунулся из окошка.

- Когда мы поднимались на холм, сэр, я видел какую-то даму в длинном черном пальто и в чем-то белом на голове. Она стояла у изгороди.

- Хорошо. Поезжайте снова туда и глядите в оба. В такие минуты раздумывать некогда. Да размышлять и не было нужды: все эти сады, виллы, гостиница только преграждали путь к реке. Уинтон остановил машину возле узкой тропинки, которая ответвлялась вниз, к берегу, выпрыгнул и побежал. Молча, не произнося ни звука, он бежал по краю берега, поросшему травой. Марки спешил за ним. Когда Уинтон увидел на берегу что-то темное, он почувствовал на мгновение, что умирает: ему показалось, что это брошенная одежда. Потом он заметил, что темное пятно шевелится, и, дав знак Марки остановиться, пошел вперед один, ступая на цыпочках по траве. Осторожно обходя распростертую на земле фигуру, он стал на колени и сказал:

- Радость моя!

Джип подняла голову и взглянула на него. Ее бледное лицо, неестественно большие темные глаза, рассыпавшиеся волосы - это было воплощение самого горя. Он не знал, что ему делать, как помочь ей, как успокоить, спасти. В ее взгляде был страх затравленного зверя. Только смутный инстинкт заставил его сказать:

- Я потерял ее так же ужасно, Джип,

Он увидел, что эти слова дошли до ее сознания: безумный взгляд стал смягчаться. Он привлек ее к себе, прижался щекой к щеке и бормотал, обнимая ее дрожащее тело:

- Ради меня, Джип, ради меня!..

Усадив ее с помощью Марки в машину, он повез ее не домой, а в гостиницу. Джил вся горела и вскоре начала бредить. На следующий день приехали вызванные телеграммой тетюшка Розамунда и миссис Марки. Уинтон, снял всю гостиницу, чтобы шум не беспокоил Джип.

В пять часов Уинтона позвали вниз, в так называемую читальную комнату. У окна стояла высокая женщина, прикрыв глаза рукой в перчатке. Хотя они жили всего в десяти милях друг от друга, он знал

леди Саммерхэй только в лицо. Он ждал, пока бедная женщина первая нарушит молчание. Она сказала тихим голосом:

- Говорить не о чем. Но мне казалось, что я должна повидать вас. Как она?

- В бреду.

- Мой бедный мальчик! Вы видели его... его лоб? Я отвезу его домой.

Слезы медленно покатались по ее бледному лицу, закрытому вуалью. Она отвернулась к окну и провела платком по глазам. Глядя в окно на темнеющую лужайку, Уинтон сказал:

- Я пришлю все его вещи, кроме... кроме тех, которые могут чем-либо помочь моей бедной дочери.

Она быстро обернулась.

- Вот как все это кончилось! Майор Уинтон, не кроется ли что-нибудь за этим? Они действительно были счастливы?

Уинтон посмотрел ей прямо в глаза и сказал: - О да, очень счастливы.

Не дрогнув, он встретил устремленный на него, замутненный слезами взгляд; тяжело вздохнув, она снова отвернулась и еще раз провела платком по лицу, опустила вуаль и поспешно вышла.

Это не было правдой. Он слышал, что бормотала в бреду Джип, но никто, даже мать Саммерхэя, не узнает ничего, насколько это от него зависит.

В последующие дни Джип все еще была без памяти, и жизнь ее висела на волоске. Уинтон не оставлял ее комнаты, этой комнаты с низким потолком и увитыми плющом окнами, откуда можно было видеть реку, поблескивающую под бледным ноябрьским солнцем или темную под звездами. Он все смотрел на нее, словно зачарованный. Он просто чудом вырвал Джип у реки.

Уинтон отказался от сиделки. Тетушка Розамунда и миссис Марки прекрасно умели ухаживать за больными, а ему не хотелось, чтобы чужой человек слышал слова, которые вырывались у Джип в бреду. Собственно, его участие в уходе за больной заключалось в том, что он сидел с ней рядом и, насколько возможно, охранял ее секреты от других. Он готов был сидеть часами, не отрывая от нее глаз. Никто не мог лучше, чем он, улавливать те звенья реального, цепляясь за

которые человек в бреду, сам того не зная, как бы на ощупь ищет дорогу в темном лабиринте, в котором блуждает его душа.

Уинтона удивляло, как много людей приходили справляться о здоровье Джип; даже те, кого он считал врагами, оставляли карточки или посылали слуг. Но простые люди особенно волновали его своим участием к Джип, чья красота и мягкость завоевали их сердца. Однажды утром он получил письмо, пересланное с Бэриситрит:

"Уважаемый майор Уинтон,

Я прочла в газете о смерти бедного мистера Саммерхэя. И, ах, мне так стало жаль ее! Она была так добра ко мне. Я все еще тяжело переживаю это несчастье. Если вы думаете, что ей будет приятно узнать, как все мы сочувствуем ей, вы, может быть, скажете ей об этом. Да, это жестокий удар.

Преданная вам
Дафна Уинг".

Значит, они знали о Саммерхэе! Уинтон почему-то не предполагал этого. Он не ответил на письмо, не зная, что написать.

Иногда он зажимал уши, чтобы не слышать этого тяжелого бреда, порождаемого воспаленным мозгом Джип. Ее помраченное сознание, видимо, все еще не воспринимало всего ужаса совершившейся трагедии; с ее губ все время срывались слова любви, она без конца повторяла, что боится потерять его. И лишь изредка на губах появлялся тихий смех, бесхитростный и чарующий, словно отблеск огромного счастья. Этот смех был страшнее всего, что он слышал. Но постепенно Уинтон стал находить какое-то недоброе утешение в том, что трагическая смерть Саммерхэя предотвратила еще более трагический исход для Джип. Однажды ночью, сидя в большом кресле у ее кровати, он проснулся, почувствовав, что она смотрит на него. Теперь эти глаза видели, они были снова глазами Джип! Губы ее зашевелились.

- Отец!

- Да, моя крошка.

- Отец, я помню все!

Услышав эти ужасающие своей краткостью слова, Уинтон наклонился и прикоснулся губами к ее руке.

- Где он похоронен?

- В Уидрингтоне.

- Да...

Это был скорее вздох, чем слово. Подняв голову, Уинтон увидел, что глаза ее снова закрылись. Прозрачность ее бледных щек и лба на фоне темных волос и ресниц потрясли его. Живое ли это лицо или это красота смерти?

Он наклонился над ней. Она дышала. Уснула.

ГЛАВА XII

Они вернулись в Милденхэм почти через два месяца после смерти Саммерхэя, в день Нового года. Милденхэм был такой же темный, полный тех же призраков прежних дней. Для маленькой Джип, сейчас уже пятилетней, это был самый приятный дом. Наблюдая, как девочка становится душой этого дома, где жила ребенком она сама, Джип временами находила в этом утешение. Она еще не набралась сил, по-прежнему походила на тень, и тот, кому удавалось взглянуть на ее лицо внезапно, видел самое печальное лицо на свете. Больше всего она заботилась о том, чтобы никто не застал ее врасплох. Уинтона ее улыбка приводила в отчаяние. Всю зиму и весну он не мог придумать, как помочь ей. Она делала над собой огромные усилия, стараясь держаться, и тут он ничего не мог поделать - только наблюдать и ждать. Да и к чему ускорять ход событий? Ее могло исцелить только время.

Пришла и ушла весна. Джип окрепла, но ни разу не вышла за ограду сада, никогда не говорила о Красном доме и не упоминала о Саммерхэе. Не то, чтобы она не хотела расставаться со своим горем, - наоборот, она всячески старалась забыть или затаить его. С ней просто было то, что некогда называлось разбитым сердцем. Тут уж нельзя было ничего поделать. Маленькой Джип сказали, что "Бэрайн уехал навсегда и что она не должна о нем говорить, чтобы маме не было грустно"; но она иногда внимательно, с какой-то озадаченной серьезностью приглядывалась к матери. Однажды она сказала Уинтону, поразив его детской прозорливостью:

- Мама не живет с нами, дедушка; она живет где-то далеко. Я думаю, она там, с ним, с Бэрайном?

Уинтон поглядел на нее и ответил:

- Может быть, и так, деточка, но никому не говори об этом, кроме меня. Вообще ни с кем не говори о нем.

- Да, я знаю; но где он, дедушка?

Что мог ответить Уинтон?

Он много ездил верхом и брал с собою девочку, для которой, как некогда для ее матери, это было подлинным счастьем; но Джип он не решался звать с собой. Она никогда не говорила о лошадях, не подходила к конюшням и целые дни занималась мелочами по дому, работала в саду, сидела у рояля, иногда немного играла, но больше смотрела на клавиши, сложив руки на коленях. Это было в начале того рокового лета, когда люди еще не ощущали подземных толчков войны, когда тьма еще по-настоящему не стуслилась. Перед глазами Уинтона уже не вставали темные глаза и вьющиеся волосы той, его возлюбленной, ни образ его самого, в коричневом мундире, выкрикивающего знакомые слова команды на плацу казармы. Он думал об одном: только бы вывести Джип из этого состояния отрешенности!

В июне он предложил ей поехать в Лондон. К его удивлению, она согласилась без колебаний. Они поехали в троицын день. Когда они проезжали мимо Уидрингтона, он дал волю своему красноречию, стараясь ее отвлечь; но чуть позже, осторожно выплянув из-за газеты, он увидел, что она сидит, отвернувшись к окну, смотрит на поля, и слезы катятся по ее щекам. Она не вымолвила ни слова, взгляд ее был неподвижен, только слезы все катились по лицу. Уинтон, не отрываясь, смотрел на нее, сузив глаза; лицо его отвердело, кожа, казалось, плотно обтянула скулы.

От вокзала на Бэри-стрит машина ехала по узеньким улочкам, где выставляет себя напоказ нищета мира; где изнуренные мужчины, измученные заботами женщины и призраки маленьких детей, беспечно сидящих в канавах и на порогах домов, каждой чертой своих землистых лиц, каждым движением своих исхудалых тел заявляют о том, что золотой век далеко позади; где неприглядные, закопченные дома говорят о том, что избавление откладывается в долгий ящик; где не больше следов красоты, чем в подземном водостоке. Джип, подавшись вперед, глядела из окна машины. Уинтон почувствовал, как она взяла его за руку и крепко сжала ее.

Вечером после обеда они сидели в комнате, которую он некогда, очень давно, обставил для ее матери; все так же, как и тридцать лет назад, в ней стояли стулья атласного дерева, и маленькое бюро в стиле XVII века, и старые медные канделябры. Джип спросила:

- Отец, ты не будешь возражать, если я устрою в Милденхэме нечто вроде приюта для бедных детей, которые могли бы пожить там, хорошо питаться, дышать свежим воздухом?

Странно растроганный этой ее первой просьбой после разыгравшейся трагедии, Уинтон сказал:

- Милая моя, а ты достаточно окрепла?

- Вполне. Теперь у меня все в порядке, кроме вот этого. - Она показала рукою на сердце. - То, что отдано, человек не может получить обратно. Я тут ничего не могу поделать. Я бы сделала, если бы могла. Все это так ужасно огорчило тебя. Когда я буду плядеть на детишек, ухаживать за ними, мне не придется так много думать; чем больше я буду занята, тем лучше. Мне хотелось бы начать сейчас же.

Уинтон кивнул. Все, что она хочет! Все, что только может помочь ей!

- Розамунда поможет тебе, - пробормотал он. - Она ведь у нас мастер на такие дела. - И, посмотрев на нее внимательно, он добавил: - Мужайся, дитя мое, все еще вернется когда-нибудь.

Джип заставила себя улыбнуться и сказала тихо:

- А все-таки без того, что было, я не могла бы жить теперь.

Она обхватила руками колени, глаза ее странно блестели и слабая улыбка словно замерла на губах. И Уинтон подумал: "Любовь! Любовь без меры! Сильнее смерти!"

1917 г.